

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет)

Федеральный центр координации деятельности субъектов Российской Федерации по развитию организации оказания медицинской помощи по профилю «гериатрия»

Когнитивный тренинг для пациентов с умеренными когнитивными расстройствами

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И. М. СЕЧЕНОВА МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СЕЧЕНОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ОРГАНИЗАЦИИ ОКАЗАНИЯ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПО ПРОФИЛЮ «ГЕРИАТРИЯ»

КОГНИТИВНЫЙ ТРЕНИНГ ДЛЯ ПАЦИЕНТОВ С УМЕРЕННЫМИ КОГНИТИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Методическое пособие

Москва, 2024

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И.М.
СЕЧЕНОВА МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (СЕЧЕНОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ОРГАНИЗАЦИИ ОКАЗАНИЯ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПО ПРОФИЛЮ «ГЕРИАТРИЯ»

**КОГНИТИВНЫЙ ТРЕНИНГ ДЛЯ ПАЦИЕНТОВ
С УМЕРЕННЫМИ КОГНИТИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ**

Методическое пособие

Москва
2024

УДК 161.8 - 085.081
ББК 56.14
К 57

К 57 Когнитивный тренинг для пациентов с умеренными когнитивными расстройствами / И. С. Преображенская, Д. В. Преображенский, А. А. Киндарова, Д. Фаталис, С. А. Абдышова. Издание 2-е. М.: Издательство ООО «КОНГРЕССХИМ» – 2024. – 300 с.

ISBN 978-5-6052709-3-5

Методическое пособие предназначено для пациентов с когнитивными нарушениями (умеренные когнитивные расстройства, легкая деменция) при болезни Альцгеймера и сосудистых когнитивных расстройствах; может быть использовано специалистами в сфере охраны здоровья граждан, социальной защиты населения, осуществляющих медико-педагогическую, психо-коррекционную и комплексную реабилитационную работу с пациентами.

Методические рекомендации были разработаны в помощь пациентам с когнитивными расстройствами и членам их семей, и знакомят читателя с системой тренировки памяти, внимания, скорости психических процессов, интеллекта и речи, эффективность которых была доказана в результате исследований, выполненных коллективом авторов на базе кафедры нервных болезней и нейрохирургии института клинической медицины ФGAOY BO Первый MГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), у пациентов с болезнью Альцгеймера и сосудистыми когнитивными расстройствами, на стадии умеренных когнитивных нарушений и легкой деменции.

Методическое пособие издано в рамках реализации национального проекта «Демография» и мероприятия «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» федерального проекта «Старшее поколение».

УДК 161.8 - 085.081
ББК 56.14

ISBN 978-5-6052709-3-5

©Коллектив авторов, 2024
©ФЦ «Старшее поколение», 2024

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Преображенская Ирина Сергеевна – доктор медицинских наук, профессор, врач-невролог, профессор кафедры нервных болезней и нейрохирургии института клинической медицины ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет).

Преображенский Дмитрий Вячеславович – художник по 3D персонажам, автор иллюстраций; Россия, Москва.

Киндарова Аминат Аюбовна – врач-невролог Юсуповской больницы (Москва, ул. Нагорная, 17, корп. 6.), аспирант кафедры нервных болезней и нейрохирургии института клинической медицины ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет).

Фанталис Давид – врач-невролог клиники МЕДСИ (г. Москва, ул. Zubовский б-р, д. 22/39), аспирант кафедры нервных болезней и нейрохирургии института клинической медицины ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет).

Абдышова Саида Аскербековна – врач-невролог городской клинической больницы № 71 (ГКБ 71, Москва, Можайское шоссе, д. 14), аспирант кафедры нервных болезней и нейрохирургии института клинической медицины ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Краткое описание занятий, физической активности, режима дня, сна и бодрствования	7
Ежедневный комплекс упражнений для мелкой моторики	9
Комплексы упражнений когнитивного тренинга по дням	
1 – 2 день	15
3 – 4 день	20
5 – 6 день	25
7 – 8 день	30
9 – 10 день	35
11 – 12 день.	40
13 – 14 день.	45
15 – 16 день	50
17 – 18 день	55
19 – 20 день	60
21 – 22 день	65
23 – 24 день	70
25 – 26 день	75
27 – 28 день	80
29 – 30 день	85
31 – 32 день	90
33 – 34 день	95
35 – 36 день	100
37 – 38 день	105
39 – 40 день	110

Приложения

Текст 1. Джек Лондон «Мамонт Томаса Стивенса»	115
Текст 2. Карл-Йеско Фон Путткамер «Чудовища Саргассов»	125
Текст 3. Герберт Уэллс «Долина пауков»	142
Текст 4. Роберт Сильверберг «Решение Асениона»	152
Текст 5. Гарри Тердлав «Падение Трентора»	168
Текст 6. Рей Брэдбери «Дядюшка Эйнар»	189
Текст 7. О. Генри «Фараон и хорал»	197
Текст 8. Рюноске Акутагава «Счастье»	203
Текст 9. А. Чехов «Аптекарьша»	210
Текст 10. А. Азимов «Всего один концерт»	214
Текст 11. Джером Сэлинджер «Хорошо ловится рыбка-бананка» . . .	219
Текст 12. В. Набоков «Гроза»	230
Текст 13. А. И Б. Стругацкие «В наше интересное время»	233
Текст 14. Р. Киплинг «Как было написано первое письмо»	239
Текст 15. Э.-А. По «Остров феи»	247
Текст 16. Г. Лавкрафт «Сон»	252
Текст 17. М. Булгаков «Полотенце с петухом»	256
Текст 18. Э. Хемингуэй «Очень короткий рассказ»	267
Текст 19. Л.Н. Толстой «Три старца»	269
Текст 20. Г. Гаррисон «Четвертый закон робототехники»	274

ВВЕДЕНИЕ

Добрый день, уважаемые читатели.

Мы рады представить вам методические рекомендации, которые были разработаны нами для улучшения вашей памяти, внимания и скорости психических процессов. Мы очень надеемся, что те советы и упражнения, которые вы найдете в настоящем пособии, позволят вам улучшить как качество памяти и внимания, так и, - самое важное, - качество жизни.

Упражнения разбиты на 20 блоков, каждый из которых предлагается выполнить за два дня; таким образом, общая продолжительность занятий составит 40 дней. До того, как предложить их вам, мы провели научные исследования у добровольцев, проведенное исследование показало, что использование этого когнитивно-моторного тренинга существенно улучшает как уровень познавательных функций пациентов, так и качество их жизни и эмоциональное состояние. Некоторые упражнения покажутся вам легкими, другие, напротив – достаточно трудными; вы можете отмечать наиболее понравившиеся и, напротив, раздражающие вас и показавшиеся сложными упражнения в дневнике, находящемся в конце каждого блока упражнений. Мы настоятельно советуем вам вести этот дневник – так вам и наблюдающему вас врачу будет легче понять, что давалось труднее всего и помочь вам при необходимости. При регулярном ведении дневника вы также сможете самостоятельно оценить свой прогресс. Оптимальная продолжительность занятий 30-60 минут в день.

Приходя на очередной визит к своему врачу, возьмите, пожалуйста, это методическое пособие и заполненный дневник: вы сможете обсудить те трудности, которые возникли у вас в процессе тренировки, показать те упражнения, которые, напротив, не вызвали трудностей. Это будет важно вашему врачу при выполнении нейропсихологического тестирования и оценки результатов, которых получилось достичь.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЗАНЯТИЙ, ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ, РЕЖИМА ДНЯ, СНА И БОДРСТВОВАНИЯ

Для выполнения заданий вам понадобится:

1. Секундомер.
2. Миска с мелкими предметами (орехи, желуди, горох, пуговицы, бусины).
3. Полотняный или полиэтиленовый мешочек с горохом (чечевицей, рисом, гречкой), небольшого размера, чтобы помещался в ладонь. Проще всего сделать его, насыпав крупу в полиэтиленовый пакет и завязав.
4. Ручка.
5. Карандаш, цветные карандаши или фломастеры (по желанию).

Продолжительность занятий:

Занятия не должны продолжаться больше 1 часа в день. В конце занятия отмечайте, что давалось вам легко, а что вызывало трудности. Желательно отмечать это каждый день или один раз в два дня.

При выполнении заданий калькулятором пользоваться запрещено.

Физическая активность:

Желательно, чтобы каждый день вы ходили в вашем обычном темпе около получаса – это примерно 4-6 тысяч шагов. Если есть сомнения в количестве вашей физической активности, используйте счетчик шагов. Каждый день отмечайте, сколько вы смогли пройти (в минутах или шагах, как вам удобнее).

Сон:

Сон помогает усваивать информацию, полученную нами в течение дня.

Для хорошего ночного сна следует:

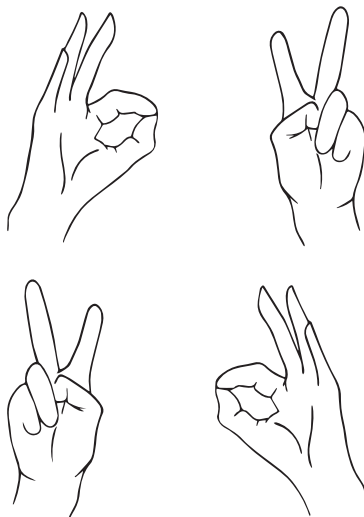
- ложиться спать и вставать в одно и то же время;
- исключить дневной сон;
- во второй половине дня ограничить прием нарушающих сон напитков и веществ (кофе, чай);
- не ложиться спать с чувством голода или переедания;
- примерно за час до сна важно ограничить свою активность, как физическую, так и умственную;

- если вы не смогли заснуть в течение 30 минут, не лежите в кровати, ожидая наступления сна. Вставайте, занимайтесь тем, чем вам хочется и вновь отправляйтесь в кровать только тогда, когда почувствуете сонливость и желание заснуть;
 - в кровати нельзя есть, читать, смотреть телевизор;
 - постарайтесь не пользоваться гаджетами и компьютером перед сном; это затрудняет засыпание.
- Записывайте каждый день продолжительность вашего сна.

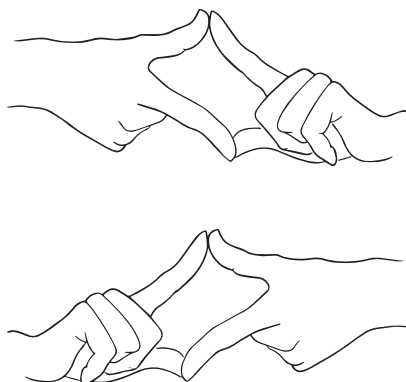
ЕЖЕДНЕВНЫЙ КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ

Комплекс упражнений рекомендуется выполнять каждый день по 10-15 минут выполняйте следующие упражнения:

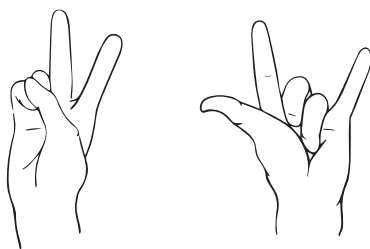
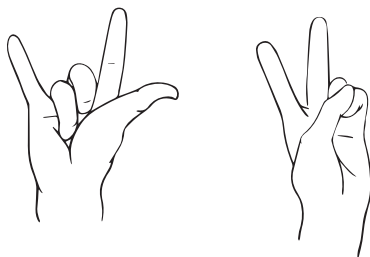
1. Большой и указательный пальцы правой руки сложите в кольцо, указательный и средний пальцы левой руки выпрямите, остальные пальцы левой руки в кулаке. Чередуйте эти движения.

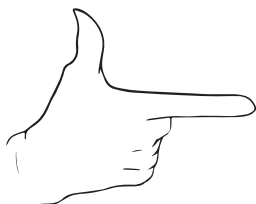
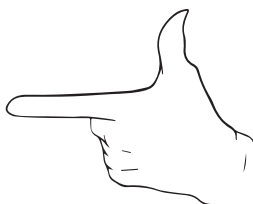
2. Соедините указательный палец одной руки с большим пальцем другой руки, указательные и большие пальцы обеих рук образуют «окошко». Поменяйте руки.

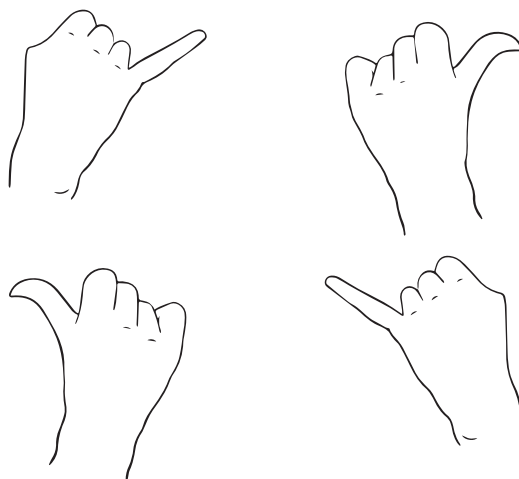
3. Выпрямите 1, 2 и 5 палец одной руки и 2 и 3 палец другой руки. Чередуйте эти движения рук.

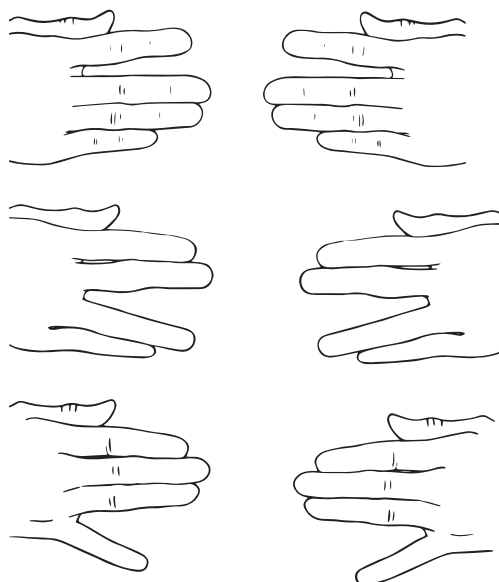
4. Выпрямите указательный и средний пальцы одной руки, остальные сжаты в кулак; другой рукой выполните указательный жест. Чередуйте движения рук.

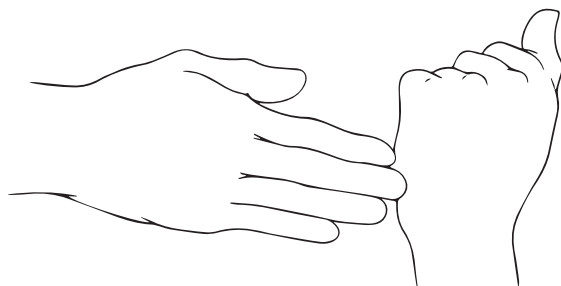
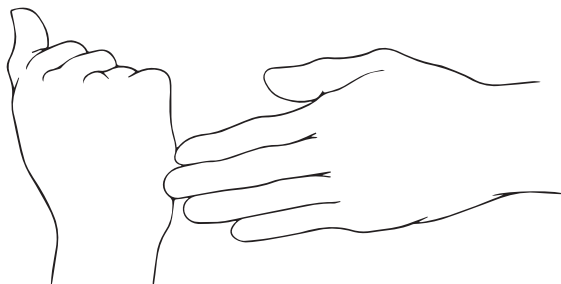
5. Руки в кулаке, мизинец правой руки и большой палец левой разогнуты; кисти двигаются вправо. Затем мизинец левой руки и большой палец правой разогнуты, кисти двигаются влево. Чередуйте движения рук.

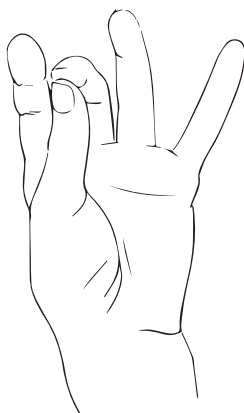
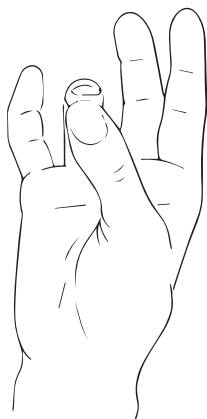
6. Соедините все пальцы вместе, кисть прямая. Отводите поочередно первый палец, затем первый и второй вместе, первый, второй и третий вместе и так далее. Делайте это движение одновременно двумя руками.

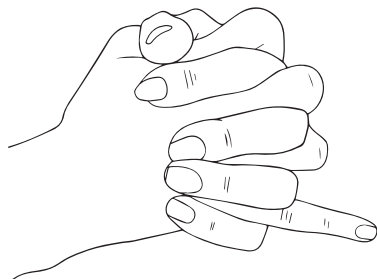
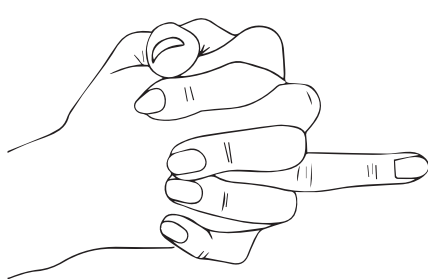
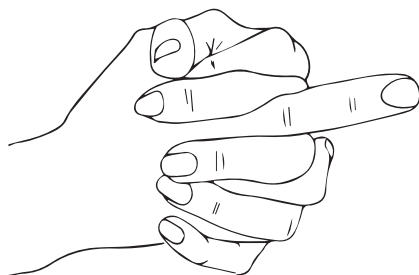
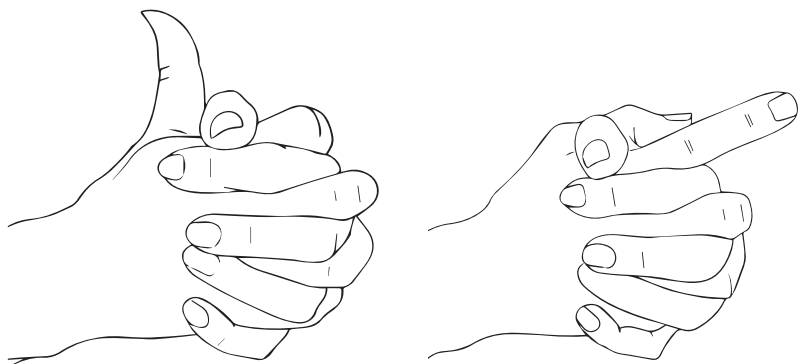
7. Правую руку сожмите в кулак, коснитесь ее прямой левой рукой. Меняйте положение рук.

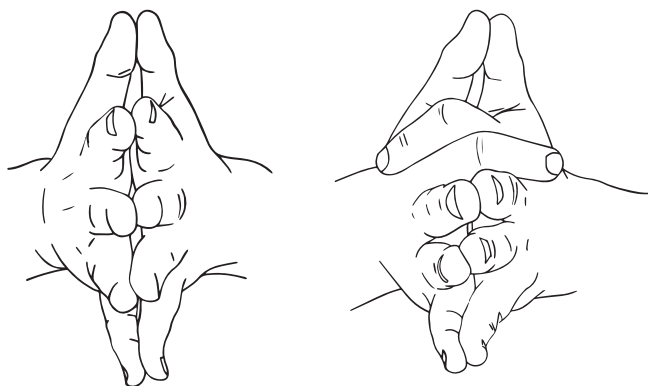
8. Коснитесь большим пальцем одной руки поочередно 2, 3, 4, 5 пальцев, а большим пальцем другой руки поочередно 5, 4, 3, 2 пальцев. Повторяйте эти движения.

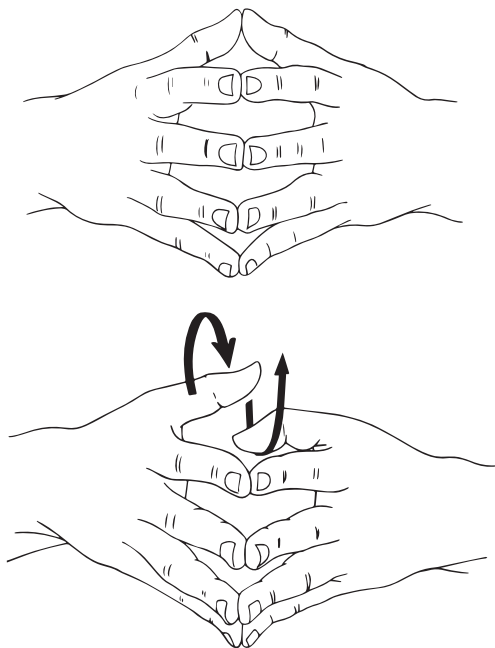
9. Соедините руки в замок, переплетите пальцы. Поочередно выпрямите большие пальцы и снова сплетите их, затем указательные пальцы, средние и так далее. Чередуйте эти движения.

10. Соедините прямые ладони. Перекрещивайте поочередно большие, указательные, средние, безымянные пальцы и мизинцы. Чередуйте движения рук.

11. Соедините пальцы рук. Совершите вращательные движения поочередно большими, указательными, средними, безымянными пальцами и мизинцами. Повторяйте движения рук.

КОМПЛЕКСЫ УПРАЖНЕНИЙ КОГНИТИВНОГО ТРЕНИНГА ПО ДНЯМ

Заведите дневник, в котором каждый день будете фиксировать свои результаты или используйте дневник в данном методическом пособии.

1 – 2 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

1 день _____ (минут)

2 день _____ (минут)

2. Контроль сна

Продолжительность моего сна сегодня:

1 день _____ (часов)

2 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше животных за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладываете в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

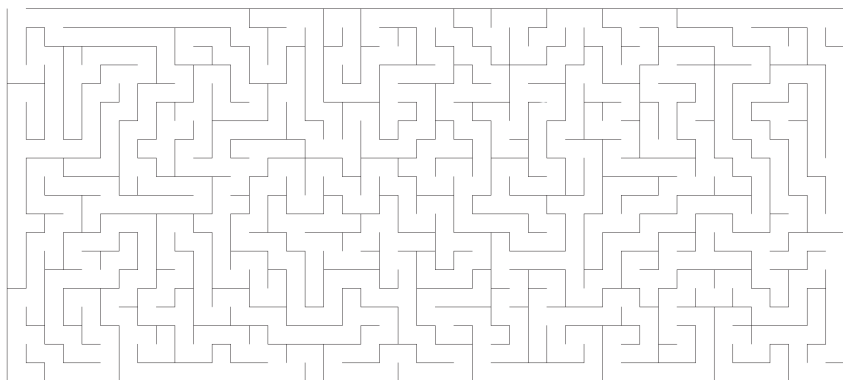
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 1 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

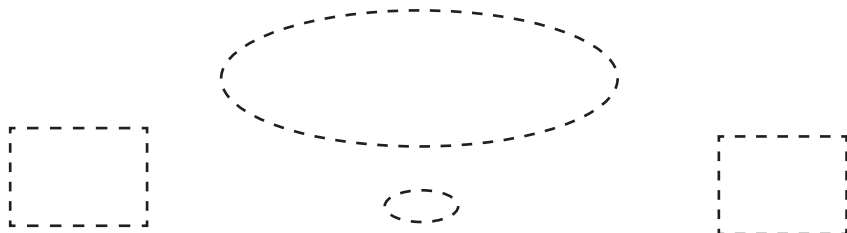
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

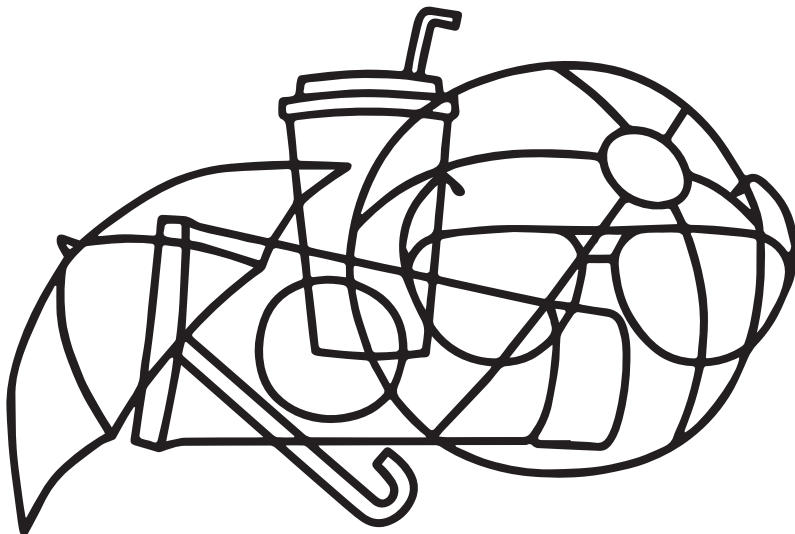

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

q	p	n	d	u	t	w	y	d	g
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

$$d w g w d p - d q u w n g =$$

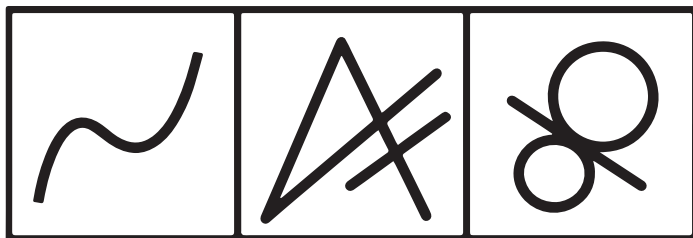
Ответ _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

27	14	46	23	44	16	37
7	42	30	9	2	41	24
38	21	49	35	28	12	47
17	29	1	5	34	4	39
33	11	22	43	19	45	20
25	40	6	26	8	32	48
15	3	31	10	36	18	23

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $4 \cdot 2 - 5 =$

b) $3 \cdot 6 + 4 =$

c) $3 \cdot 5 + 10 =$

d) $4 - 2 + 13 =$

e) $4 \cdot 2 + 2 =$

f) $(6 - 4) \cdot 2 =$

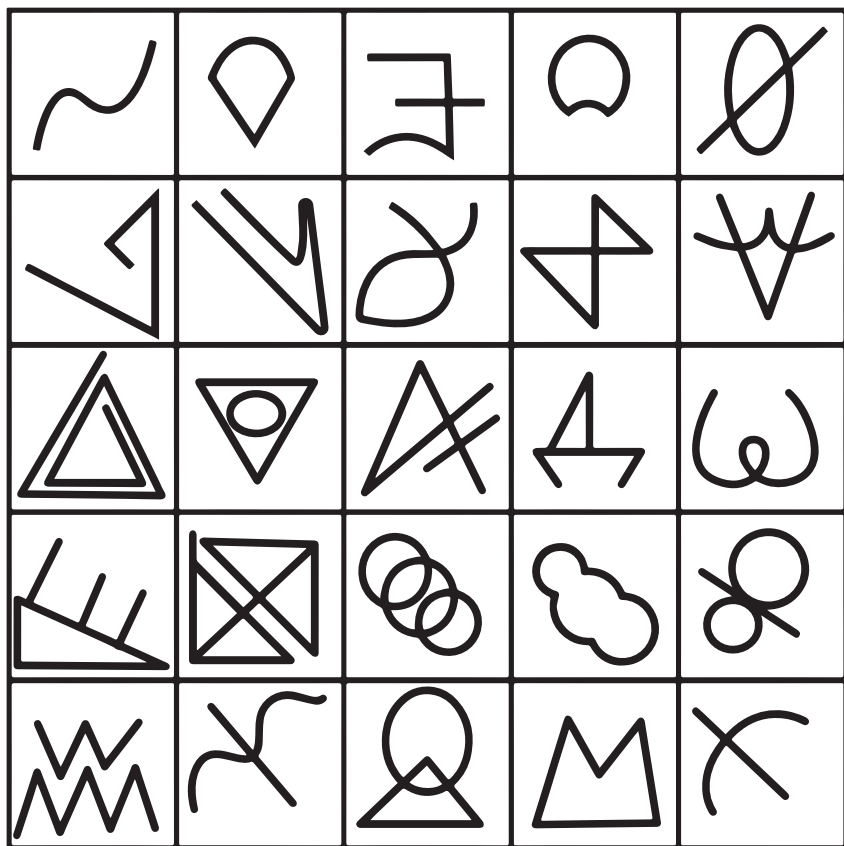
g) $5 \cdot 4 + 8 =$

h) $35 / 7 + 4 =$

i) $(9 - 6) \cdot 5 =$

j) $6 \cdot 2 + 7 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 1 _____

День 2 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 1 _____

День 2 _____

Я не смог сделать:

День 1 _____

День 2 _____

3 – 4 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

3 день _____ (минут)

4 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

3 день _____ (часов)

4 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше растений за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладываете в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

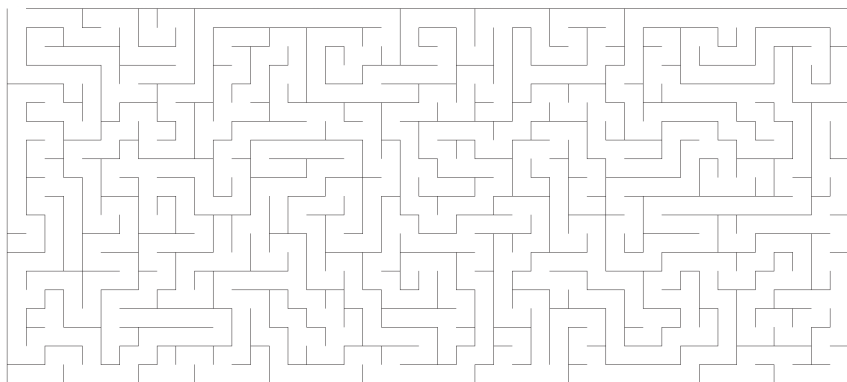
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте текст 2 (см. приложение). Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

+	▲	⊕	▼	↷	☆	⊕	⊖	⊖	⊖
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

$$\begin{array}{c} \ominus \\ \ominus \\ \blacktriangleup \\ \oplus \\ \rightarrow \\ \ominus \end{array} - \begin{array}{c} \checkmark \\ \rightarrow \\ \oplus \\ \oplus \\ \ominus \\ \ominus \end{array} =$$

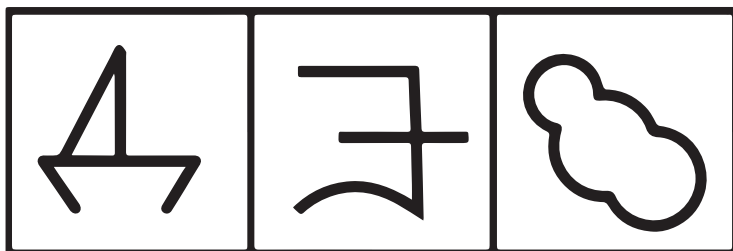
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

4	31	18	49	42	34	9
13	23	36	1	28	15	22
26	38	10	25	45	39	12
19	2	33	47	6	20	46
29	40	21	14	37	44	32
5	24	48	43	3	27	8
11	35	7	16	30	41	17

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $5 \cdot 3 =$

b) $8/4+4=$

c) $5 \cdot 4=$

d) $(3-2) + 15=$

e) $5 \cdot 2+3=$

f) $(5-3) \cdot 2=$

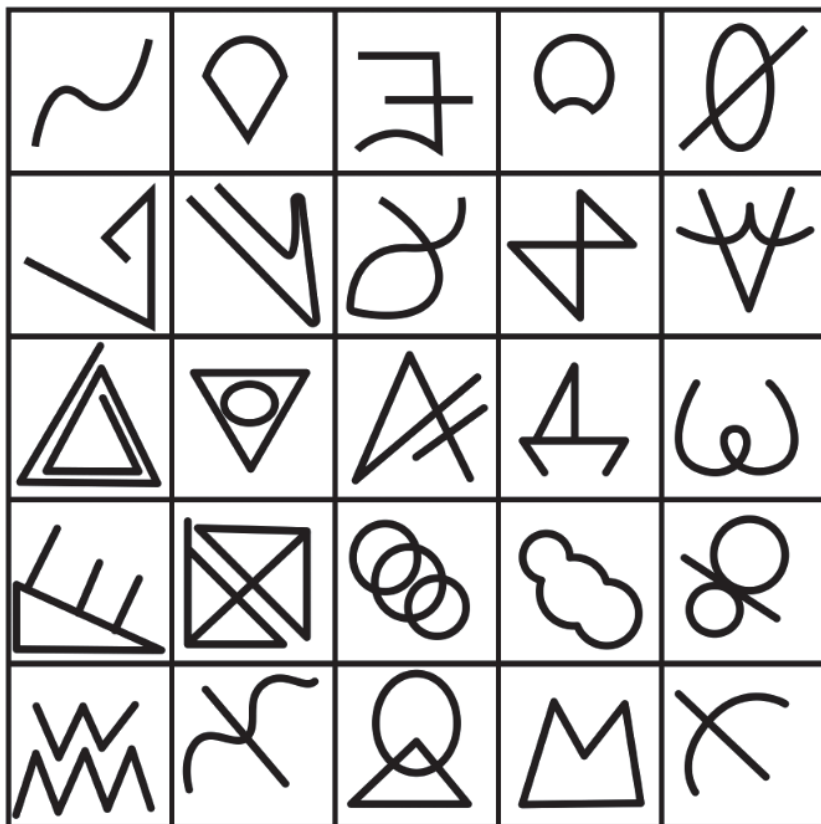
g) $4 \cdot 6+3=$

h) $45/9+5=$

i) $9-7=$

j) $8 \cdot 3+6=$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 3 _____

День 4 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 3 _____

День 4 _____

Я не смог сделать:

День 3 _____

День 4 _____

5 – 6 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

5 день _____ (минут)

6 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

5 день _____ (часов)

6 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше предметов мебели за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

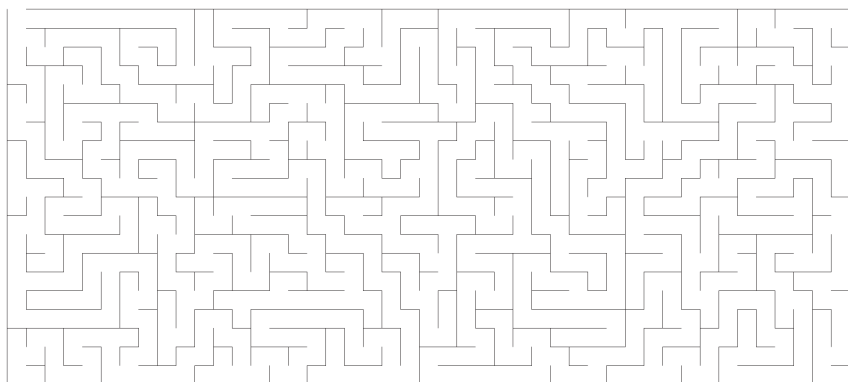
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 3 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

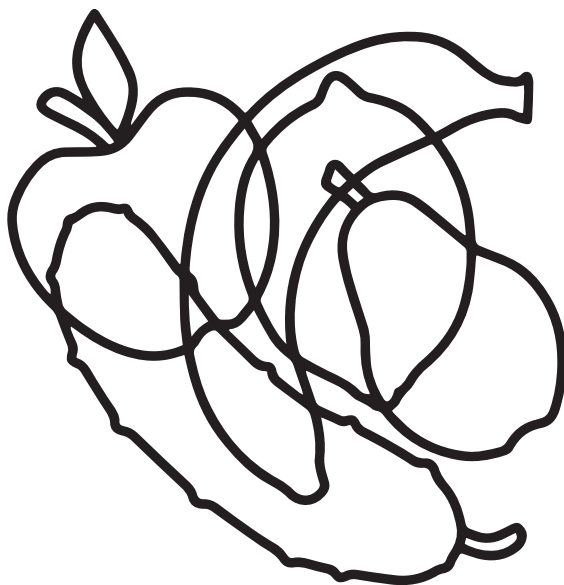

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

0001	0010	0011	0100	0101	0110	0111	1000	1001	0000
------	------	------	------	------	------	------	------	------	------

$$0111 \ 0110 \ 0000 \ 0101 \ 0001 \ 1000 + 0100 \ 0001 \ 0010 \ 0000 \ 1001 \ 0100 =$$

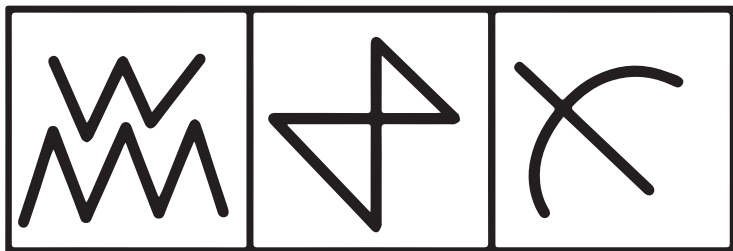
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

1	14	21	45	25	31	11
34	27	38	3	47	43	29
19	8	33	17	28	5	37
39	24	46	49	20	41	16
10	42	12	9	35	48	23
30	15	36	44	13	2	40
4	22	6	18	26	32	7

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $36/6=$

b) $8*3=$

c) $8*3=$

d) $(5-3) +8=$

e) $5*3+4=$

f) $(8-5) *2=$

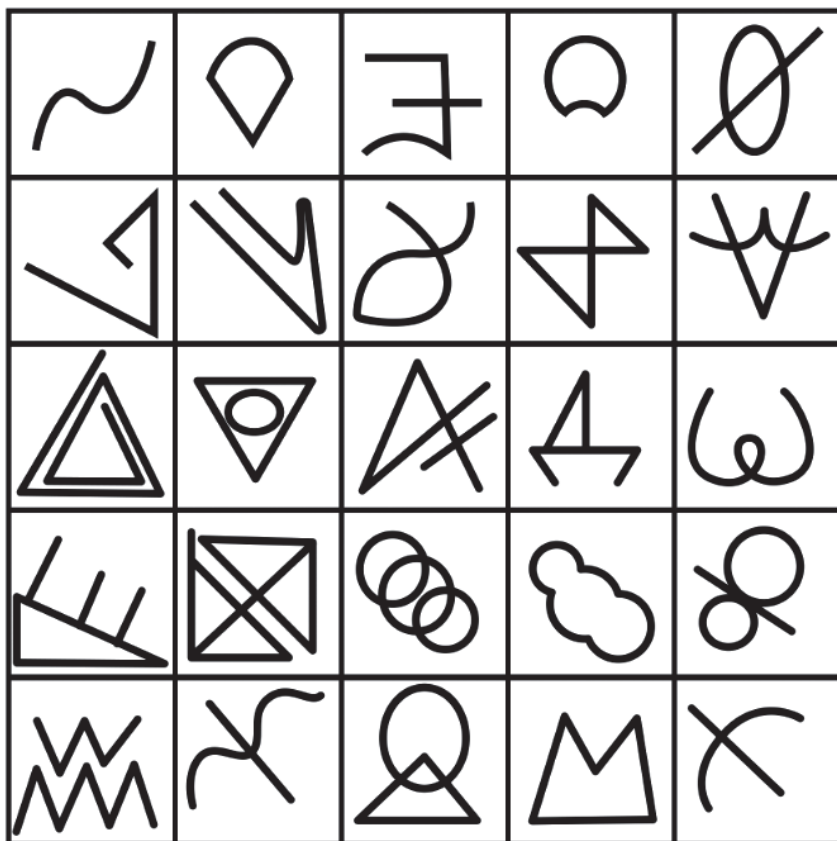
g) $6*4+6=$

h) $49/7+5=$

i) $(9-7) *4=$

j) $8*4+4=$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 5 _____

День 6 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 5 _____

День 6 _____

Я не смог сделать:

День 5 _____

День 6 _____

7 – 8 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

7 день _____ (минут)

8 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

7 день _____ (часов)

8 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше предметов посуды за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

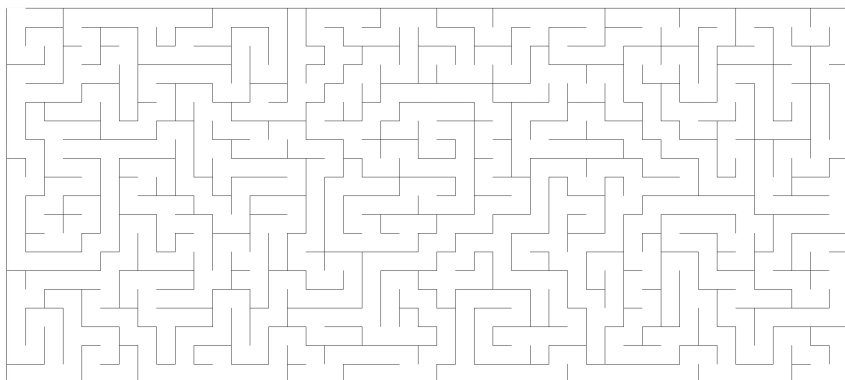
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 4 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

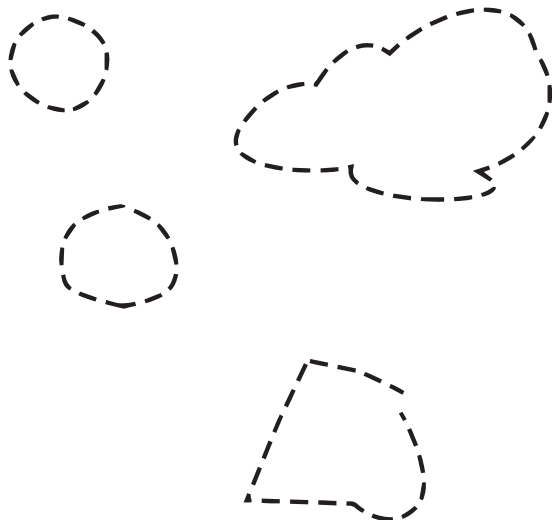
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

×	⊥	└	Ш	┐	≡	≡	∨	≠	✱
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

$$\text{┐} \equiv \equiv \text{└} \text{└} \text{✱} - \text{└} \text{∨} \text{Ш} \text{Ш} \equiv =$$

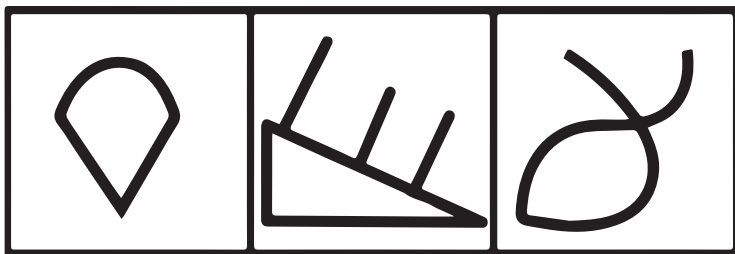
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

10	19	42	33	23	35	13
25	38	6	15	44	2	26
4	46	36	29	18	41	8
31	22	49	1	48	21	39
7	43	12	40	24	30	17
34	27	47	32	45	5	37
16	3	20	9	14	28	11

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $27/9=$

b) $9*4=$

c) $(55-10) *3=$

d) $(34-14) +8=$

e) $5*2+6=$

f) $(7-6) *2=$

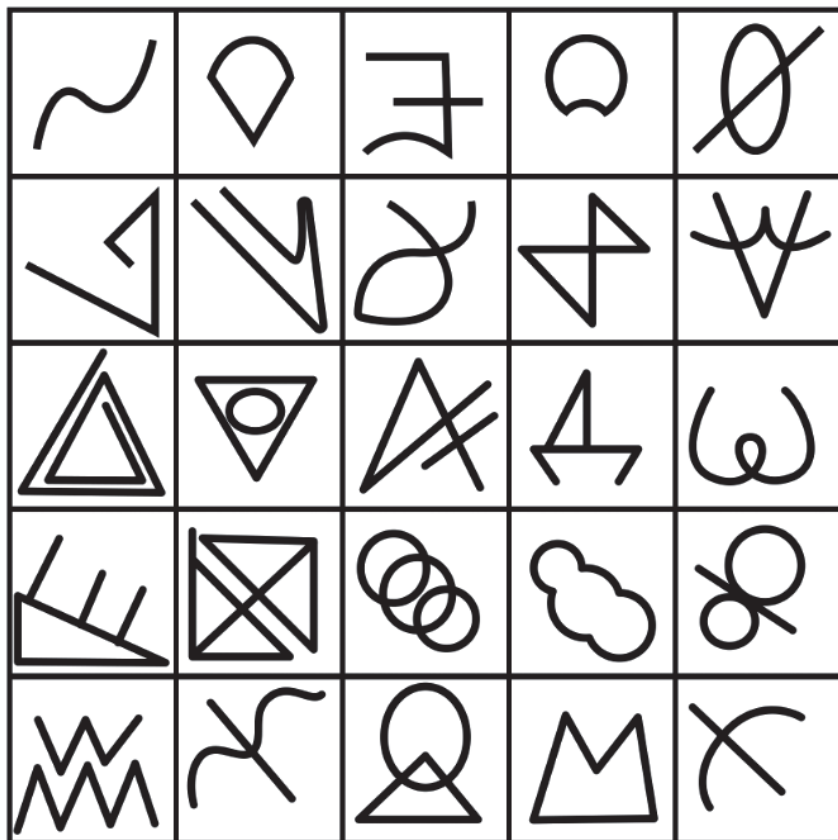
g) $7*3+5=$

h) $8/4+5=$

i) $9-7=$

j) $2*3+6=$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 7 _____

День 8 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 7 _____

День 8 _____

Я не смог сделать:

День 7 _____

День 8 _____

9 – 10 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

9 день _____ (минут)

10 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

9 день _____ (часов)

10 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше птиц за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладываете в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

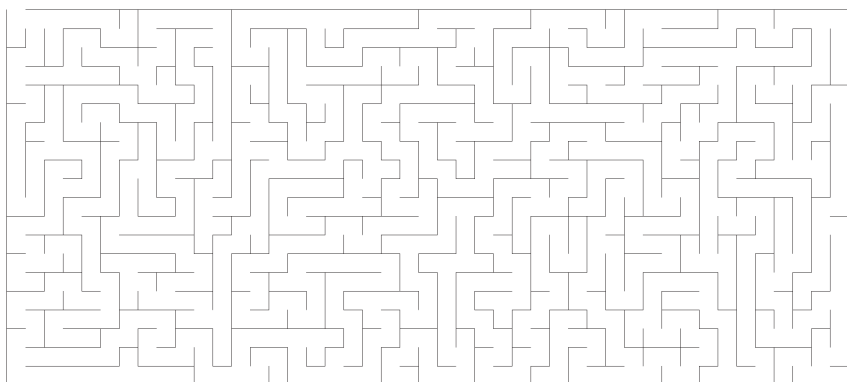
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 5 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

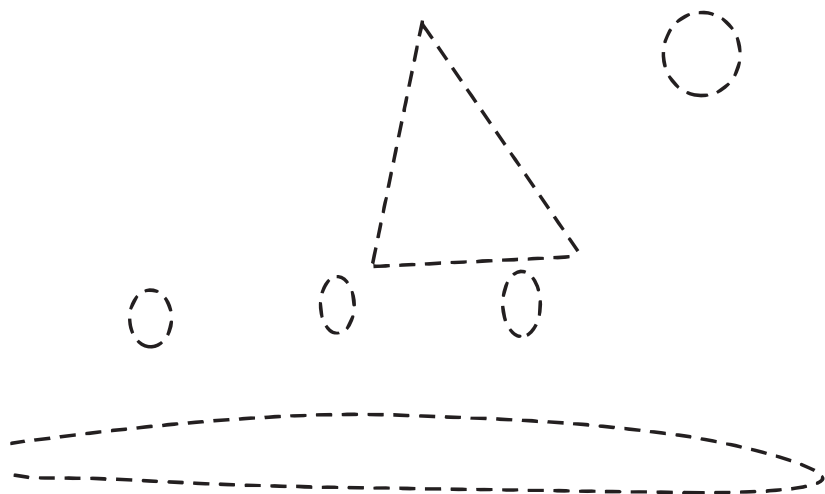
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

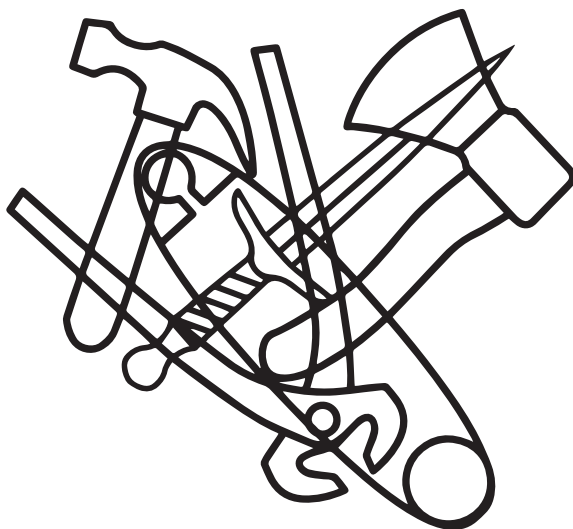

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

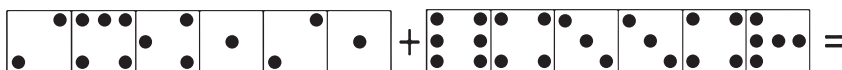
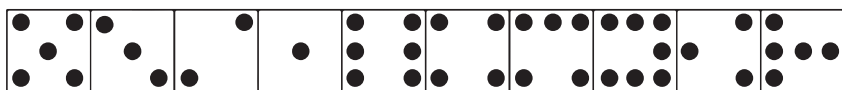
7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

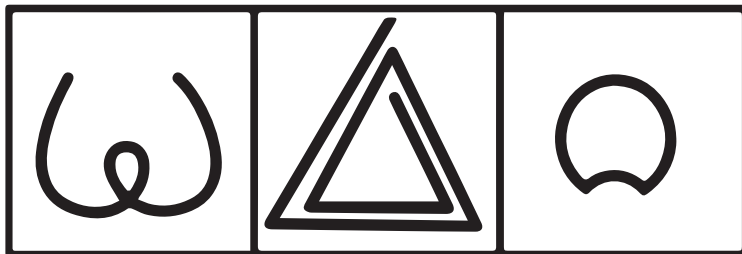
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

1	30	13	20	27	34	5
36	17	45	38	48	11	43
7	40	32	9	24	46	28
15	49	23	37	44	22	16
26	4	47	2	14	35	8
39	33	12	42	31	19	41
10	21	29	18	6	25	3

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $4 \cdot 2 =$

b) $5 \cdot 6 =$

c) $(1+3) \cdot 5 =$

d) $(40-20) + 3 =$

e) $24 \cdot 2 =$

f) $(6-4) \cdot 2 =$

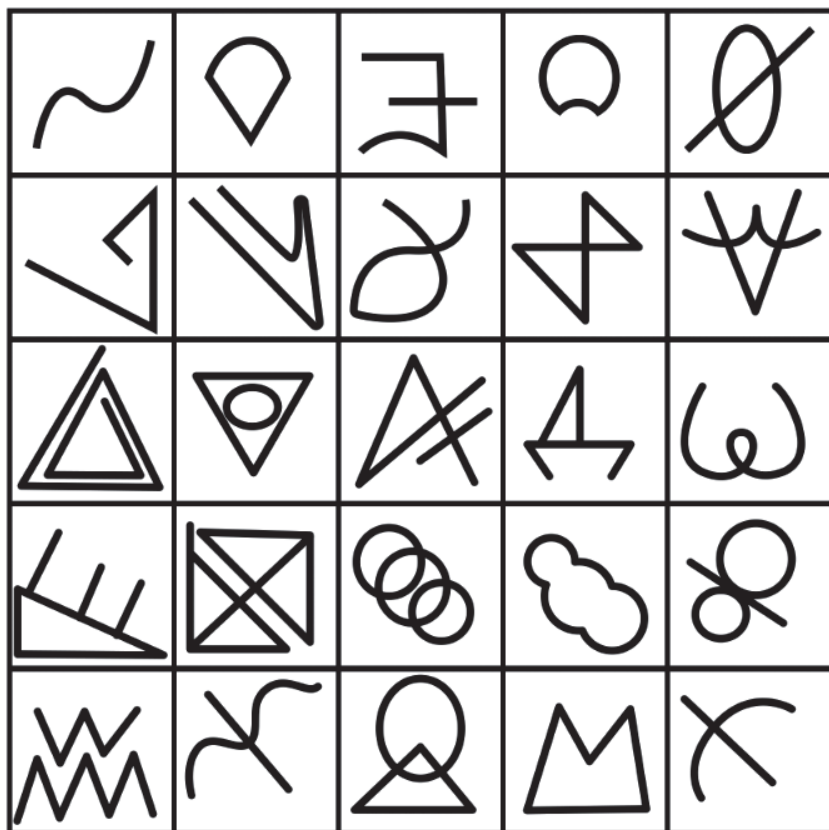
g) $5 \cdot 4 + 8 =$

h) $35/7 + 4 =$

i) $9-7 =$

j) $6 \cdot 2 + 2 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 9 _____

День 10 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 9 _____

День 10 _____

Я не смог сделать:

День 9 _____

День 10 _____

11 – 12 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

11 день _____ (минут)

12 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

11 день _____ (часов)

12 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше городов за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывая в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

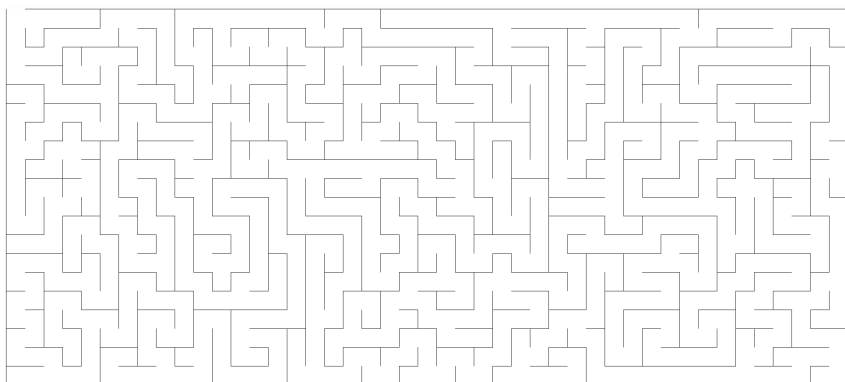
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 6 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

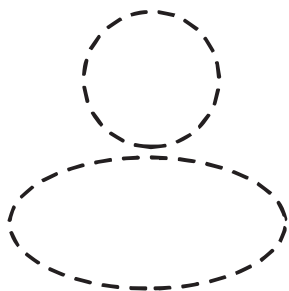
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

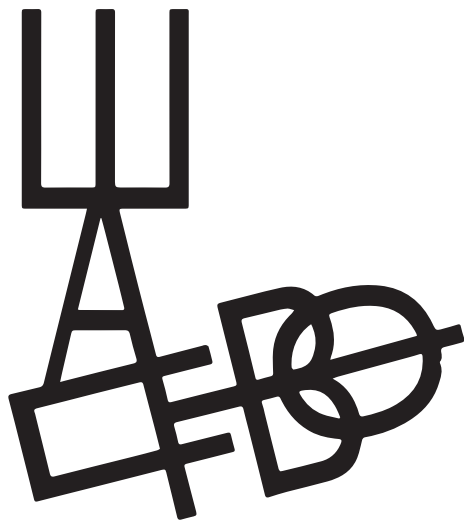

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

$$\begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \hline \end{array} \begin{array}{c} \diagdown \diagup \\ \hline \end{array} \begin{array}{c} \hline \\ \diagup \diagdown \end{array} \begin{array}{c} \hline \\ \diagdown \diagup \end{array} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \hline \end{array} + \begin{array}{c} \diagdown \diagup \\ \hline \end{array} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \hline \end{array} \begin{array}{c} \hline \\ \diagup \diagdown \end{array} \begin{array}{c} \hline \\ \diagdown \diagup \end{array} \begin{array}{c} \hline \\ \diagup \diagdown \end{array} \begin{array}{c} \hline \\ \diagdown \diagup \end{array} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \hline \end{array} =$$

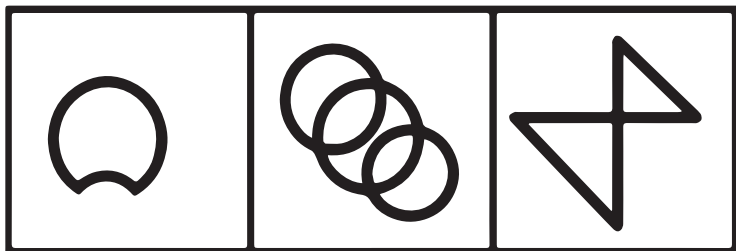
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

24	11	35	41	10	43	5
33	20	47	3	27	21	37
1	40	17	30	48	45	16
29	7	46	49	12	32	25
13	26	38	15	39	19	8
36	44	2	42	18	28	34
6	22	31	9	23	4	14

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $6 \cdot 5 =$

b) $48 / 12 =$

c) $(5 + 4) \cdot 3 =$

d) $(3 - 2) \cdot 3 =$

e) $5 \cdot 3 =$

f) $(7 - 5) \cdot 2 =$

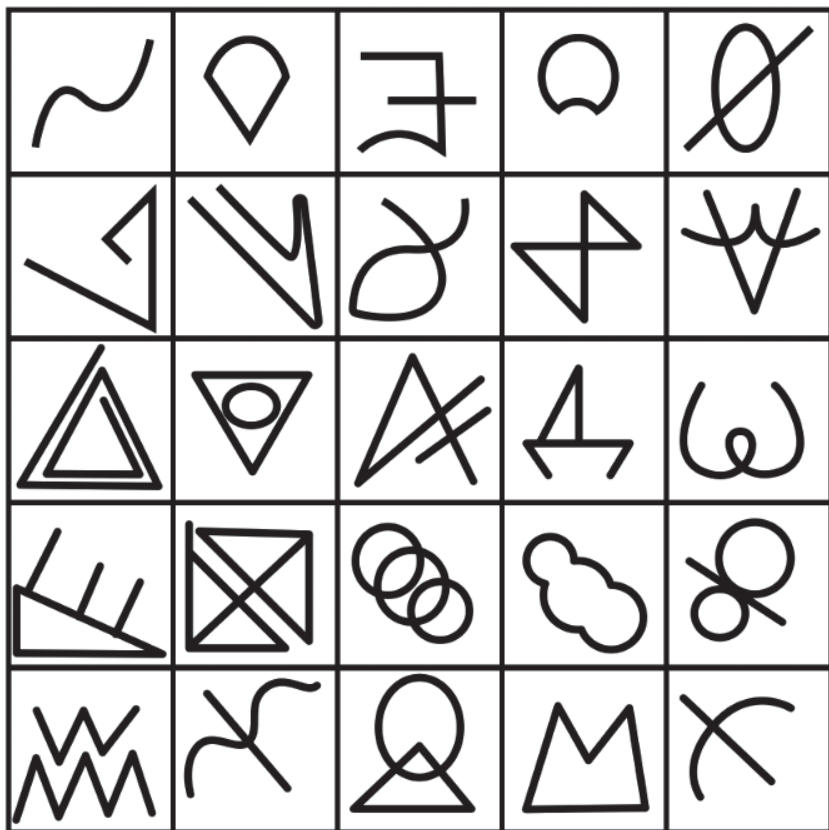
g) $3 + 6 \cdot 2 =$

h) $4 / 2 + 2,5 =$

i) $7 - 3,5 =$

j) $8 \cdot 3 + 4 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 11 _____

День 12 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 11 _____

День 12 _____

Я не смог сделать:

День 11 _____

День 12 _____

13 – 14 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

13 день _____ (минут)

14 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

13 день _____ (часов)

14 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше существительных на букву «А» за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

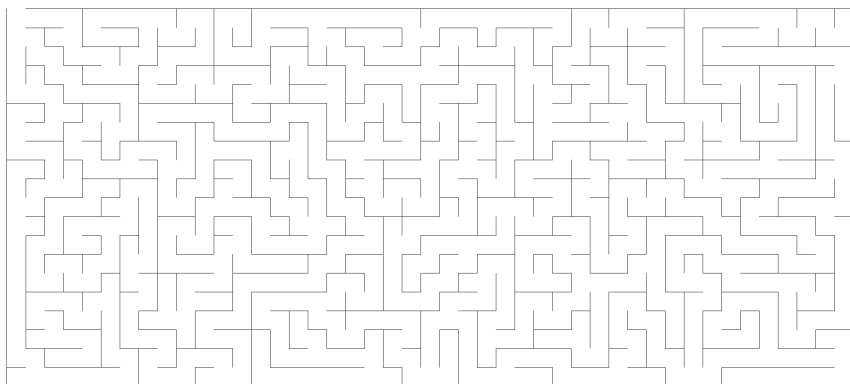
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 7 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

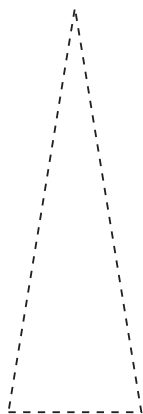
Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

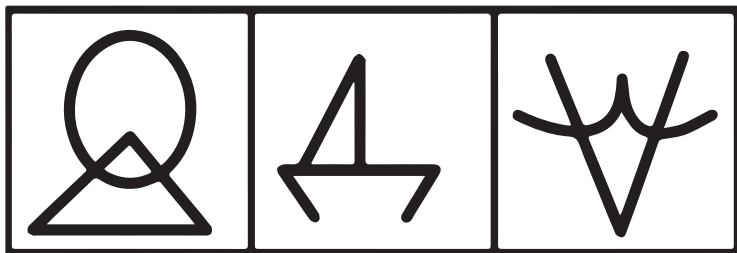
6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $6 \cdot 3 =$

b) $4 \cdot 6 =$

c) $5/5 + 3 =$

d) $(7-3)/2 =$

e) $3-5/5 =$

f) $(4-1) \cdot 2 =$

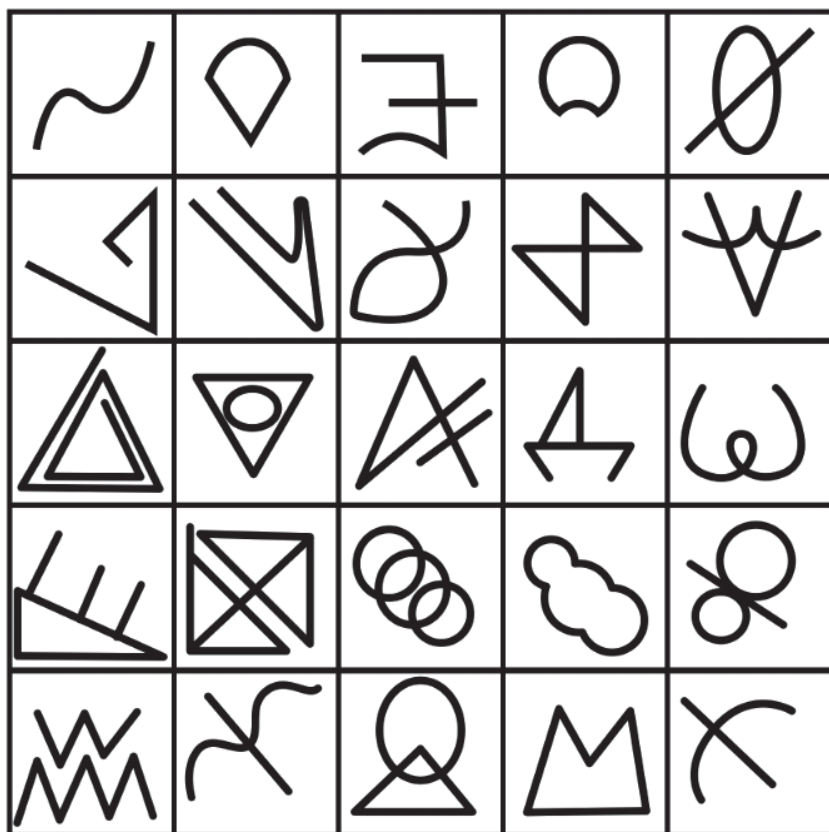
g) $5 \cdot 6 + 7 =$

h) $8/4 + 5 =$

i) $9-5 =$

j) $9/3 + 9 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 13 _____

День 14 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 13 _____

День 14 _____

Я не смог сделать:

День 13 _____

День 14 _____

15 – 16 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

15 день _____ (минут)

16 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

15 день _____ (часов)

16 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше профессий за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладываете в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

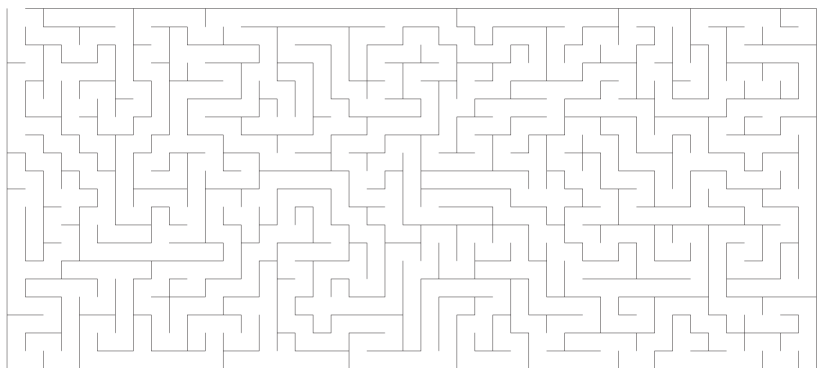
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 8 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

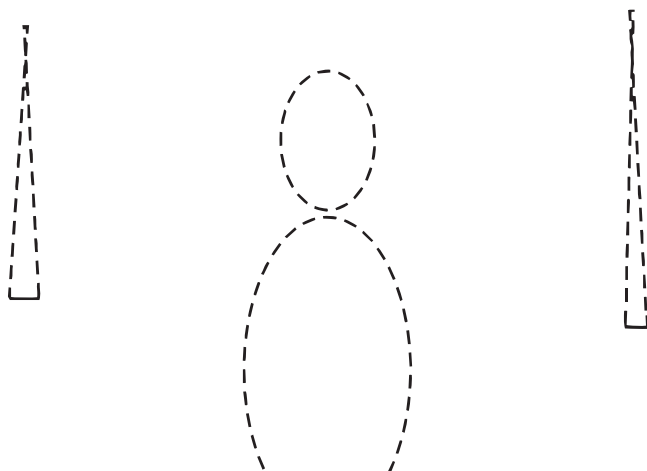
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

--	--	--	--	--	--	--	--	--

$$\begin{array}{ccccccc} \text{Symbol for 6} & \text{Symbol for 4} & \text{Symbol for 2} & \text{Symbol for 9} & \text{Symbol for 5} & \text{Symbol for 1} & \text{Symbol for 3} \\ \parallel & \diagdown & \parallel & \parallel & \diagdown & - & \parallel \parallel \parallel \diagdown \equiv \diagdown = \end{array}$$

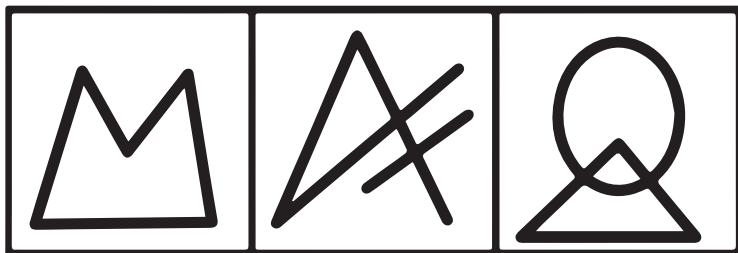
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

6	17	34	25	32	20	8
31	43	21	13	3	37	29
39	2	49	27	46	22	15
14	47	10	36	19	48	40
26	33	28	1	42	7	24
41	12	38	44	16	30	45
4	18	9	23	35	5	11

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $9 \cdot 7 =$

b) $24/6 =$

c) $4 \cdot 3 =$

d) $(8-2) + 17 =$

e) $6 \cdot 4 =$

f) $(9+4) \cdot 2 =$

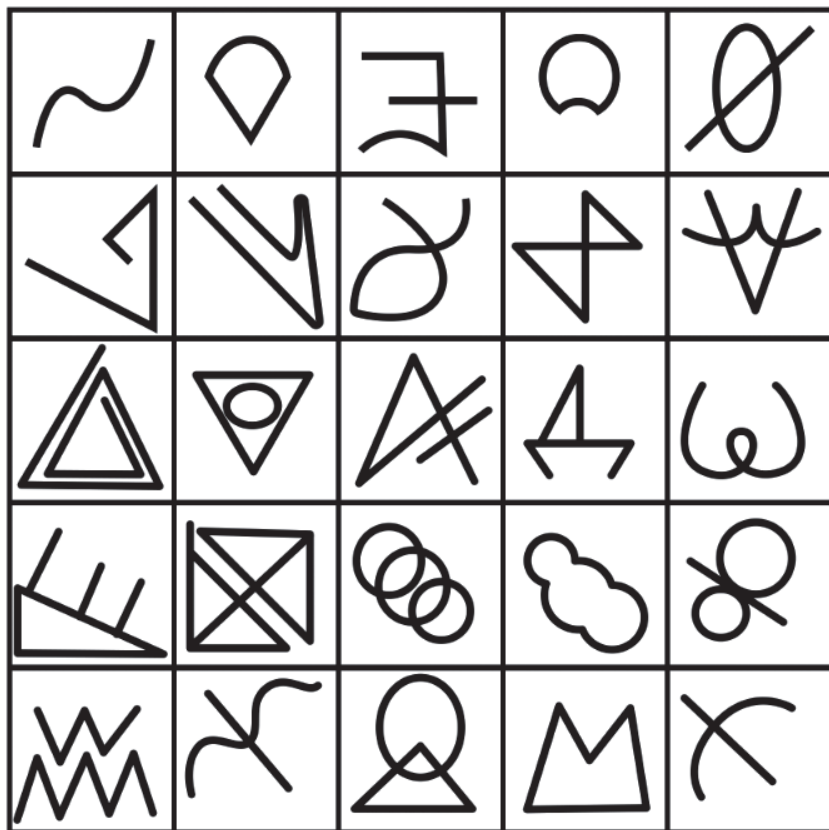
g) $9 \cdot 3 + 7 =$

h) $35/7 + 6 =$

i) $9-3 =$

j) $8/2 + 5 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 15 _____

День 16 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 15 _____

День 16 _____

Я не смог сделать:

День 15 _____

День 16 _____

17 – 18 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

17 день _____ (минут)

18 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

17 день _____ (часов)

18 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше существительных на букву «С» за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывая в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

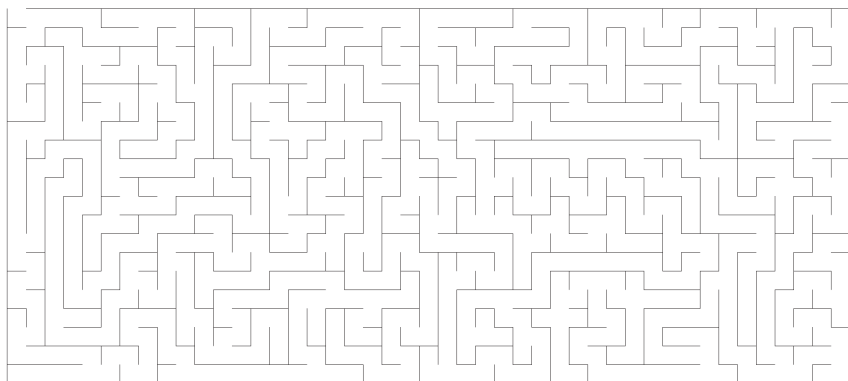
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 9 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

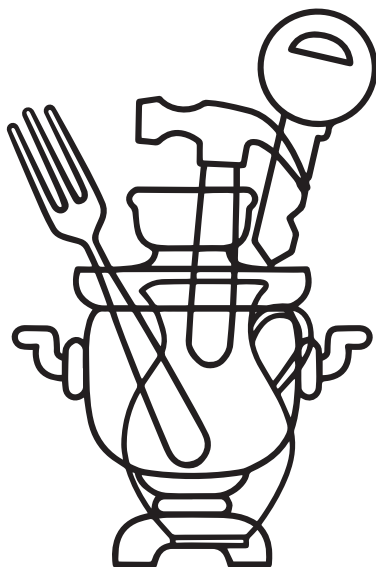

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

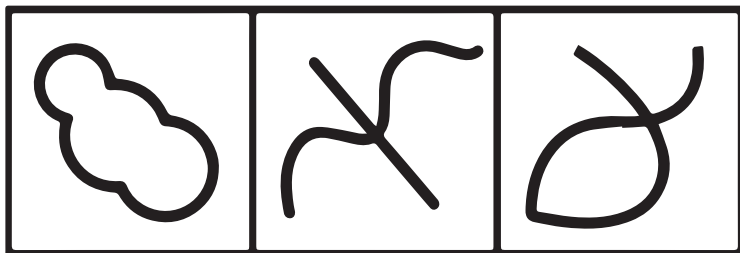
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

4	38	24	44	19	42	33
29	21	9	1	35	6	25
16	47	28	49	22	14	40
36	4	41	12	48	46	10
11	32	15	43	7	17	45
39	20	34	18	37	27	30
8	26	2	31	13	23	3

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $7 \cdot 3 =$

b) $5 \cdot 6 =$

c) $4 \cdot 5 =$

d) $(8-3) + 6 =$

e) $24/4 =$

f) $(7-3) \cdot 2 =$

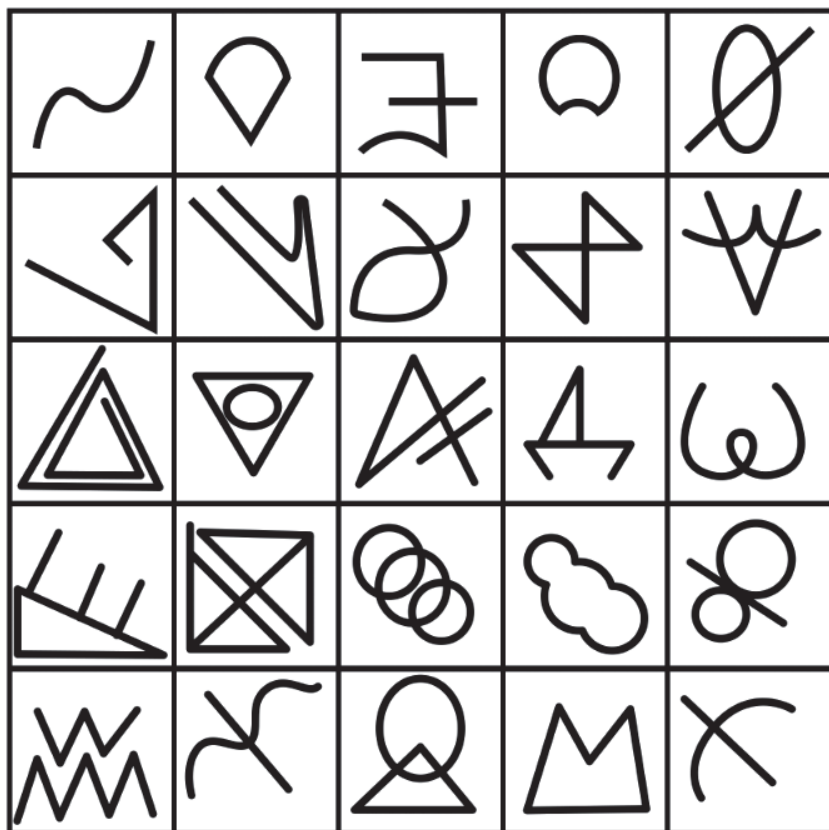
g) $7 \cdot 4 + 6 =$

h) $8/2 + 9 =$

i) $(7-9) \cdot 3 =$

j) $8 \cdot 2 + 7 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 17 _____

День 18 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 17 _____

День 18 _____

Я не смог сделать:

День 17 _____

День 18 _____

19 – 20 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

19 день _____ (минут)

20 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

19 день _____ (часов)

20 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше животных за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладываете в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

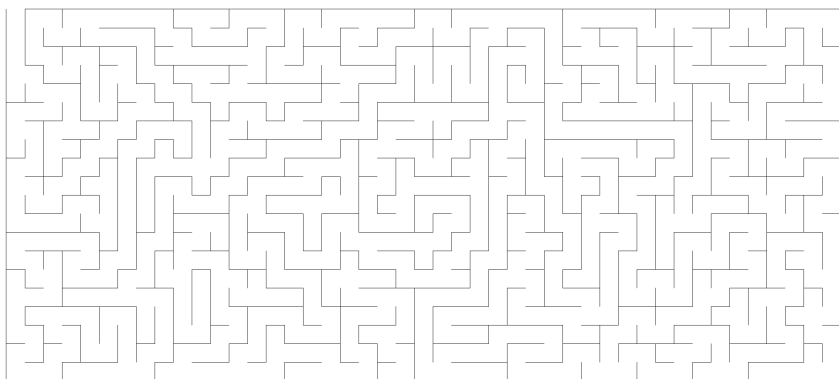
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 10 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

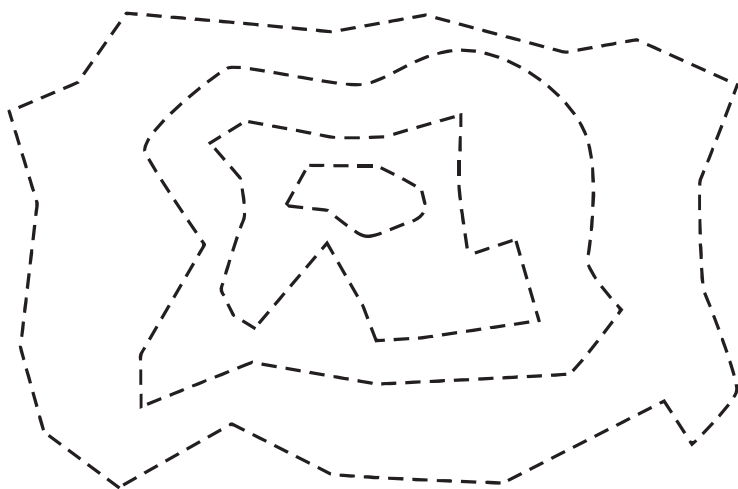
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

$$\text{X} \text{C} \text{O} \text{U} \text{C} \text{C} - \text{A} \text{C} \text{X} \text{A} \text{U} \text{A} =$$

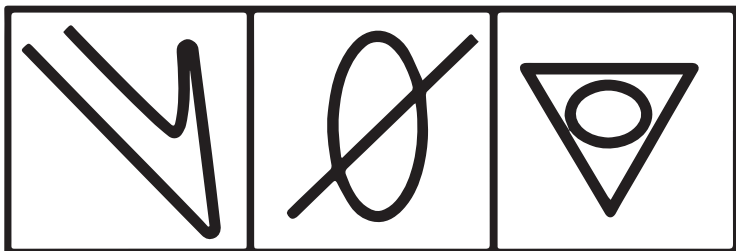
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

2	40	22	37	17	29	13
33	30	12	26	49	21	44
8	42	34	45	4	15	23
28	1	47	38	31	16	5
19	24	46	7	48	20	41
36	39	14	43	11	35	9
10	6	32	18	25	3	27

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $5 \cdot 3 =$

b) $6/3 =$

c) $7 \cdot 5 =$

d) $(8-5) + 4 =$

e) $4 \cdot 4 =$

f) $(7-6) \cdot 2 =$

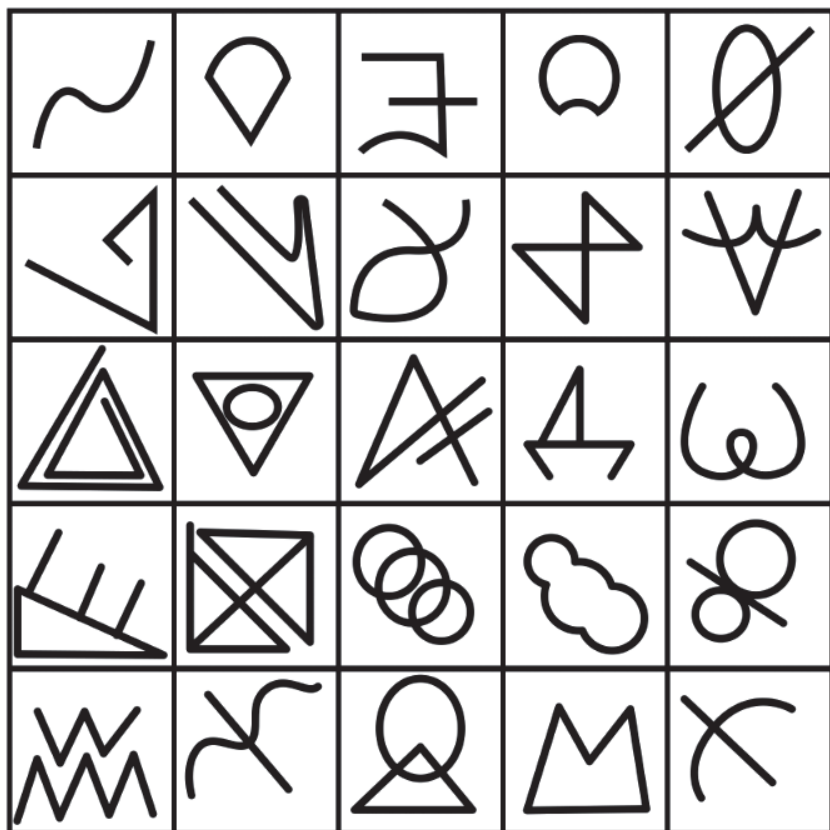
g) $7+8 \cdot 4 =$

h) $4/4+8 =$

i) $9-6 =$

j) $5/5+33 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 19 _____

День 20 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 19 _____

День 20 _____

Я не смог сделать:

День 19 _____

День 20 _____

21 – 22 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

21 день _____ (минут)

22 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

21 день _____ (часов)

22 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше морских обитателей за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

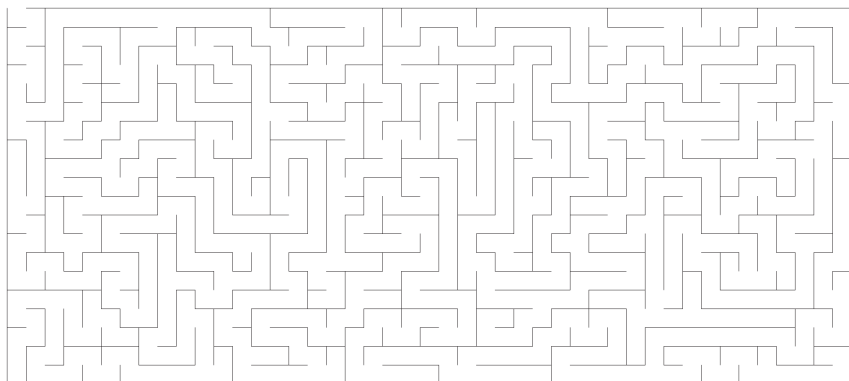
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 11 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

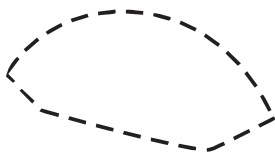
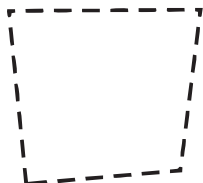
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

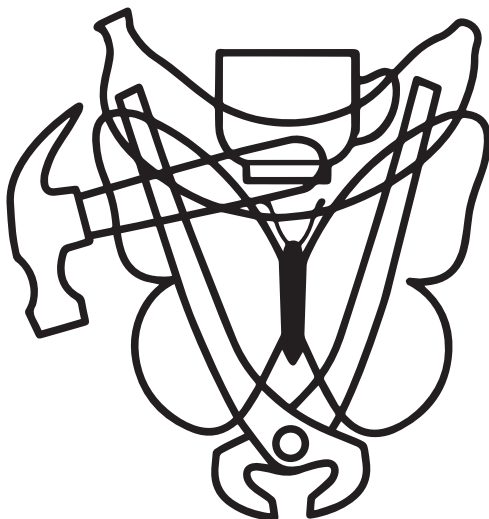

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

q	p	r	w	y	z	x	u	v	s
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

$$qywxz + wpyr =$$

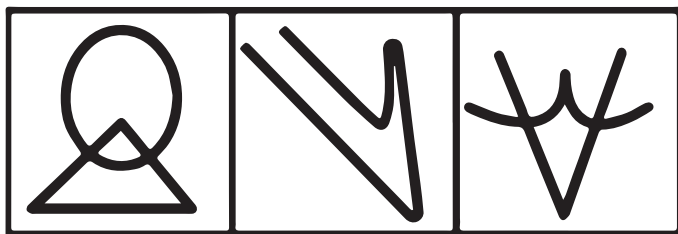
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

4	24	19	31	12	45	7
28	46	37	2	49	27	34
42	22	9	33	21	39	16
11	48	15	40	47	10	29
35	26	44	13	25	43	5
17	1	32	18	38	14	41
8	30	6	23	3	36	20

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $3*2=$

b) $5*6=$

c) $4*5=$

d) $(4-4) + 12=$

e) $8*2=$

f) $(7-3) *2=$

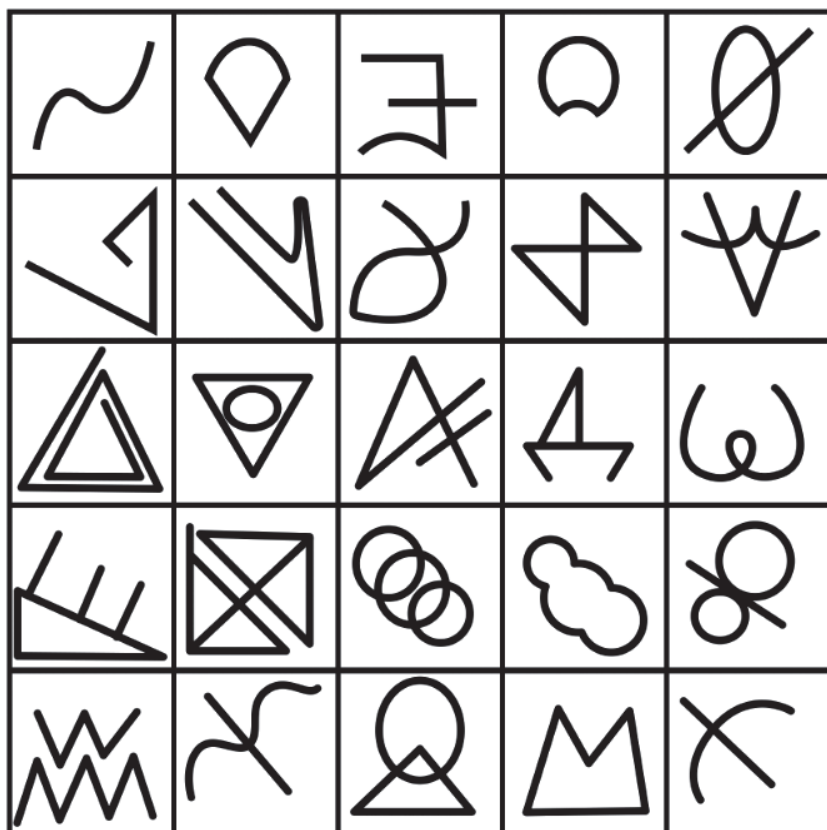
g) $3*4+5=$

h) $9/9+4=$

i) $9-7=$

j) $6*2+5=$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 21 _____

День 22 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 21 _____

День 22 _____

Я не смог сделать:

День 21 _____

День 22 _____

23 – 24 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

23 день _____ (минут)

24 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

23 день _____ (часов)

24 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше климатических явлений за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывая в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

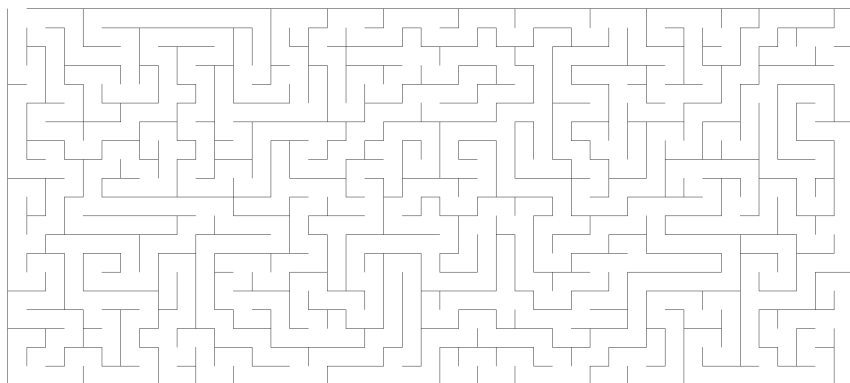
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 12 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

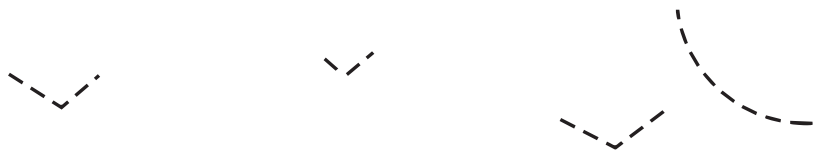
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

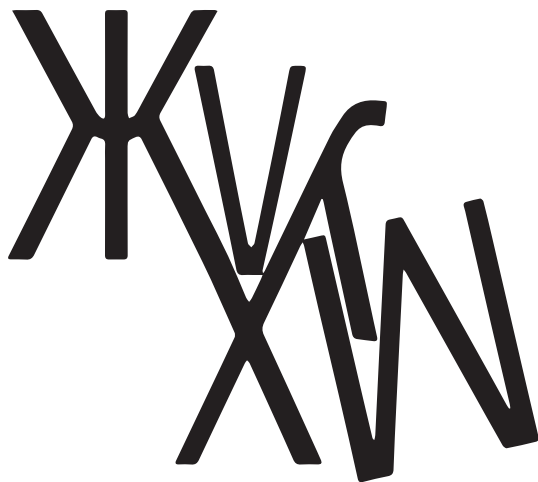

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

+	⬆	⊕	⬇	⬇	☆	⬆	⬆	⬆	⬆
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

$$\begin{array}{ccccccc} \text{⬆} & \text{⬆} & \text{⬆} & \text{⬆} & \text{⬆} & \text{⬇} & - & \text{⊕} & \text{⬆} & \text{⬆} & \text{⬆} & \text{⬆} & \text{⬆} & \text{⬆} & = \end{array}$$

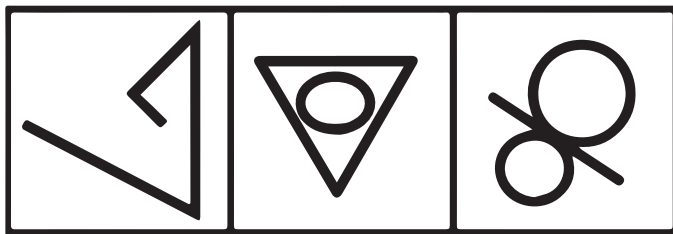
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

24	13	21	7	34	3	36
1	43	28	41	26	47	22
38	32	9	17	14	12	45
11	18	46	23	31	48	16
20	40	4	37	10	29	39
30	49	44	15	42	5	19
6	35	27	2	25	33	8

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $4 \cdot 3 =$

b) $20/4 =$

c) $6 \cdot 4 =$

d) $(6-2) + 14 =$

e) $5 \cdot 2 =$

f) $(3-1) \cdot 2 =$

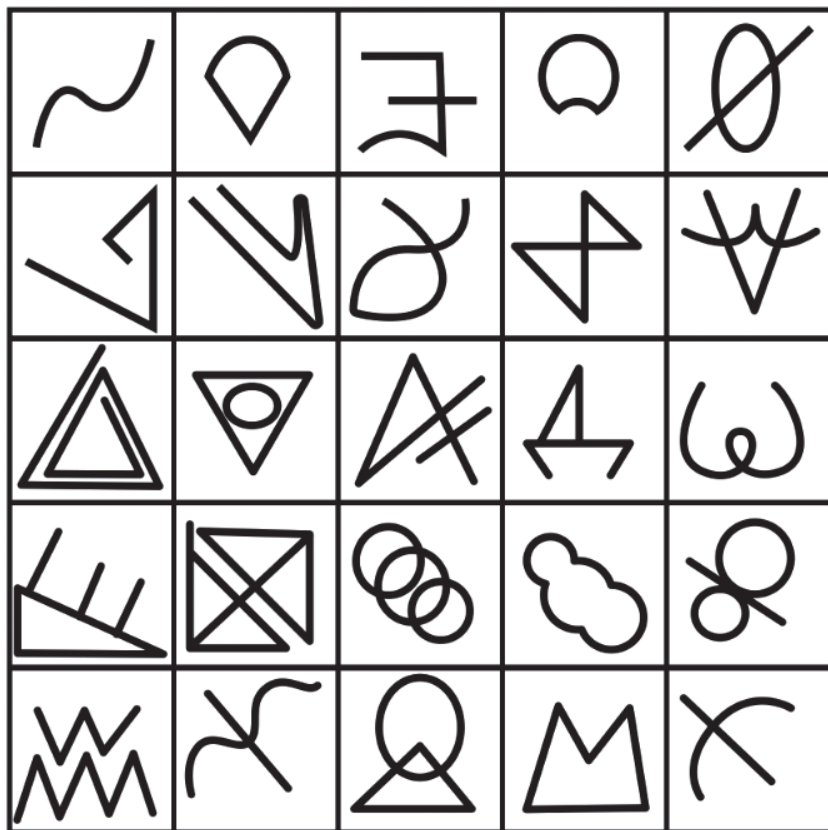
g) $4 \cdot 6 + 12 =$

h) $45/9 + 5 =$

i) $9-2 =$

j) $8 \cdot 3 + 6 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 23 _____

День 24 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 23 _____

День 24 _____

Я не смог сделать:

День 23 _____

День 24 _____

25 – 26 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

25 день _____ (минут)

26 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

25 день _____ (часов)

26 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше глаголов за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

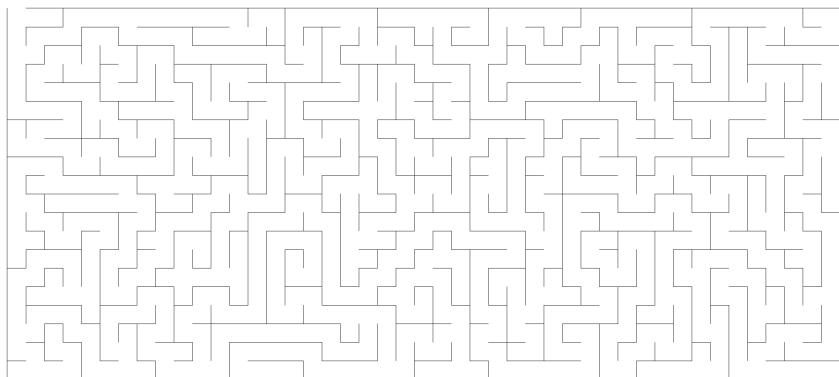
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 13 (см. приложение)**. Попытайтесь пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

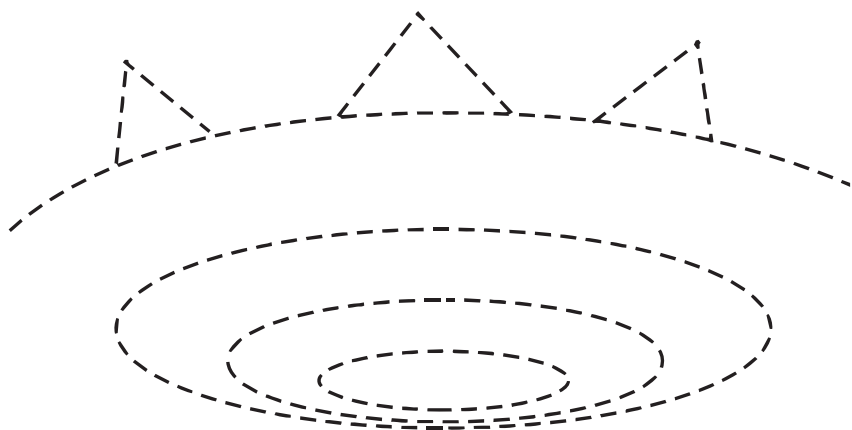
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

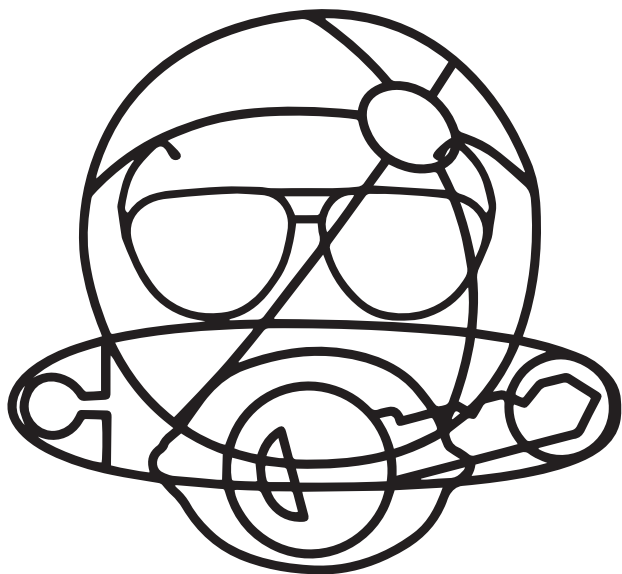

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

0001	0010	0011	0100	0101	0110	0111	1000	1001	0000
------	------	------	------	------	------	------	------	------	------

$$0011\ 0010\ 0111\ 1000\ 0011\ 0101 + 0001\ 1000\ 0100\ 0110\ 0010\ 1000 =$$

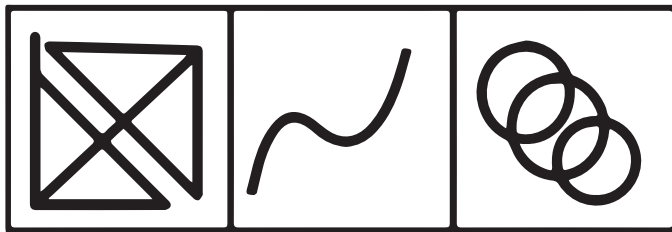
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

4	36	12	47	22	40	10
28	16	26	32	17	29	24
21	44	1	38	7	35	43
39	14	42	20	3	15	5
8	34	6	48	11	45	33
30	19	46	18	37	49	13
25	2	23	31	9	41	27

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $60/6=$

b) $7*3=$

c) $3*3=$

d) $(7-5) + 18=$

e) $45/5=$

f) $(8-5) * 2=$

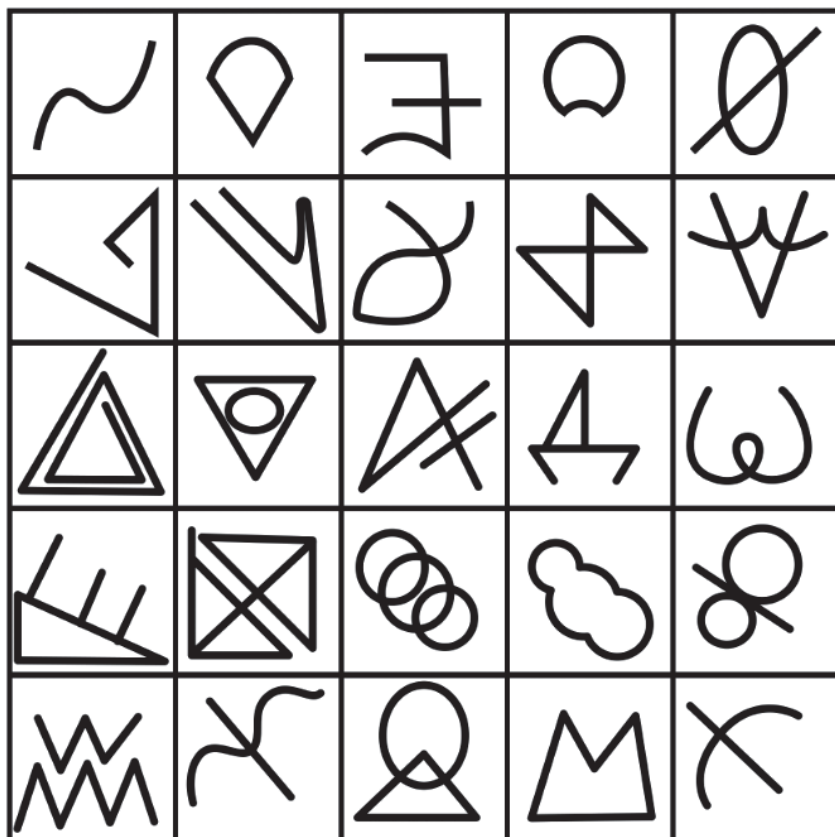
g) $44*4+5=$

h) $63/7+2=$

i) $47-20=$

j) $8*4+7=$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 25 _____

День 26 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 25 _____

День 26 _____

Я не смог сделать:

День 25 _____

День 26 _____

27 – 28 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

27 день _____ (минут)

28 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

27 день _____ (часов)

28 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно кухонной утвари за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладываете в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

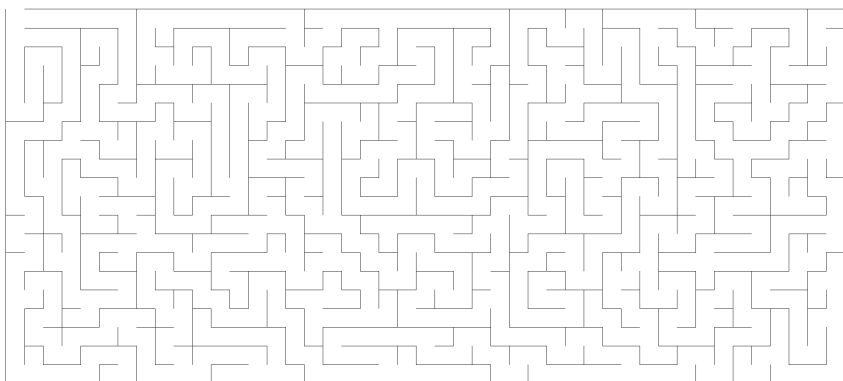
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 14 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

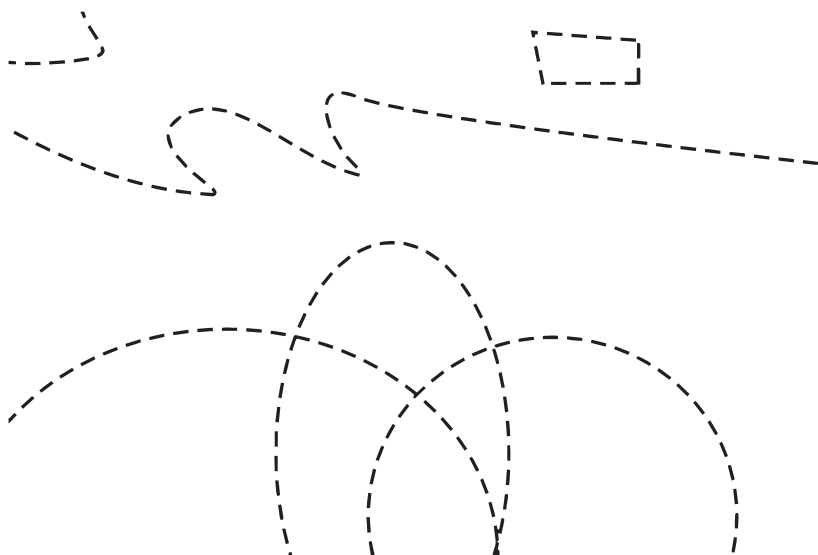
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

×	⊥	⊂	Ш	↑	≠	≡	∨	≠	≠
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

$$\uparrow \text{Ш} \neq \equiv \perp \equiv + \times \neq \perp \neq \neq \text{Ш} =$$

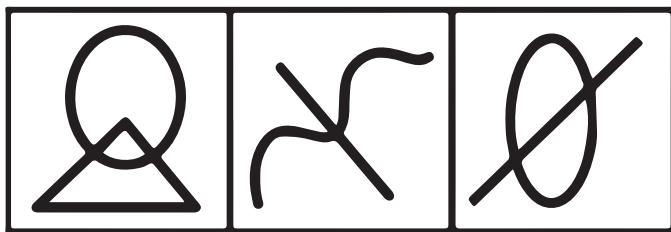
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

11	30	37	15	41	27	3
20	7	18	44	21	33	46
42	26	38	5	40	9	23
1	14	24	47	12	49	39
35	22	32	8	25	34	16
17	48	10	29	43	13	36
28	4	45	19	2	31	6

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $45/9=$

b) $7*4=$

c) $(17-14) *6=$

d) $(45-35) *8=$

e) $9*3=$

f) $(73-63) *2=$

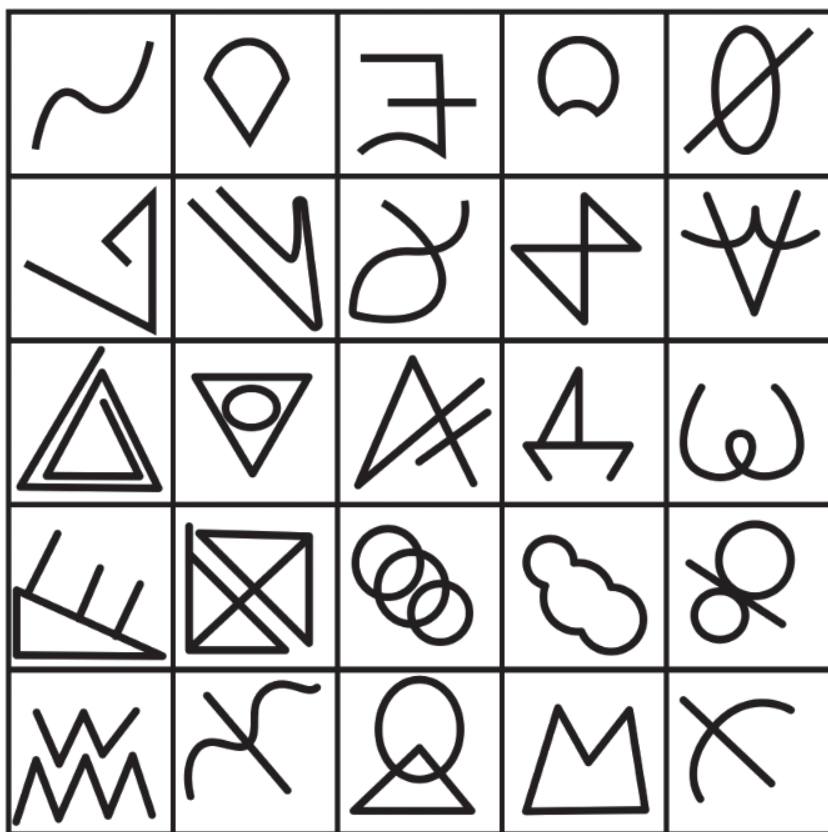
g) $7*3+13=$

h) $8/4+12=$

i) $9-7=$

j) $4*3+7=$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 27 _____

День 28 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 27 _____

День 28 _____

Я не смог сделать:

День 27 _____

День 28 _____

29 – 30 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

29 день _____ (минут)

30 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

29 день _____ (часов)

30 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше овощей за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

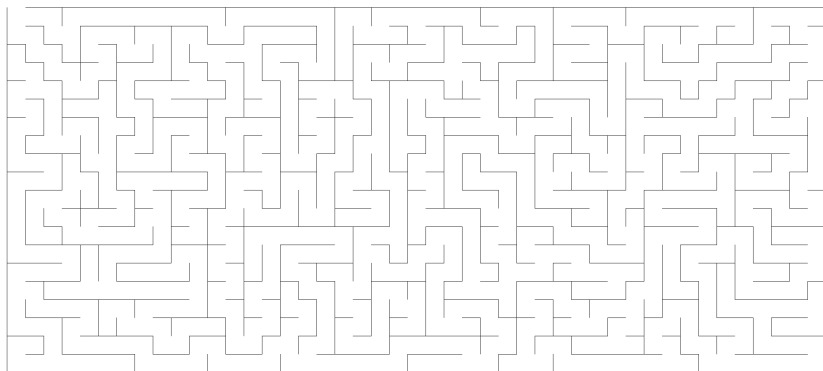
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 15 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

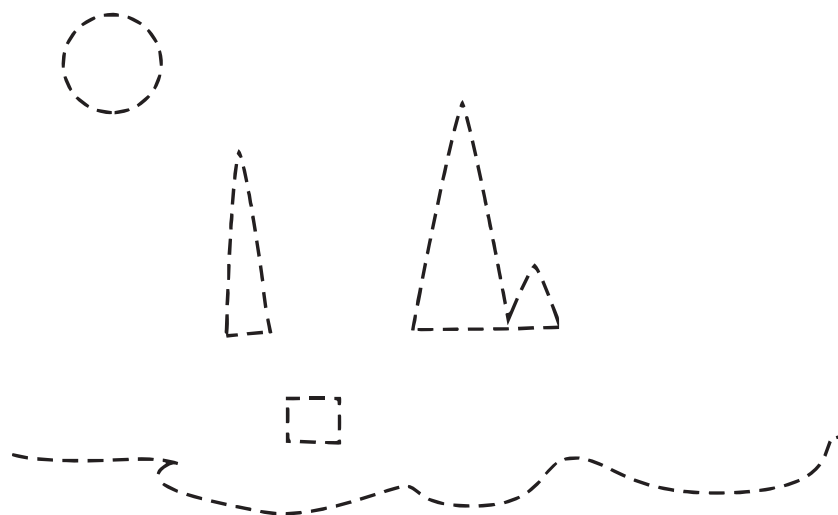
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

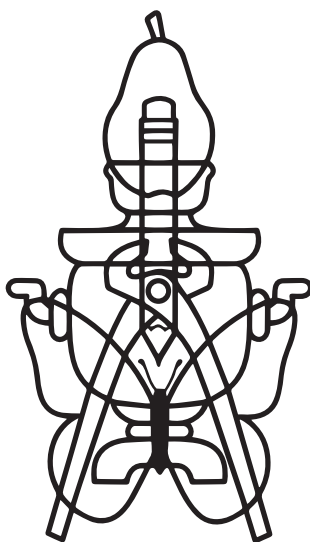

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

										+											=
--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	---	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	---

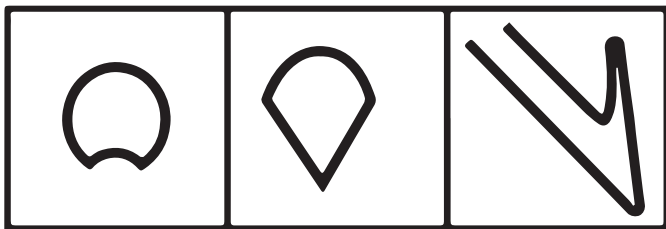
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

7	19	35	44	12	4	15
26	43	1	47	25	32	23
14	21	29	16	41	28	9
37	24	39	42	8	48	34
10	33	6	49	22	13	30
40	17	45	3	36	46	20
2	31	11	38	18	27	5

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $5 * 2 =$

b) $4 * 6 =$

c) $5 * 5 =$

d) $(7 - 2) + 13 =$

e) $6 * 2 =$

f) $(9 - 4) * 2 =$

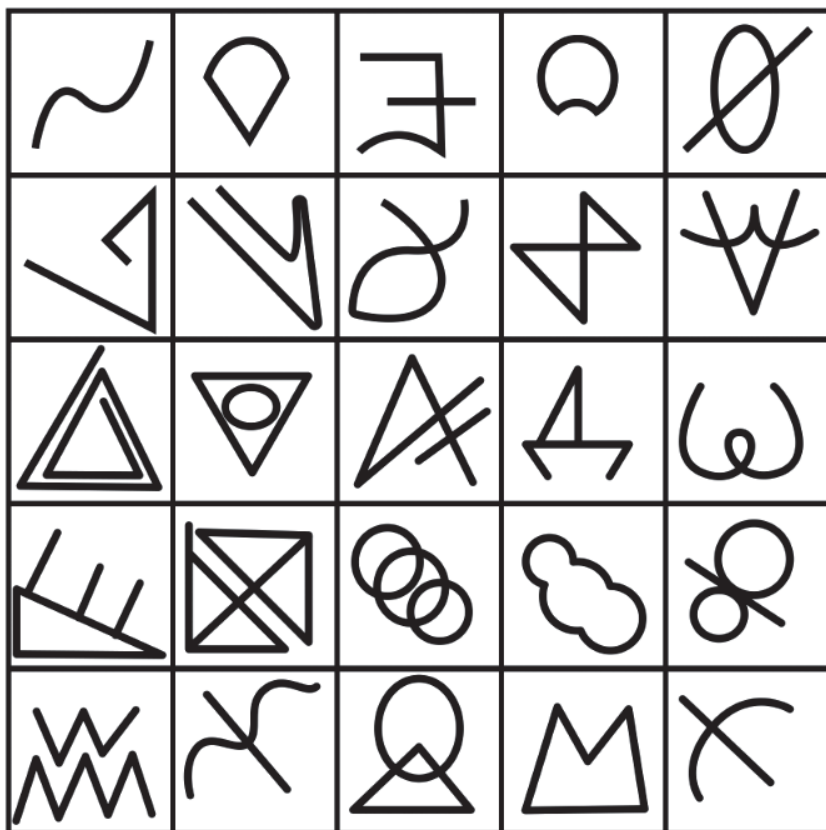
g) $5 * 4 + 6 =$

h) $35 / 7 + 6 =$

i) $(9 - 7) * 6 =$

j) $6 * 2 + 6 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 29 _____

День 30 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 29 _____

День 30 _____

Я не смог сделать:

День 29 _____

День 30 _____

31 – 32 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

31 день _____ (минут)

32 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

31 день _____ (часов)

32 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше деревьев за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладываете в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

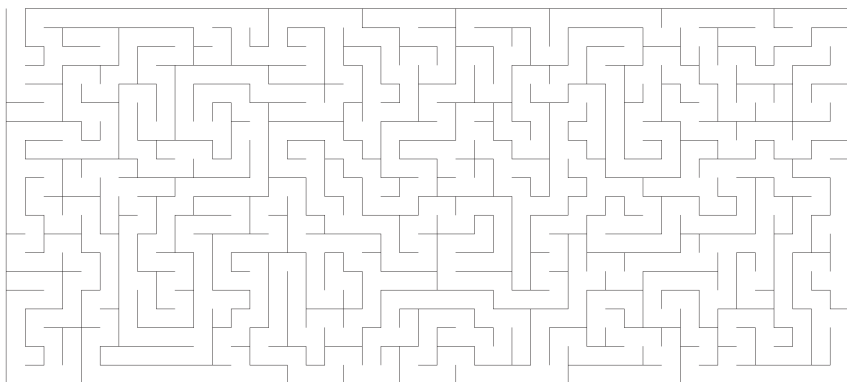
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 16 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

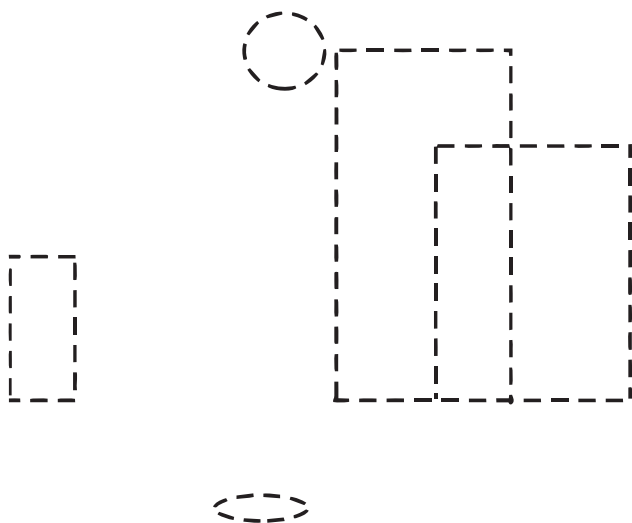
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

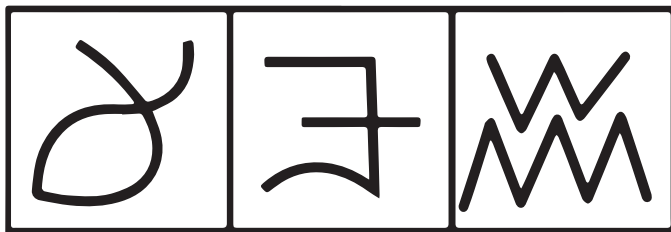
6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $6 \cdot 5 =$

b) $7/2 =$

c) $(7+4) \cdot 3 =$

d) $(3-3) \cdot 3 =$

e) $7 \cdot 3 =$

f) $(7-2) \cdot 2 =$

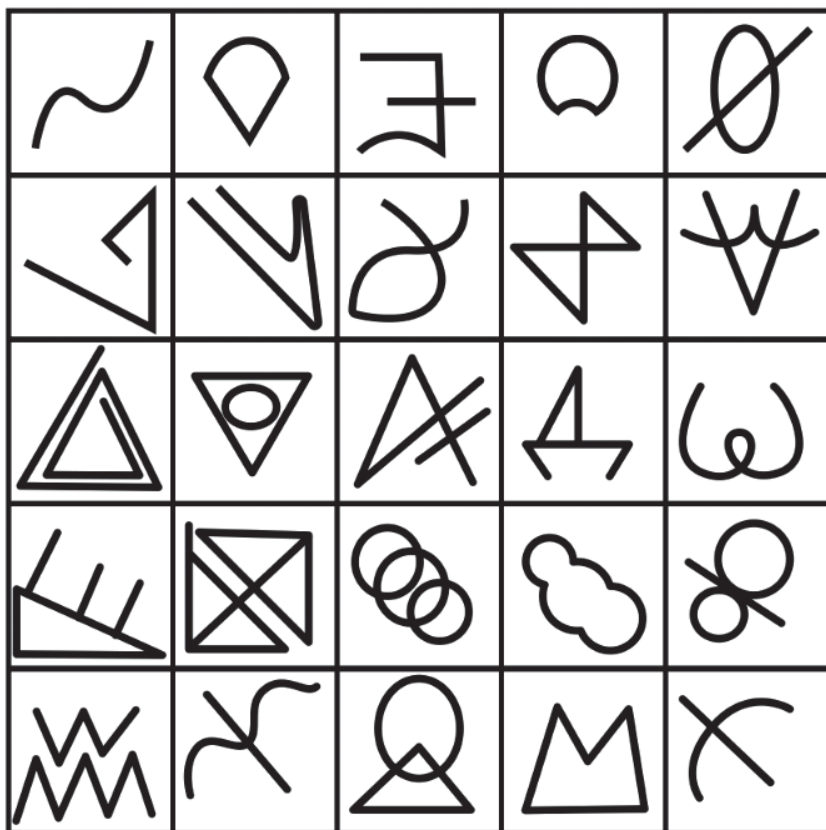
g) $3+6 \cdot 2 =$

h) $48/2+7 =$

i) $34-70 =$

j) $8 \cdot 3+8 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 31 _____

День 32 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 31 _____

День 32 _____

Я не смог сделать:

День 31 _____

День 32 _____

33 – 34 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

33 день _____ (минут)

34 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

33 день _____ (часов)

34 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше цветов за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

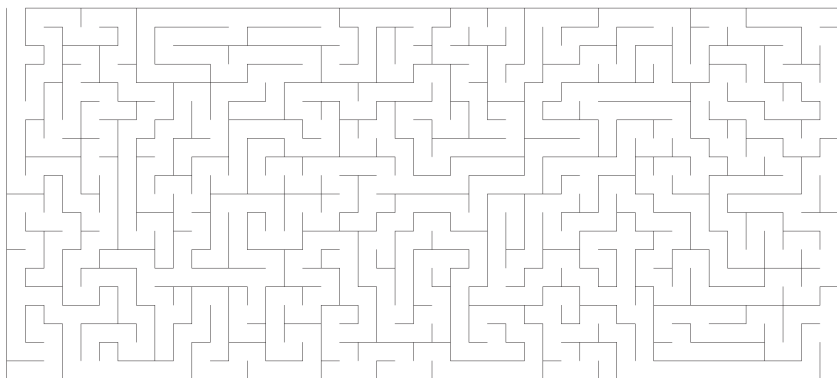
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 17 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

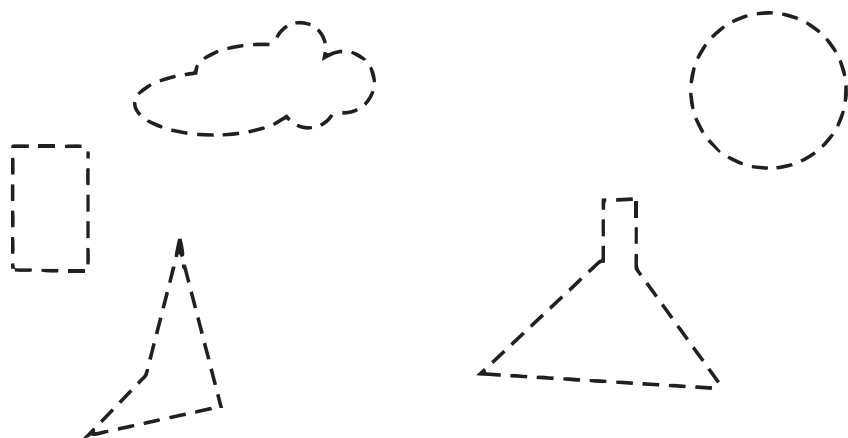
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

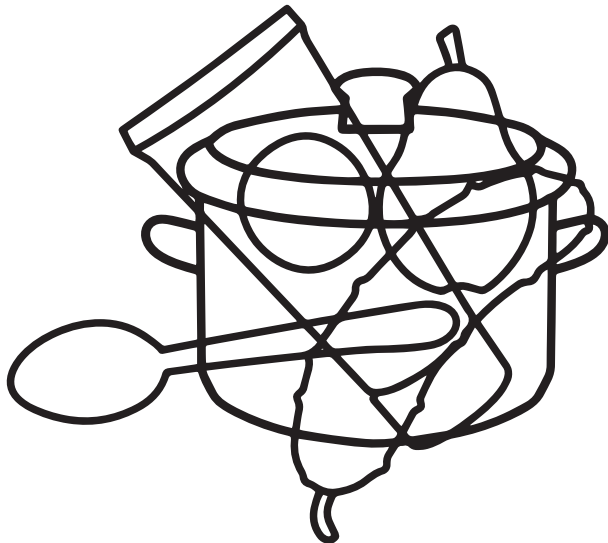

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

$$\begin{array}{c} \text{1} \end{array} \begin{array}{c} \text{5} \end{array} \begin{array}{c} \text{2} \end{array} \begin{array}{c} \text{6} \end{array} \begin{array}{c} \text{7} \end{array} + \begin{array}{c} \text{4} \end{array} \begin{array}{c} \text{3} \end{array} \begin{array}{c} \text{1} \end{array} \begin{array}{c} \text{9} \end{array} \begin{array}{c} \text{8} \end{array} =$$

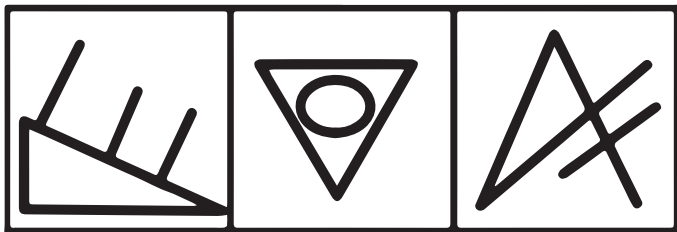
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

48	35	1	25	36	13	40
16	27	11	46	9	33	6
32	4	44	20	49	18	23
37	22	29	41	5	28	45
10	7	17	34	15	38	14
42	19	39	8	31	21	43
24	2	26	12	47	3	30

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $46 \cdot 3 =$

b) $7 \cdot 6 =$

c) $35/5 + 15 =$

d) $(73 - 34)/2 =$

e) $34 - 95/5 =$

f) $(24 - 13) \cdot 2 =$

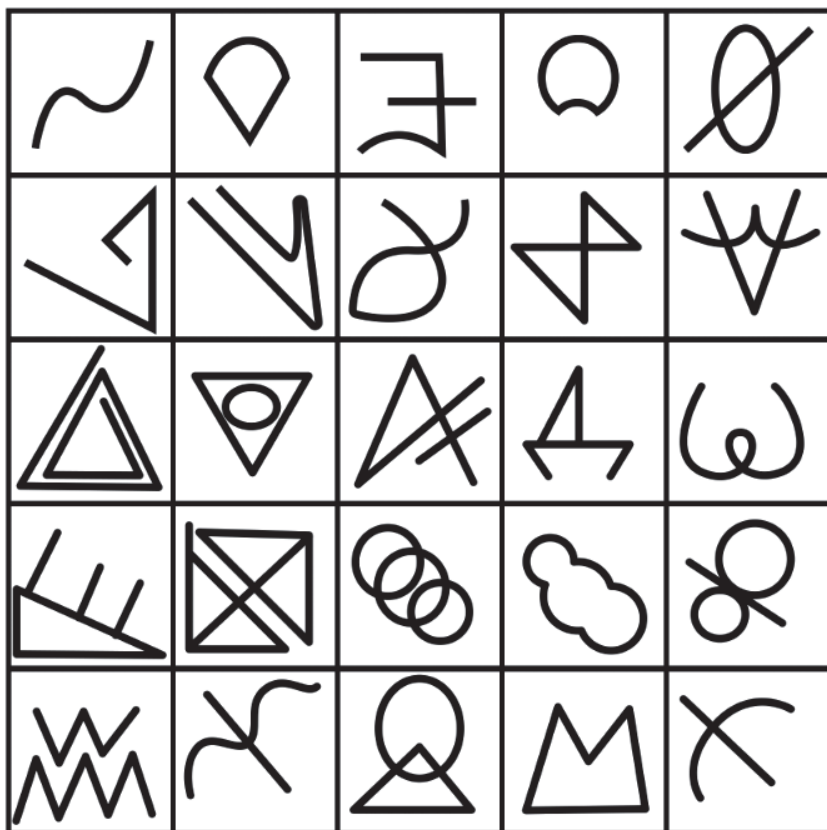
g) $58 \cdot 4 + 13 =$

h) $56/4 + 3 =$

i) $98 - 56 =$

j) $96/3 + 9 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 33 _____

День 34 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 33 _____

День 34 _____

Я не смог сделать:

День 33 _____

День 34 _____

35 – 36 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

35 день _____ (минут)

36 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

35 день _____ (часов)

36 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше фруктов за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладываете в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

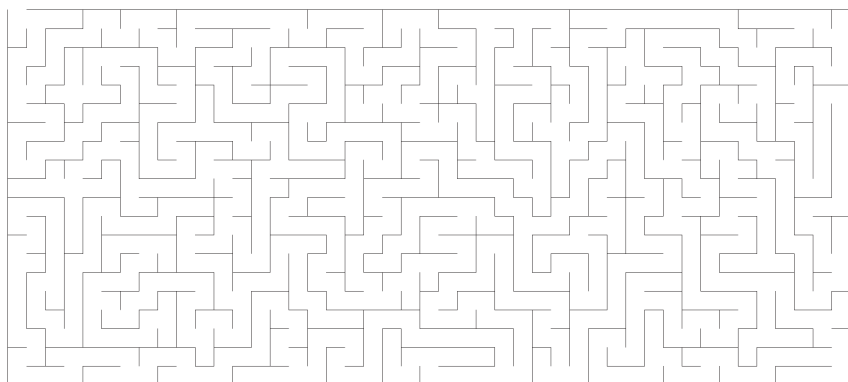
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 18 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

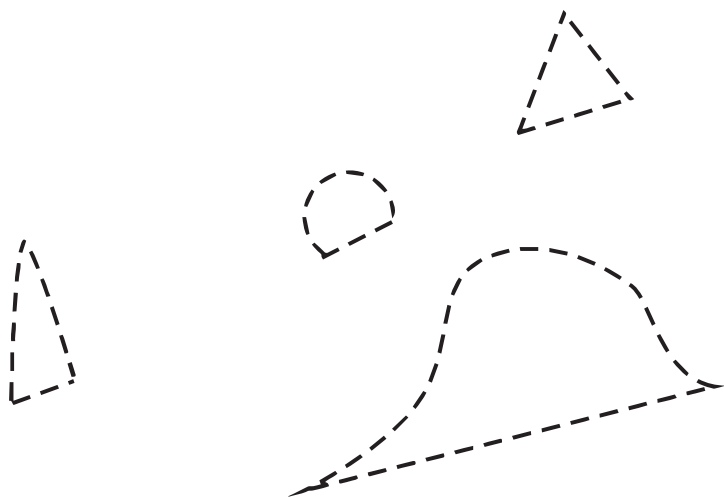
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

--	--	--	--	--	--	--	--	--

$$\begin{array}{c} \diagup \\ \diagdown \end{array} \begin{array}{c} \diagup \\ \diagdown \end{array} \begin{array}{c} \diagup \\ \diagdown \end{array} \begin{array}{c} \diagup \\ \diagdown \end{array} = \begin{array}{c} \diagdown \end{array} + \begin{array}{c} \diagdown \\ \diagup \end{array} \begin{array}{c} \diagup \\ \diagdown \end{array} \begin{array}{c} \diagup \\ \diagdown \end{array} \begin{array}{c} \diagup \\ \diagdown \end{array} =$$

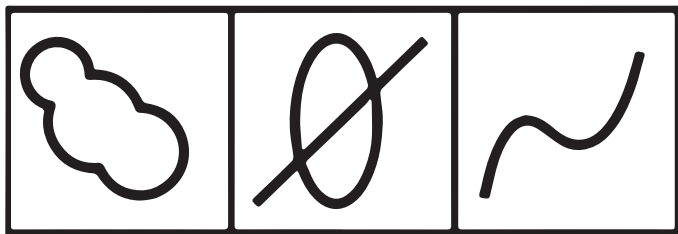
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

26	39	11	36	27	16	38
6	21	45	4	23	42	12
30	33	14	49	19	8	34
43	2	24	10	32	47	17
18	15	37	29	48	1	22
35	41	5	46	13	27	44
9	25	31	7	20	40	3

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $9 \cdot 5 =$

b) $8/4 =$

c) $6 \cdot 3 =$

d) $(33-23) + 18 =$

e) $3 \cdot 4 =$

f) $(9+4) \cdot 2 =$

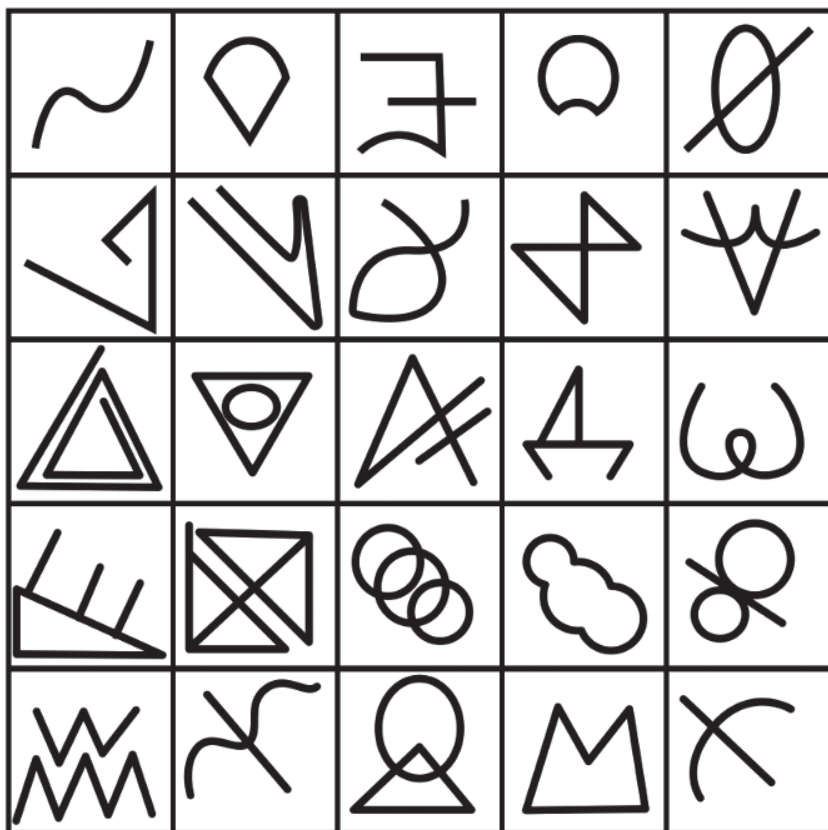
g) $9 \cdot 3 + 7 =$

h) $28/7 + 6 =$

i) $94-30 =$

j) $9/2 + 7 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 35 _____

День 36 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 35 _____

День 36 _____

Я не смог сделать:

День 35 _____

День 36 _____

37 – 38 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

37 день _____ (минут)

38 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

37 день _____ (часов)

38 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше музыкальных инструментов за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

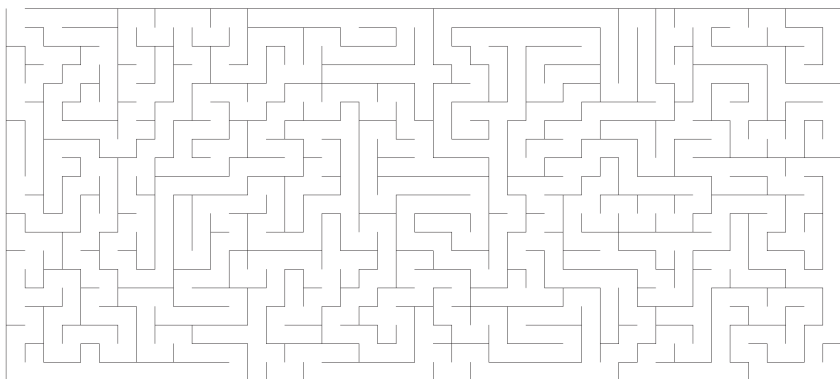
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 19 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

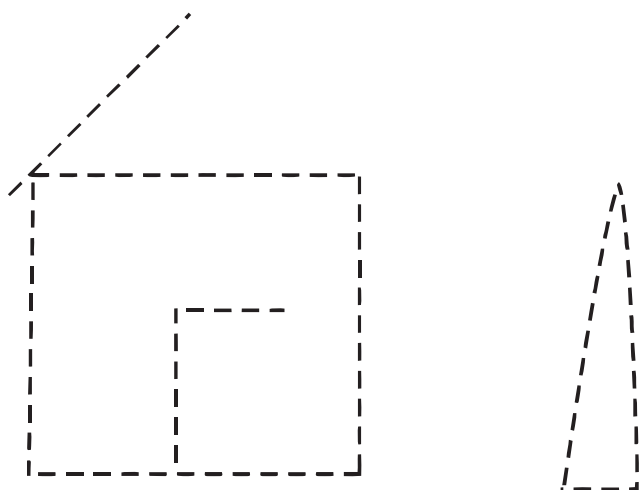
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

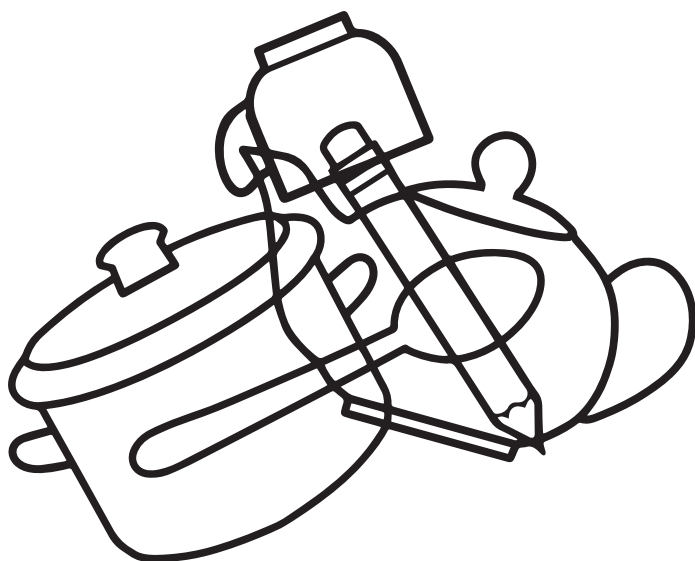

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие предметы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

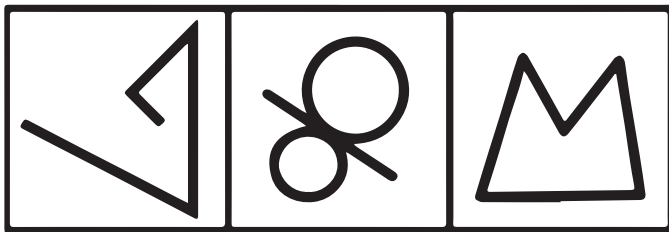
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

45	2	31	20	48	13	41
9	36	17	3	5	33	6
23	11	38	24	22	28	21
43	26	1	42	8	35	47
15	29	46	12	37	18	27
39	49	25	40	4	44	7
19	14	32	10	30	16	34

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $5+6*3=$

b) $5*6=$

c) $8*5=$

d) $(8-4) + 16=$

e) $24/4=$

f) $(4-1) * 2=$

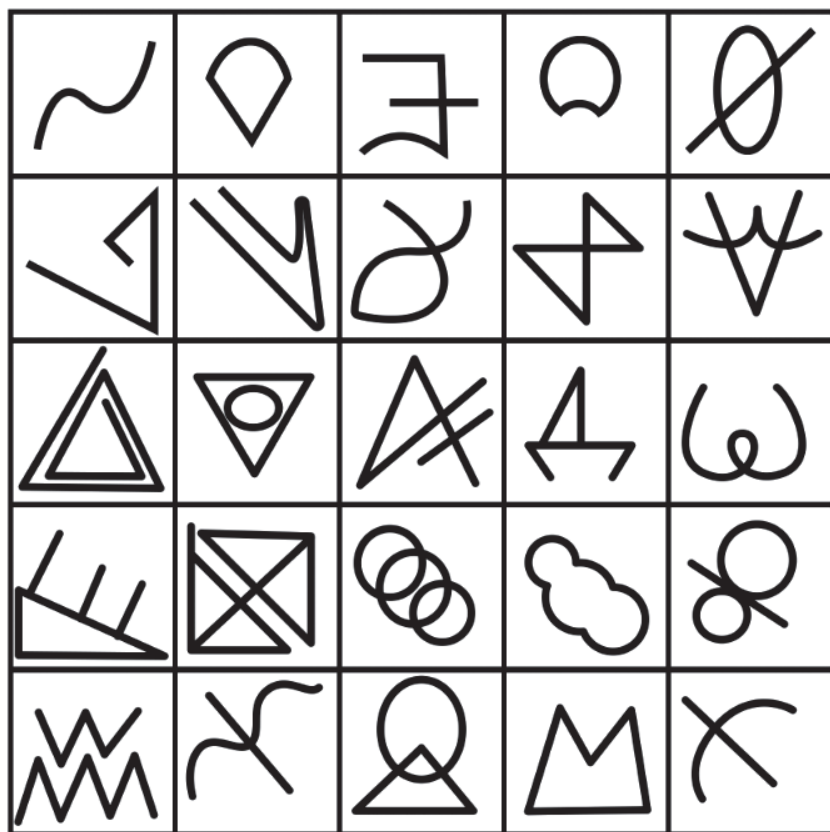
g) $5*4+13=$

h) $90/2+15=$

i) $(7-6) * 3=$

j) $5*2+7=$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 37 _____

День 38 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 37 _____

День 38 _____

Я не смог сделать:

День 37 _____

День 38 _____

39 – 40 ДЕНЬ

1. В течение дня: прогулка на свежем воздухе, не менее 30 минут.

Сегодня у меня удалась прогулка в течение:

39 день _____ (минут)

40 день _____ (минут)

2. Контролировать сон

Продолжительность моего сна сегодня:

39 день _____ (часов)

40 день _____ (часов)

Следующие задания должны быть выполнены в течение этих двух дней. Не обязательно все упражнения делать за один день!

3. Для этого задания вам понадобится секундомер и бусины (горох, пуговицы, орехи или любые другие мелкие предметы). Включите секундомер. Назовите как можно больше рыб за одну минуту. Называя каждое следующее слово, откладывайте в сторону один мелкий предмет. Сосчитайте, сколько предметов получилось (и, соответственно, сколько слов вы смогли назвать).

У меня получилось назвать _____ слов.

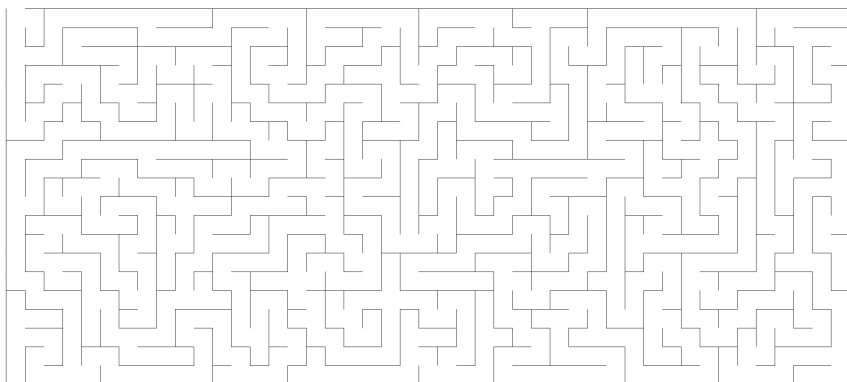
4. При выполнении этого задания перебирайте руками бусы, четки или мешочек с пшеном (горохом, чечевицей, рисом).

Прочитайте **текст 20 (см. приложение)**. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту. Если пересказ вызывает трудности, перечитайте текст еще раз и запишите 8 - 10 подсказок, которые помогут вам пересказать текст. Попробуйте пересказать максимально близко к тексту еще раз.

Для пересказа этого текста мне понадобились подсказки:

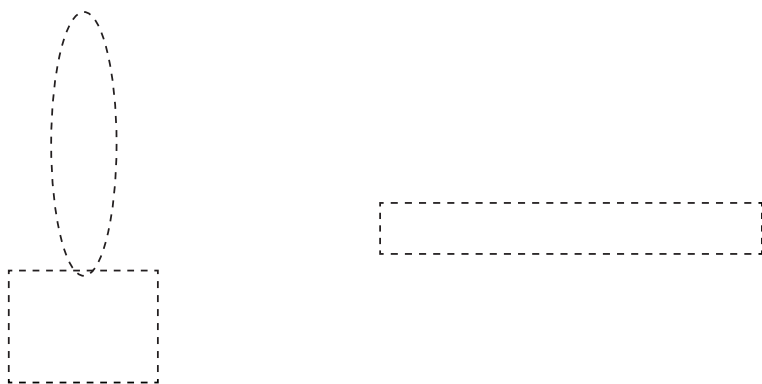
1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

5. Включите секундомер. Найдите выход из лабиринта. Запишите время, за которое вам удалось выполнить это задание.

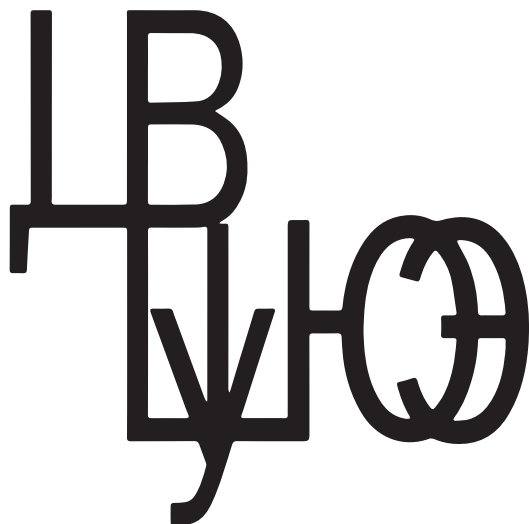

Мне удалось найти выход за _____ секунд.

6. Попробуйте дорисовать эти геометрические фигуры таким образом, чтобы получилось полноценное изображение:

7. Какие буквы вы видите на картинке? Запишите.

Я нашел на картинке:

8. Посмотрите на образец. Каждой цифре соответствует символ. Расшифруйте пример и решите задачу. Калькулятором пользоваться запрещено!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

$$\text{Symbol for 3} \text{ Symbol for 2} \text{ Symbol for 4} \text{ Symbol for 7} \text{ Symbol for 8} \text{ Symbol for 0} + \text{Symbol for 1} \text{ Symbol for 3} \text{ Symbol for 6} \text{ Symbol for 7} \text{ Symbol for 8} \text{ Symbol for 9} =$$

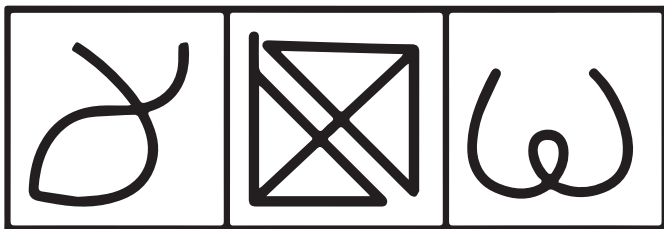
Ответ: _____

9. Включите секундомер. Найдите на таблице цифры по порядку от 1 до 49. Запишите время, за которое вы смогли выполнить задание.

43	19	49	30	23	29	34
10	2	27	15	42	12	7
26	24	35	5	25	18	45
36	11	31	20	47	6	28
16	41	1	38	22	33	17
32	21	46	8	40	14	48
4	39	13	44	3	37	9

Мне удалось выполнить это задание за _____ секунд.

10. Посмотрите на символы. Запомните их:

11. Решите следующие примеры. Калькулятором пользоваться запрещено!

a) $5 \cdot 3 =$

b) $18/3 =$

c) $3 \cdot 5 =$

d) $(6-5) + 14 =$

e) $4 \cdot 4 =$

f) $(7-5) \cdot 2 =$

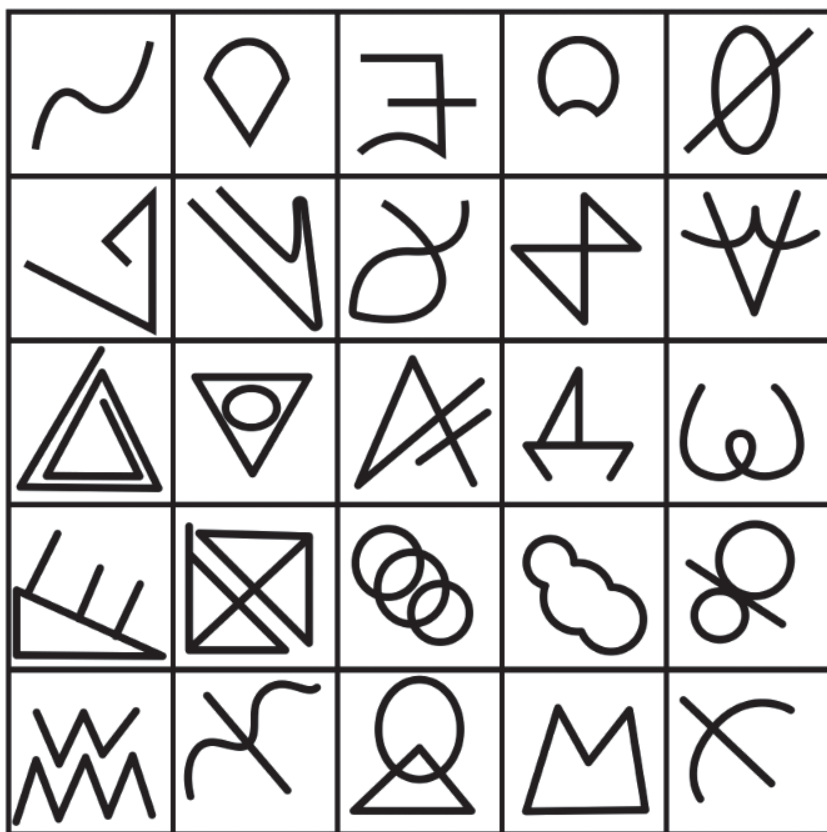
g) $7+8 \cdot 4 =$

h) $90/4+8 =$

i) $7-3 =$

j) $55/5+9 =$

12. Найдите по памяти символы из задания 10 среди других рисунков:

ИТОГИ ДНЯ

Внесите в свой дневник наблюдений.

Сегодня мне было легко делать:

День 39 _____

День 40 _____

Сегодня мне было сложно делать:

День 39 _____

День 40 _____

Я не смог сделать:

День 39 _____

День 40 _____

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕКСТ 1

ДЖЕК ЛОНДОН «МАМОНТ ТОМАСА СТИВЕНСА»

Первым делом умою руки по отношению к этому человеку. Я не автор его рассказов и не беру на себя ответственности за них. Заметьте, что я делаю эти оговорки ради поддержания моей собственной репутации. У меня есть некоторое общественное положение, есть семья; ради доброго имени общины, которая оказывает мне честь своим уважением, и ради моих детей я не могу рисковать, как позволял себе раньше, и подвергаться неожиданностям с беспечностью непредусмотрительной юности. Итак, повторяю: я умою руки по отношению к нему, к этому нимроду, этому могу-челу охотнику, голубоглазому веснушчатому простаку Томасу Стивенсу.

Исполнив этот долг перед самим собой и во имя семейного мира, сохранение которого всегда так приятно моей жене, я могу теперь проявить и великодушие.

Я не стану критиковать рассказы, слышанные мною от Томаса Стивенса, и даже воздержусь от выражения какого-либо мнения о них. Если спросят, почему – могу прибавить, что мнения у меня никакого нет.

Я долго думал, взвешивал, сопоставлял, но каждый раз приходил к новому заключению, потому что, увы, Томас Стивенс личность более крупная нежели я. Если он говорил правду очень хорошо, если неправду – тоже хорошо. Ибо – кто может доказать, или кто опровергнет?

Я устранию себя от всякого суждения, а люди маловерные могут сделать то, что сделал я: отыскать самого Томаса Стивенса и лично выразить ему свои сомнения касательно разных фактов, о которых я намерен повествовать с его слов.

А где можно его найти?

Адрес его очень прост: где-нибудь между 53° северной широты и полюсом, с одной стороны, а с другой – в любом удобном для охоты месте между восточным берегом Сибири и крайними пределами Лабрадора (Сев. Америка). Что он окажется где-нибудь тут, на этой точно определенной территории, – ручаюсь словом честного человека, карьера которого требует чистосердечия и неуклонного следования по прямому пути.

Томас Стивенс, может быть, и чудовищно искажал истину, но мы увиделись впервые (и это надо хорошенько заметить), когда он забрел ко мне на стоянку, где я считал себя на тысячу миль за пределами всякой культуры.

Увидев его лицо, первое человеческое лицо за несколько томительных месяцев, я готов был броситься к нему навстречу и задушить его в объятиях (между тем, я далеко не экспансивный человек). Стивенсу свидание со мной как будто казалось самым обычным делом на свете. Он просто зашел на огонек, поздоровался так, как принято между людьми на прохожих дорогах, отпихнул мои лыжи в одну сторону, пару собак – в другую и таким образом очистил себе место у костра.

Стивенс сказал, что зашел занять щепотку соли и взглянуть, нет ли у меня приличного табаку. Он вытащил старую трубку, набил ее весьма тщательно и тут же без спроса отсыпал половину моего табаку в свой кисет.

– Да, эта травка недурна. – Он блаженно вздохнул и с таким удовольствием начал поглощать дым от трещащих желтых волокон, что мне, старому курильщику, стало весело смотреть на него.

Охотник? Зверолов? Золотоискатель? Стивенс на мои наводящие вопросы отрицательно пожал плечами: нет, просто вышел побродить. Недавно пришел с Большого Невольничьего и подумывает перебраться в область Юкона. От фактора в Кошине он слышал об открытиях на Клондайке, и ему пришло в голову сходить туда взглянуть.

Я заметил, что он называет Клондайк на старинный лад «Оленьей Рекой», как делают старожилы, желающие поважничать перед индейцами и новичками–белокожими. Впрочем, тон его был так наивен и прост, что выходило вовсе не обидно, и я простил ему. Стивенс прибавил, что имеет в виду, прежде чем перевалить на Юкон, пробежаться к форту Доброй Надежды.

А форт Доброй Надежды ведь находится на крайнем севере, далеко за полярным кругом, в таком месте, куда редко ступала нога человека. И когда из ночного мрака неведомо откуда является к моему костру неопределенного вида бродяга и об этих концах говорит – «сходить» да «пробежаться», то думаешь, что пора бы проснуться и стряхнуть с себя грезы. Поэтому я посмотрел вокруг: я увидел нарты, а рядом – сосновые ветки, накиданные для ночлега, увидел мешки с провизией, чайник, пар от собачьего дыхания, освещенный костром, а надо всем громадную дугу северного сияния, перекинутую через зенит с юго-востока на северо-запад.

Меня прохватила дрожь. Есть волшебство в полярной ночи, которое проникает в вас, как лихорадка с малярийных болот. Вы захвачены и поработаны, прежде чем успеете это заметить.

Потом я взглянул на лыжи, лежавшие крест-накрест там, куда он отбросил их. Я сунул нос и в свой кисет: из него исчезла по крайней мере половина запаса. Это решило вопрос. Нет, я не был жертвой своей фантазии.

Пристально посмотрев на этого человека, я подумал, что он один из тех одичавших бродяг, которые оторваны от близких и родных, заброшены вдаль и, обезумев от давних страданий, странствуют по неведомым краям и беспредельным пустыням. Ну что же; не надо ему противоречить, пока, пожалуй, в голове у него не станет ясней. Кто знает, не довольно ли одного звука человеческого голоса, чтобы привести его в себя.

Поэтому я вовлек Стивенса в беседу и скоро начал удивляться, так как он стал толковать о дичи и ее повадках.

Он бивал и сибирского волка на крайнем западе Аляски, и дику козу в тайниках Скалистых гор. Он утверждал, что знает места, где еще бродят последние буйволы, что видел канадских оленей, когда эти животные бежали стадами в сотни тысяч голов, и что он спал в Великой Пустыне на зимнем следу мускусного быка.

Тут я изменил свое мнение о нем (то была первая перемена, но никак не последняя), и счел его за образец правдивости.

Как это вышло, я и сам не знаю, только что—то толкнуло меня повторить ему рассказ, слышанный мной от человека, который прожил в тех местах достаточно, чтобы не болтать пустяков.

Дело шло о большом медведе, который будто бы держится на крутых скатах гор, никогда не спускаясь на более отлогие склоны. Природа как будто приспособила этого зверя так, что его ноги с одной стороны на целый фут длиннее, чем с другой. Всякий согласится, что это очень удобно.

Я в первом лице, в настоящем времени и от своего имени повествовал о том, как я охотился на этого редкого зверя, живо набросал подходящую обстановку, не забыв подробностей ради правдоподобия, и думал поразить слушателя своим рассказом.

Ничуть не бывало. Вырази он сомнение, я мог бы простить ему. Начни он возражать, отрицать опасность такой охоты, вследствие невозможности для зверя повернуться и пойти в обратную сторону, — поступи он так, признаюсь, я мог бы пожать ему руку, как истинному охотнику, каким он и был.

Но нет!

Он фыркнул, посмотрел на меня и опять фыркнул; потом воздал должное моему табаку, положил свою ногу ко мне на колено и велел мне осмотреть на ней обувь. То был «муклук» алеутского образца, сшитый сухожилиями, — без всякой меховой отделки или бус. В нем замечательна была сама кожа. Толщиной своей, превышающей полдюйма, она напомнила мне кожу моржа; но на этом сходство кончалось, так как ни у одного моржа не бывало такой роскошной растительности. Близ подошвы и на лодыжках эти волосы были почти стерты кустарниками и снегом; но на

подъеме и более защищенном заднике они были грубы, грязно-черного цвета и очень густы. Я с трудом раздвинул эту шерсть, отыскивая под ней мягкий подшерсток, свойственный всем северным животным; в данном случае он отсутствовал. Впрочем, это возмещалось длиною шерсти; в сохранившихся пучках волос она достигала семи, даже восьми дюймов.

Я поднял взгляд на собеседника, а он снял свою ногу и спросил:

– Такая ли шкура оказалась на вашем медведе?

Я покачал головой.

– Ни у одного зверя ни на море, ни на суше я не видывал такой шкуры, – ответил я чистосердечно.

Толщина кожи и длина шерсти приводили меня в недоумение.

– Она снята, – сказал он, и притом весьма равнодушно, – с мамонта.

– Вздор! – воскликнул я, не будучи в состоянии удержаться от выражения недоверия. – Мамонты, дорогой мой, давно исчезли с лица Земли. Мы знаем об их существовании по ископаемым останкам и по замерзшей туше, которую сибирскому солнцу заблагорассудилось открыть, растопив находившийся на ней лед, но хорошо известно, что ни одного живого экземпляра нет на свете. Наши исследователи...

На этом слове он перебил меня с нетерпением:

– Ваши исследователи! Эти... Слабоваты они. Не будем говорить о них. Но скажите мне, что вы сами знаете о мамонте и его повадках?

Без сомнения, это было приступом к рассказу. Чтобы выманить его, я вызвал в памяти все сведения, какие имел по данному предмету. С самого начала я подчеркнул тот факт, что мамонт – животное доисторическое, и вся остальная часть моей речи была направлена к подтверждению этого. Я упомянул о сибирских песчаных отмелях, богатых древними костями мамонта, сообщил о громадных количествах ископаемой мамонтовой кости, покупаемых Аляскинской Торговой Компанией у иннуитов, прибавил, что я сам отрывал из золотоносного гравия в бухтах Клондайка мамонтовые бивни по шестик – восьми футов.

– Все ископаемые – окаменелости, – сказал я в заключение, – пролежавшие бесчисленные века среди геологических наслоений.

– Помню, что еще мальчишкой, – тут Томас Стивенс фыркнул (у него была нестерпимая манера фыркать), – я видел окаменелый арбуз, поэтому спросим: хотя заблуждающиеся люди иногда обманывают себя, воображая будто выращивают и едят арбузы, есть ли в наш век такие плоды, как арбузы?

– Возникает вопрос о корме мамонта, – продолжал я свое, игнорируя эту колкость, как пустяк, недостойный внимания. – Почва должна

производить растительность в изобилии, чтобы прокормить столь чудовищных животных. Нигде на севере теперь нет такой плодоносной земли. Следовательно, мамонту здесь нельзя существовать.

– Прощаю ваше незнание очень многого, бывающего здесь, на севере, потому что вы еще молоды и мало странствовали. Тем не менее, я согласен с вами в одном: мамонтов теперь нет. Почему я знаю? Я убил последнего собственной рукой.

Так сказал нимврод, великий ловец. Я бросил хворостиной в собак, приказав им прекратить свой жуткий вой, и умолк в ожидании. Было несомненно, что этот на редкость удачливый враль раскроет уста и оплатит мне за моего горного медведя.

– Вот как это вышло, – начал, наконец, он, выдержав приличную паузу. – Раз как-то сделал я привал...

– Где? – перебил я.

Он неопределенно махнул рукой по направлению к северо-востоку, где расстилалась обширная terra incognita, куда отважилось проникнуть очень мало людей и откуда еще меньше вернулось.

– Так вот, я был на привале вместе с Ключью. Ключь была самая хошенькая лайка из всех, бегущих по следу или сующих носы в котлы на привалах. Ее отец был чистокровный русский пес из-за Берингова моря, которого я с большим знанием скрестил с легконогой сукой гудсонбайской породы. Скажу вам по совести, что помесь получилась превосходная. И вот, как раз в тот день, который я имею в виду, ей предстояло оцнить от настоящего лесного дикого волка, серого, длинноногого, с глубокими легкими и беспредельной выносливостью. Каково! Кто может похвалиться чем-нибудь подобным? Я положил начало новой породе собак и мог ожидать великих событий.

Как я уже сказал, ей предстояло оцнить, и это произошло благополучно. Я присел на корточки над приплодом, над семью маленькими слепыми-крепышами, – как вдруг сзади меня раздался трубный звук и какой-то сильный грохот. Пронесся порыв ветра, подобный тому, какой бывает после дождя, и только я собрался встать, как что-то меня свалило с ног и ткнуло носом в землю. В ту же минуту я услышал, что Ключь крикнула совсем как человек, если ему угодить кулаком в живот. Будьте уверены, что я лежал спокойно; но, повернув голову, я увидел громадную глыбу, качавшуюся надо мной. Потом в глаза мне блеснуло синее небо. Я встал на ноги. Волосатая гора мяса как раз исчезла в поросли, окаймлявшей поляну. Я успел увидеть только зад животного с торчавшим хвостом. В следующее мгновение в поросли оставалась только громадная дыра, а до ушей моих доносился как бы рев стихающего смерча вместе с треском и грохотом сокрушаемых деревьев. Я было

схватился за винтовку. Она лежала на земле, дулом на чурбане; но приклад оказался в щепках, ствол изогнутым, а замок исковерканным. Я захотел взглянуть на собаку и... ну, что бы вы думали?

Я покачал головой.

– Пусть моя душа горит в тысяче адских огней, если от нее хоть что-нибудь осталось. Не оказалось ни Клучи, ни семи маленьких крепышей. На том месте, где она лежала, осталось только скользкое кровавое углубление мягкой земли, диаметром этак с метр, а, по краям его – несколько волосков.

Я отметил три фута на снегу, описал окружность и взглянул на Стивенса.

– Зверь был тридцать футов в длину, а высотой – в двадцать, ответил он. – В одних бивнях было более шести футов. Я сам едва верил глазам, хотя все это только что произошло. Но если меня обманули глаза и уши, то откуда сломанное ружье и дыра в поросли? И куда же делась Ключь со щенятами?.. Меня даже и сейчас в жар бросает при одной мысли о них. Ключь! Красавица! Мать нового племени! И какой-то бессмысленный празднующийся бык-мамонт стер ее с лица Земли со всем потомством, точно потоп. Удивительно ли, что напоенная кровью земля вопияла о мщении. Я схватил топор и кинулся по следу.

– Топор! – воскликнул я, крайне пораженный вызванной передо мной картиной. – С топором на громадного самца-мамонта в девять метров длиной и...

Стивенс присоединился к моему смеху, весело захихикав.

– Ведь это – помереть в пору! – крикнул он. – Не раз потом я сам хохотал над этим, но в ту пору было не до смеха; я разум потерял от злости из-за ружья и Клучи. Да вы и сами подумайте, почтенный. Самоневейшая, никуда еще не внесенная, патентованная порода истреблена, прежде чем щенята успели открыть глаза! Ну, да так и быть. Жизнь полна разочарований, и не даром: еда вкусна после голодовки, а постель мягка после трудного пути.

Как я уже сказал, схватив топор, я кинулся за зверем и побежал вслед за ним по долине; но, когда он повернул кругом, опять к устью долины, я был еще на другом конце. По вопросу о корме я должен тут вам разъяснить кое-что. Там, в горах, в самой середине, есть прекурьюзная формация. И не счесть, сколько там маленьких долин, похожих одна на другую, как пара горошин, и каждая аккуратно загорожена отвесными скалистыми стенами, поднимающимися со всех сторон. На нижнем конце каждой такой долинки существует узкий проход, пробитый водой или ледниками. Другого хода нет, как только через эти устья, да и те – одно

уже другого. Вот насчет корма – то... Ведь вам случалось как путешественнику бывать на залитых дождями островах вдоль Аляскинского берега, туда, к Ситне... Вы знаете, как там растет всякое добро – высоко, сочно, густо. Вот точно так же и в этих долинах: жирная плодородная почва, а на ней папоротники, травы и всякая штука выше головы. Летом три дня из четырех идет дождь, и корма тут хватит на тысячу мамонтов, не говоря уже о мелкой дичи.

Но вернемся назад. На нижнем конце долины я запыхался и отстал. Я начал раздумывать, потому что по мере того, как я выбивался из сил, мой гнев разгорался все больше и больше, и я знал, что не успокоюсь, пока не пообедаю жареной ногой мамонта. Я понимал также, что битва будет нешуточная. Но вход в долину был очень узок, а стены ее очень круты. С одной стороны, высоко на скале торчала готовая к обвалу громадная глыба весом в несколько сот тонн. Как раз мне на руку. Все время наблюдая, чтобы зверь не проскользнул мимо, я вернулся к себе на привал и захватил оттуда амуницию. Без ружья она немногого стоила. Я открыл патроны, насыпал пороху под скалу и зажег пороховой шнур. Заряд был невелик, но мой камешек лениво покачнулся и свалился как раз куда следовало, оставив только щелку для прохода ручья. Теперь дело было в шляпе.

– Да каким же образом? – спросил я. – Где же слыхано, чтобы мамонтов убивали топорами? Да, по правде сказать, и вообще, чем бы то ни было.

– Ох, да разве я не сказал вам, что я совсем обезумел, – возразил Стивенс не без раздражения. – Меня совсем свела с ума беда с Ключью и с ружьем. Да кроме того, разве я не охотник, разве передо мной не была новая и весьма редкая дичь? Топор?! Да он мне совсем и не потребовался. Слушайте, и вы услышите о такой охоте, какая могла происходить во времена юности нашей Земли, когда пещерные люди дрались каменными топориками. Для меня и такого было бы достаточно. Ну разве не правда, что человек может обойти собаку и лошадь, что он может извести их своим умом и выносливостью?

Я кивнул.

– Ну?

Я начинал понимать, и попросил его продолжать рассказ.

– Моя долина имела около пяти миль в окружности. Устье было завалено. Выхода не оказывалось. Этот мамонт был трусливый зверь и очутился в моей власти. Я опять погнался за ним, выл точно дьявол, кидал в него камешками и прогнал его вокруг долины три раза, прежде чем бросил ради ужина. Понимаете? Бег взапуски, состязание между человеком и мамонтом. Точно в цирке, причем солнце, месяц и звезды могли бы быть зрителями и судьями.

Два месяца потребовалось мне для этого дела, и я его сделал. Я гонял его кругом да кругом, сам держась внутренней стороны круга, питаюсь на бегу сушеным мясом и ягодами и урывками пользуясь сном. Разумеется, бывало он приходил в отчаяние и поворачивал на меня. Тогда я убежал на мягкий грунт, где разливался ручей, и оттуда выкрикивал проклятия ему и его предкам, предлагая ему подойти поближе. Но он был слишком умен, чтобы увязнуть в грязи. Раз он даже припер меня к отвесной скале, и я залег в глубокую трещину и стал выжидать. Каждый раз, как он пытался нащупать меня своим хоботом, я колотил по хоботу топором, пока он не вытаскивал его обратно с таким ревом, что у меня чуть не лопались барабанные перепонки. Ах, как он бесился. Он понимал, что поймал меня, а достать-то не мог. Вот и выходил из себя. Только он не давал себя дурачить. Он знал, что будет в безопасности, пока я в расщелине, и решил не выпускать меня оттуда. И он был чертовски прав, только вот он упустил из виду значение фуража. Корма и воды поблизости не было, значит, и нельзя было держать меня в осаде.

Целые часы простаивал мамонт перед расщелиной, не сводя с меня глаз и хлопая своими громадными, точно одеяла, ушами, чтобы сгонять moskitov. Наконец, его стала одолевать жажда; тогда он начинал топтаться и реветь так, что земля дрожала: это он всячески ругал меня по-своему, – разумеется, с целью напугать. Затем, считая произведенное впечатление достаточным, он тихонечко пятился и старался незаметно улизнуть к ручью. Бывало, что я подпускал его почти вплотную к воде, до ручья оставалось лишь несколько сот ярдов, – и сейчас же выскакивал. Тогда он бежал назад, колыхаясь, точно громадная глыба. Когда я проделал это несколько раз, он понял мою хитрость и переменил тактику. Начал стараться выиграть время, понимаете? Без малейшего предупреждения кидался прочь и летел к воде во весь дух, рассчитывая поспеть туда и обратно, прежде чем я убегу. В конце концов, осыпав меня страшными проклятиями, он снял осаду, я неторопливо направился к водопою.

Вот только раз зверь и осадил меня, – на это пошло три дня, а затем наша гонка продолжалась безостановочно. Все кругом да кругом, как заведенные часы... Платье стало с меня клочьями валиться, но я не останавливался для починки, так что наконец остался совсем без одежды и бежал в чем мать родила со старым топориком в одной руке и булыжником в другой. Я останавливался только для сна, урывками, где-нибудь на выступе скалы. Что же касается мамонта, то он заметно худел, должно быть, потерял в весе не менее нескольких тонн, – и сильно нервничал. Когда я подступал к нему с криком или кидал в него обломком скалы, он подпрыгивал, как жеребенок, и начинал дрожать с головы до ног, а потом

бросался бежать, вытянув хвост и хобот, озирался через плечо, злобно сверкал глазами и ругал меня так, что просто ужас. Безнравственная это была скотина – убийца и ругатель.

Но наконец мой мамонт все это бросил и принялся хныкать и вопить, словно младенец. Он совсем упал духом, превратившись в какую-то дрожащую гору страдания. Он стал мучиться припадками сердцебиения, шататься, как пьяный, падать и обдирать себе бока. И потом стал неумолимо плакать, и все на бегу. Я же только ускорял бег. Наконец, я замучил зверюгу совершенно, и он лег на землю, задыхаясь, голодный и изнемогая от жажды. Когда я увидел, что он не двигается, я надрезал ему подколенные жилы и почти целый день врубался в него топором, слушая его хрипение и всхлипывание, пока он не умолк.

Длиной он оказался девяти метров, а высотой – шести; между клыками можно было подвесить гамак и выспаться всласть. Хотя, гоняя, я выпустил из него все соки, но для еды в нем осталось еще достаточно; одних только четырех ног могло хватить на жаркое в течение целого года. Я сам провел там всю зиму.

– А где же эта долина? – спросил я.

Стивенс махнул рукой по направлению к северо-востоку и сказал:

– Ваш табак очень хорош. Я ношу добрую половину его в своем кисете, но с воспоминанием о нем не расстанусь до смерти. В знак признательности и в обмен на мокасины, которые у вас на ногах, я презентую вам эти «муклуки». С ними связана память о Клучи и о семи слепых щечночках; больше того: они являются памятником события, единственного в истории, а именно – истребления двух звериных пород, самой древней и самой юной на Земле... Но главное достоинство этой обуви состоит в том, что она не износится никогда...

Совершив обмен, Томас Стивенс выколол золу из трубки, пожал мне руку с пожеланием спокойной ночи, и удалился, шагая по снегу.

Что же касается рассказа, ответственность за который я уже заранее от себя отклонил, то советую маловерным съездить в Смитсоновский институт. Если они привезут с собой должную рекомендацию и явятся в каникулярное время, то, несомненно, добьются свидания с профессором этого института Дольвидсоном. «Муклуки» составляют ныне его собственность, и он может определить если не способ, каким они были добыты, то материал, из которого они сделаны. Раз он подтвердит, что они сшиты из кожи мамонта, то ученый мир должен будет склониться перед его приговором.

Чего же вам еще?

ТЕКСТ 2

КАРЛ-ЙЕСКО ФОН ПУТТКАМЕР «ЧУДОВИЩА САРГАССОВ»

Врачи заявили лондонскому журналисту Буслею, страдавшему нервным переутомлением, что самым рациональным средством для восстановления его здоровья они считают длительное морское плавание. Они настойчиво советовали ему сесть на грузовой, а не на пассажирский пароход: Буслею необходимо было избегать общества, а как же избежать болтовни на пассажирском пароходе?

Буслей сговорился с мистером Смитсом, капитаном грузового судна «Лидс», собиравшегося отплыть из Лондона в Тринидад. Это был длинный рейс, что как раз и было на руку Буслею. В день отплытия «Лидса» журналист стоял на его палубе, в последний раз окидывая взглядом набережные мирового города, с которыми ему приходилось прощаться, как он думал, на несколько недель.

«Лидс» снялся с якоря в тот же день. Маленький, но могучий, черный от копоти и угольной пыли, буксир потащил его вниз по течению Темзы. И скоро Буслей, все время находившийся на палубе, уже потерял из виду туманные силуэты зданий величайшего осиног гнезда, носящего имя – Лондон.

Буслею было как будто немного грустно расставаться с Лондоном – человеку свойственно сживаться с местом, как бы пускать корни, прирастать к нему, и когда приходится сразу порывать с таким местом, поневоле чувствуешь приступ щемящей тоски и необъяснимой тревоги.

«Пустяки, – встряхнулся Буслей, – поплаваю в океане, отдохну, ничего не делая, отвлекусь, отосплюсь, а главное – проветрю легкие свежим и чистым морским воздухом. Вернусь в Лондон совсем неузнаваемым».

И он направился к отведенной в его распоряжение капитаном Смитсом каюте.

И день, и два, и неделю плывет «Лидс» по океану. Жизнь идет на судне, как всегда. Разнообразие мало.

То погода станет свежей и разгуляются в океанском просторе волны, то стихнет буря и океан успокоится. То бушует ветер и гудит в снастях и словно пытается повалить на борт судно, то он уляжется и воздух как бы застынет. Вечером кажется, что на целые дни устанавливается хорошая погода. А утром смотришь – все кругом напоено, насыщено туманом. Ничего не разглядишь в нескольких шагах.

Пароход замедляет ход. Поминутно заунывно гудит сирена, чтобы дать знать встречным судам об опасности столкновения. Откуда-то чуть слышны, словно с трудом пробиваясь, такие же заунывные гудки.

Может быть, это отзываются такие же встречные суда, а может быть, просто откликается шаловливое эхо...

И час, и два, и десять часов блуждает пароход в тумане. И кажется, не выбраться из тумана никогда...

А там, смотришь, откуда-то потянуло холодным ветром, и уже унесло туман, изорванный в клочки. И вновь сияет над пароходом сверкающее солнце, голубеет небо...

Буслей скоро привык к судовому режиму. Он сдержал данное капитану слово – никому не мешал на судне, никому не надоедал вопросами и неуместным любопытством.

Капитан Смитс, не совсем охотно взявший Буслея на борт своего парохода, скоро совершенно примирился со своим пассажиром и в минуты доброго расположения духа охотно болтал с ним о том, о сем, посмеиваясь над его незнанием морских терминов, над непривычкой наблюдать явления, совершающиеся вокруг в природе, предвидеть по каким-то незаметным, почти неуловимым, но понятным морякам признакам близость изменения погоды.

Раза два или три Смитс снисходил до того, что принимался «сражаться» с пассажиром в шашки, но Буслей слишком легко обыгрывал моряка, забирая без пощады его шашки и проводя свои шашки в дамки, что очень не нравилось Смитсу.

– С вами сам черт не справится. Ну вас в болото, – ворчал он.

Таким образом, игра в шашки как-то сама собой скоро прекратилась.

Зато Буслей, оказавшийся недурным портретистом, успел зарисовать физиономии всех матросов, в десятке поз изобразил самого капитана, и все эти наброски поступили в собственность мистера Смитса.

В скором времени капитанская каюта превратилась в целую картинную галерею. Судовой плотник довольно искусно изготовил рамочки для акварельных эскизов и карандашных набросков Буслея, и «картинки», как называл весь экипаж «Лидса» его произведения, украсили собой стены капитанской каюты.

Предсказания врачей, уверявших Буслея, что он быстро оправится от своих недомоганий, как только отлежится и надышится свежим воздухом, оказались правильными: его бледные щеки заметно порозовели, приобрели здоровый загар, кожа, прежде пористая и вялая, сделалась гладкой, бархатистой. В усталых глазах появился блеск; на хмурых устах чаще и чаще мелькала веселая улыбка. В довершение всего – хороший аппетит, крепкий сон, полное отсутствие мучительных головных болей, почти всегда хорошее, ровное настроение духа...

Чего же желать больше?

Кроме того, на пароходе видны были только бодрые вечно занятые работой люди со смуглыми обветренными лицами, и не приходилось слышать бесконечных жалоб на те или иные болезни, как это бывает у больных в санатории.

Правда, жизнь на пароходе отличалась однообразием, казалась по временам слишком монотонной. Иной раз Буслею почему-то вдруг особенно ярко вспоминались концертные залы и театры Лондона, вспоминался клуб, в котором он бывал ежедневно, вспоминались некоторые постоянные собеседники.

Иной раз в голову приходили мысли о книгах, которые следовало бы прочитать. А то, особенно ночью, мозг Буслея принимался работать, как работает заведенная машина, и автоматически вырабатывать слова и целые фразы, просящиеся в какую-нибудь статью, – тянуло к перу и бумаге.

Но Буслей упорно отгонял от себя надоедливые мысли о начатых и брошенных за отъездом из Лондона работах.

«Вернусь, освежившись, тогда буду работать с удвоенной силой. Теперь самое важное – решительно ни о чем не думать и вести нормальный образ жизни», – думал он.

И день ото дня молодой журналист чувствовал, как крепнут его силы.

По истечении некоторого времени плавания, совершавшегося в сравнительно благоприятных условиях, «Лидс» спустился до 22 градуса северной широты и перерезал 35 меридиан западной долготы.

В этот день вечером Буслей раньше обыкновенного улегся спать, – потянуло ко сну. Но едва он улегся, как сон словно рукой сняло.

Лениво Буслей достал свою записную книжку, чтобы занести в нее некоторые услышанные им сегодня от капитана Смитса характерные выражения, записать несколько собственных мыслей.

В это время с пароходом что-то случилось. Раньше Буслей всем своим существом улавливал поступательное движение судна. Теперь это движение по каким-то причинам замедлилось. Винт за кормой работал столь же энергично, как и раньше, корпус парохода дрожал обычной мелкой дрожью, но в то же время движение все замедлялось и замедлялось.

«В чем дело? Что случилось? – лениво думал Буслей, отрываясь от записной книжки. – Надо бы выйти на палубу, спросить капитана о причинах остановки, да, пожалуй, старик рассердится. Завтра узнаю».

С этой мыслью Буслей погасил электрическую лампочку, поправил сбившуюся подушку, вытянулся во весь рост и стал сладко дремать.

И опять грезился ему покинутый Лондон, ярко освещенные улицы, опера, где он бывал довольно часто. Грезились фигуры знакомых... Им овладел здоровый сон. Он спал и не слышал, что на палубе идет суета,

что капитан сердито кричит что-то с высоты своего мостика и что матросы бегают от одного борта к другому, освещая спущенными на канатах фонарями поверхность моря.

Что же происходило с «Лидсом»?

В то время, как пароход почему-то стал замедлять ход, капитан Смитс находился в своей каюте. Судном командовал старший штурман Джефф. Он не сразу обратил внимание на странное явление замедления хода, но все же скоро забеспокоился и послал вестового вызвать капитана.

Смитс ворча выбрался из каюты.

– Ну, что тут у вас, Джефф? – крикнул он помощнику.

– Ничего не разберу, капитан. «Лидс», кажется, собирается остановиться, словно в кисель въехал, – ответил помощник.

– Машины как?

– В полной исправности.

– Не потеряли ли мы винта?

– Были бы слышны толчки. И потом ведь перед отправлением в рейс винт был осмотрен. Все в исправности.

– Распорядитесь-ка осветить море у бортов.

Через несколько минут над поверхностью моря закачались, бросая на воду призрачный скользкий свет, висячие фонари.

– Дьявольщина! – вырвалось из уст капитана. – Мы, должно быть, сбились с пути, Джефф!

– Этого нет, капитан. Компас в полной исправности. Наконец, при заходе солнца я делал проверку нашего курса. Мы не могли далеко уйти от обычной линии. На полградуса южнее, не более.

– А все-таки нас угораздило врезаться в саргассы, Джефф.

– Саргассы?! – голос помощника дрогнул. – Возможно ли?

– Поглядите сами.

Джефф перегнулся через борт, и глухое восклицание вырвалось из его уст. Кажется, он повторил то же самое словечко, которое только что было произнесено капитаном:

– Дьявольщина!

– Это – саргассы, Джефф, – угрюмо твердил капитан.

– Но мы можем избавиться от них. Дадим задний ход, и...

– Задний ход! – скомандовал Смитс.

Винт за кормой приостановился, потом двинулся в обратную сторону, все быстрее и быстрее.

– Двигаемся! – крикнул обрадованный Джефф.

– Какой там черт, двигаемся, – с досадой отозвался капитан. Стоим преспокойно на месте. Вы только прислушайтесь, как стучит винт. Все

глуше, глуше... Проклятие! Морская трава опутала винт. Боюсь, Джефф, мы засели крепко. Проклятая штука эта морская трава.

– Не попробовать ли нам спустить бот и вывести судно на буксире?

– Пожалуй.

Через минуту бот был спущен на воду.

– Капитан! – крикнул с лодки боцман. – Мы не можем протаскать бот. Трава кругом.

– Отпихивайтесь веслами.

– Есть.

Матросы налегли на весла, но бот почти не двигался: кругом бота – и направо, и налево, и сзади его, и спереди, – везде и всюду поверхность моря была словно заплетена водорослями.

Эти бесконечно длинные, упругие, бледно-зеленые, покрытые слизью нити цеплялись за весла, не давая грести. Они наматывались на весла клубками, тянулись прядями, словно сознательно стремясь увлечь весла, вырвать их из усталых рук гребцов.

И в то же время, когда матросы пытались проталкивать бот вперед, упираясь веслами в водоросли, проклятая морская трава не давала точки опоры для весел. Последние погружались в воду, не давая ни малейшего толчка боту.

Крупный пот каплями проступал на теле матросов. А бот не двигался или, если двигался, то только на несколько вершков в минуту.

– Бесполезно, капитан, – хриплым голосом произнес, наконец, боцман – Выбиваемся из сил, а толку нет.

– Нажми еще ребята! – ответил капитан, внимательно наблюдавший за ходом работы матросов.

– Есть, капитан! Нажми, ребята! Разом! Н–ну!

Но бот через полчаса невероятных усилий едва отделился от борта парохода.

Видя полную безуспешность попыток освободиться таким путем, капитан отдал приказ – поднять лодку на борт.

– Да, так ничего не выйдет, – сказал он своему помощнику. – В самом деле, это была, признаться, глупая затея. Мускульная сила тут оказывается явно несостоятельной. Надо попробовать очистить запутавшийся винт, тогда попытаемся. Не можем же мы застрять тут на целые сутки. Мне будет здоровая нахлобучка от владельцев.

– Хотите, капитан, я лично спущусь с кормы на канате, чтобы очистить винт? – спросил Джефф.

– Валайте. Возьмите с собой острый нож. Да покрепче привяжите вокруг пояса канат, а то сорветесь и примете холодную ванну.

Плотник быстро соорудил висячую «люльку». Помощник капитана спустился в ней через кормовой борт к воде и принялся за работу – кромсать острым ножом бесконечно длинные пряди водорослей. Капитан следил за его работой, перегнувшись через борт.

– Ну что? Как идет?

– Идет себе понемногу, – отзывался помощник, неумоимо рассекая и кроша водоросли.

Но, несмотря на успокоительный смысл слов Джеффа, капитан Смитс улавливал в его тоне нотки тревоги.

– Говорите правду, Джефф! – крикнул он сердито. – Слышите, что ли?

Несколько секунд штурман не отвечал. Потом снизу донесся его глухой голос:

– Трудно, чтобы их черти взяли, – ничего не выходит.

– Почему?

– Да эту проклятую траву словно со дна к поверхности выпирает. Я крошу, а на место разрезанных тысячи новых вырастают все гуще и гуще...

– Поднимайтесь на палубу. Бросьте. Ясно, что ничего из этого не выйдет. Придется подождать до утра. Попробуем еще раз машину в ход пустить. Полный ход! – скомандовал капитан, когда Джефф поднялся в своей «люлке» вверх.

Опять заработала машина, завертелся с бешеной скоростью винт, задрожал весь корпус судна, но – увы – пароход оставался на месте. Вокруг винта образовался целый ком водорослей, сам винт обратился в подобие зеленого шара, и лопасти его уже не давали судну толчков.

– Стой, будем ждать до утра! – скомандовал капитан.

Утром, когда Буслей, отлично выспавшийся и бывший в превосходном настроении, выбрался на палубу, он сразу даже не понял, что, собственно, случилось: его взор блуждал по поверхности моря и видел, что, насколько хватал взгляд, эта поверхность казалась изумрудно-зеленой. Словно каким-то чудом «Лидс» оказался перенесенным в центр огромного болотистого луга с роскошной, хотя и несколько однообразной растительностью.

– Что такое? Кажется, мы стоим? – обратился удивленно Буслей к штурману...

– Стоим, – ответил тот лаконически.

– Но почему, и что это за зелень?

– Водоросли.

– Да, но почему же мы стоим?

– Застряли. Винт опутан травой.

– А-а... Но, надеюсь, скоро избавимся?

– Гм, гм...

Помолчав, Джефф вымолвил самым беззаботным тоном:

– Саргассы. Слышали, что это за штука?

– Мы попали в зону Саргассова моря?

– Ну уж, в зону... – с видимым неудовольствием ответил Джефф. –

Просто течением оторвало от Саргассова моря, которое находится отсюда за добрых триста километров, известную часть травы и унесло в океан. А нас сам черт занес в это плавучее царство зелени.

Побродив по палубе, Буслей скоро заметил угрюмые лица матросов. От двух-трех человек он уже слышал о ночных попытках освободиться от саргассов.

– Надо же, ребята, что-нибудь придумать, – твердил Буслей. Не сидеть же нам тут целую неделю.

– Капитан, авось, что-нибудь придумает, – угрюмо, с видимым раздражением, отзывались матросы.

– Заберем лодки и уйдем отсюда – вот что надо сделать, если не хотим пропасть тут, – проворчал кто-то.

– Разумеется, не будем сидеть, – раздраженно поддакнул другой матрос. – Капитан завел судно сюда, пусть он и сидит сам, если ему нравится.

– Стойте, ребята! – встрепнулся Буслей. – Да ведь вы же сами говорили, что бот, спущенный сегодня ночью, не мог проплыть и пяти шагов.

– Ну, да.

– Так как же вы мечтаете о том, чтобы уйти на лодках? Ничего из этого не выйдет. Надо придумать что-нибудь другое.

– А вы придумайте, если можете.

Буслей задумчиво потер переносицу.

– Стойте, стойте! – вскрикнул он. – Мне пришла в голову идея. Я вспомнил, что когда-то в детстве, гостя у одного школьного товарища, я устраивал отчаянные штуки, путешествуя по болотам на маленьком плоту. Плот – не лодка: он будет не плыть, а, так сказать, скользить по поверхности. Я иду сейчас к капитану...

– Идите, идите. Авось, что-нибудь выйдет.

Капитан, выслушав заявление Буслея, отдал приказ изготовить плот.

Весело застучали топоры и молотки. Но, когда был спущен плот, оказалось, что и он двигаться не может.

Буслей, однако, не унывал. Его изобретательный ум выдумывал с лихорадочной быстротой один способ освобождения за другим.

Оставшийся в воде плот спокойно лежал не погружаясь. Это дало иное направление мыслям Буслея.

– Много ли у нас досок? – осведомился он.

- Сколько хотите. А что?
- Так, я попробовал бы, знаете ли, вот какую штуку: насколько я соображаю, мы не могли врезаться очень глубоко в водоросли. Так?
- Положим. Дальше.
- Мы проложим из досок тропинку, дорожку, мостик, – называйте, как хотите. Ну, а потом по этим доскам протащим бот.
- Куда именно?
- А вы посмотрите: вон там, мне кажется, довольно широкая лагуна, свободная вода. Проследив получше, вы увидите, что она только очень-очень узким перешейком отделяется от другой, еще большей лагуны. А там... А, черт! Да ведь там же, в самом деле, настоящее свободное море!
- Позвольте, мистер Буслей. Положим, все, что вы говорите, правда. Но что из всего этого следует?
- Очень многое. Прежде всего, у нас будет надежда хотя бы на лодках выбраться из этого положения.
- А пароход?
- Что пароход? Если судно осуждено на гибель, то это не значит, что должны погибать и мы.
- Я не покину судна. Я – капитан.
- Позвольте. Может быть, тогда можно будет попытаться спасти судно.
- Это каким же способом?
- Попробуем протащить его сквозь водоросли на буксире бота.
- А водоросли? «Лидс» будет упираться в упругие пряди, и его не стронешь с места.
- Стойте! Мне пришла еще одна мысль.
- Не слишком ли много мыслей у вас, Буслей, – угрюмо проворчал старый моряк. – Выдумываете–выдумываете, а толку мало.
- Капитан махнул рукой. Он, видно, потерял всю свою энергию, попав в столь необычайные, непривычные условия, и его мозг, привыкший работать по раз намеченному трафарету, теперь отказывался работать.
- Ну, говорите, что вы там еще придумали, – сказал он, наконец, Буслею.
- Почему, капитан, нам не удавалось продвинуть бот по водорослям? Да потому, что водоросли не давали ему ходу, заплетая нос, – ответил Буслей.
- Ну, да.
- Почему мы не можем стронуть с места «Лидс»? По той же причине. Исходя из этого, я рассуждаю так: а что, если мы снабдим носовую часть судна подобием остро отточенного ножа, и затем попытаемся тянуть судно? Тогда нож на форштевне будет не напирать на водоросли, а разрезать их. Поняли?

– Идея, черт возьми! – оживился капитан. – Нож мы можем выковать. Слесаря есть... Слушайте, Буслей. Право, вы – башковитый парень. Никогда я этого от вас не ожидал.

И Смитс быстро вышел на палубу отдавать приказания матросам.

В машинном отделении застучали молотки: кузнецы принялись изготавливать под руководством механика огромный нож, чтобы, надев его на форштевень, обратить судно в подобие плуга для вспахивания саргассового поля.

Тем временем другая часть матросов занялась попыткой проложить мостки по саргассам, чтобы по ним протащить до лагуны бот для буксирования «Лидса».

Доски приходилось спускать с большой осторожностью, потому что на глазах у команды парохода одна обретенная доска, попав концом в воду, погрузилась и после не всплыла на поверхность.

Но другие доски оправдали надежды: очутившись на поверхности воды, они опирались о водоросли и выдерживали довольно значительную тяжесть, погружаясь лишь незначительно.

Мостки быстро росли. Матросы оживились: они поняли, что таким путем представится возможность в крайнем случае хотя бы покинуть прикованное к саргассам судно и на лодках уйти в беспредельное пространство океана.

Работа кипела, и эту работу совершали все свободные люди. На борту парохода оставалось только семь–восемь человек, не считая Буслея и самого капитана.

Работа шла следующим порядком: положив около самого борта «Лидса» на водоросли две широких доски, матросы испытывали их устойчивость и на всякий случай, чтобы доски не разошлись, скрепили их при помощи перекладины. Затем были спущены и уложены еще две доски, концами к прежним. Закрепили и эти доски, связав их с первыми, и так далее.

Работа не прерывалась даже на время обеда. Часть матросов обедала, другая работала, не покладая рук, создавая все новые и новые звенья мостков.

Так дело шло до вечера.

Вечером работу пришлось прекратить: было темно, фонари мало помогали, странствование по зыбким мосткам становилось опасным.

Но едва взошла багровая луна, как капитан отдал приказ продолжать работы, и матросы снова забегали по доскам мостков, весело перекликаясь.

Буслей и Смитс стояли на командирском мостике «Лидса», следя за работой матросов. Буслей обдумывал возникшие в его голове фанта-

тические планы. Лицо Смита было угрюмо, и глаза, казалось, с ненавистью глядели на все окружающее.

– Посмотрите-ка на луну, – вдруг прервал он размышления Буслея. – Кажется, что она сегодня точно выкупалась в крови.

– Ничего особенного. Это известное атмосферное явление рефракция.

– Называйте, как хотите. Это слово ничего мне не поясняет... а вот не нравится мне эта луна сегодня.

В это время крики матросов возвестили, что работа по сооружению мостков благополучно приведена к концу, – мостики достигли свободной воды.

Теперь следовало спустить с парохода бот и осторожно протаскать его до лагуны.

– Отложим до утра, – предложил было Буслей.

– До утра? – удивился капитан. – Это с какой же стати? Ночь ясна, спокойна. Все рады-радешеньки делать что-нибудь. Нет, пусть уж тащат бот, нечего откладывать.

И бот потащили по мосткам, соблюдая все предосторожности.

Буслей и Смит наблюдали за этим в бинокли. Когда бот протаскивали всего третью часть мостков, «Лидс» вздрогнул, словно получил мягкий толчок. Может быть, под ним прокатилась выросшая в неведомых глубинах моря волна и всколыхнула массивный корпус судна.

– Осторожнее с ботом! – крикнул в рупор капитан.

– Есть! – отозвался штурман, командовавший матросами у бота.

И именно в это мгновение произошло нечто непонятное и вместе с тем ужасное: в нескольких десятках сажен от парохода воды океана вдруг словно вспухли, встали холмом. Холм этот быстро, невероятно быстро рос. Еще миг, и затрещали жидкие скрепы досок мостков, сами же доски оказались разбросанными во все стороны. Крик, треск ломающегося в щепы дерева, стоны и все смолкло...

Секунду спустя волна докатилась и до самого «Лидса», подняла его, поставив почти вертикально, положила на бок, потом пароход оправился и принял обычное положение.

Во время этой встряски Буслей был сбит с ног и покатился по палубе. Капитан устоял на ногах, но ударился головой о какую-то стойку настолько сильно, что на несколько секунд потерял сознание.

Опомнившись, Буслей закричал раздирающим голосом:

– Бот!.. Капитан!

Ни бота, ни матросов, ни мостков уже не было видно: их во мгновение ока поглотила зеленая морская пучина.

Только здесь и – там еще виднелись обломки мостков, да по временам по зеленой поверхности саргассов ходили, перекатываясь, мелкие волны. На небе, сделавшемся прозрачным, удивительно чистым и светлым, спокойно плыла багровая луна, безучастная свидетельница ужасной драмы.

И день, и два, и три, и целая неделя прошла над молчаливо стоявшим в Саргассовом море «Лидсом», не принося несчастному судну никаких перемен.

Разыгравшаяся трагедия окончательно убила у оставшихся матросов надежду на спасение и, что еще хуже, убила всякую энергию. Ничем нельзя было расшевелить упавших духом моряков и заставить их приняться за выковывание ножа, при помощи которого Буслей мечтал вывести из саргассов если не пароход, то хоть лодки с экипажем.

По наблюдениям капитана, саргассы медленно, но безостановочно плыли в северо-западном направлении, перемещаясь ежедневно на десяток километров. Плывя, они увлекали с собой свою жертву, – застрявший в водорослях пароход.

– Может быть, в этом наше спасение, – иногда говорил капитан.

– Это каким же образом? – спрашивал Буслей.

– Говорят, эти проклятые водоросли выдерживают только определенную и притом довольно высокую температуру воды. Попав в более холодные воды, они быстро умирают. А нас тянет именно туда, где имеется холодное океанское течение. Значит, можно рассчитывать, что некоторое время спустя водоросли начнут вымирать, распадаться, и тогда...

– А хватит ли у нас провизии и воды до тех пор?

– Кладовые у нас снабжены недурно, но все же припасы тают... Я и то уже распорядился, чтобы уменьшить рационы. Но матросы сердят. Со дня на день жду среди них беспорядков.

Да, капитан Смитс не ошибся. Действительно, среди уцелевших матросов судна назревал бунт, и скоро он вырвался наружу.

Началось с того, что как-то днем матросы, окружив капитана, беседовавшего с Буслеем, закричали:

– Вы нас завели в эту ловушку, вы и выводите, как знаете!

Бледный, как полотно, капитан Смитс смотрел на обезумевших от тоски и ужаса людей, но не находил слов для ответа.

Покричав, матросы разбрелись по судну.

На ночь Буслей и Смитс забаррикадировались в одной из кают, куда стащили все наличное оружие. Долго они не спали, но потом, убедившись, что матросы не думают о нападении, предались сну.

Вскоре их разбудил грохот и крики на палубе.

– «Лидс» движется! – воскликнул, вскочив со своей койки, капитан.

В самом деле, с пароходом что-то творилось: он тяжело переваливался с боку на бок, трясясь всем корпусом. Потом слышались странные звуки, словно кто-то шлепал по бортам и палубе огромными тяжелыми лапами. Несколько мгновений судно лежало на левом боку, потом оно опять выпрямилось и приняло нормальное положение.

Капитан выбежал на палубу. Там не было ни души.

– Что случилось?! – кричал капитан. – Эй, кто-нибудь! Куда вы попрятались, черти?!

На голос капитана откуда-то из угла выползли два обезумевших от страха матроса. Но они ничего не могли сказать, ибо и они проспали это время.

В конце концов капитану удалось добиться толку от одного из матросов. Это был судовой повар, итальянец Джорджанэ, болтун и хвастун.

По его словам, он ночью выбрался на палубу за несколько минут до толчков, испытанных судном, и он видел, как из-под водорослей поднялось какое-то колоссальное чудовище.

Оно приблизилось к самому судну, вползло на него, оставляя полтуловища в саргассах, кучами облепивших это безобразное тело. Чудовище давило палубу своими огромными лапами, словно пытаясь перевернуть судно.

Рассказ был настолько фантастичен, что Смитс в бешенстве закричал рассказчику:

– Лгун! Трус! Подлый лгун! Ты пьян был, как стелька, и теперь сочиняешь небылицы! Вон с глаз моих!

Джорджанэ клялся и божился, что он действительно видел странное явление, но в то же время был вынужден признать, что с вечера выпил вина.

– Убирайся! Чтоб мои глаза тебя не видели! – крикнул ему еще раз капитан.

И несчастный повар забился в какую-то нору.

Но, когда на палубе уже никого не было, Смитс шепотом сказал Буслею:

– Посмотрите, сэр, вот на это.

И он показал измятый борт, глубокие царапины на досках палубы, изломанные, исковерканные штанги перил.

– Вы думаете, что тут есть доля правды? – так же шепотом спросил Буслей. – Вы допускаете возможность существования какого-то гигантского чудовища, могущего будто бы одной тяжестью своего тела перевернуть такое большое судно, как наш «Лидс»?

– Что я думаю? – отвечал Смитс. – Спросите ваших ученых, допускают ли они возможность всего этого. Я знаю только, что игра наша проиграна. Мы не выберемся отсюда.

Буслей хотел что-то еще спросить у капитана, но тот уже повернулся и ушел в каюту.

Побродив еще некоторое время по опустевшей палубе, Буслей последовал его примеру.

Войдя в каюту, он увидел, что капитан лежит ничком, уткнувшись лицом в грязную подушку.

– Капитан!

Но моряк не отвечал.

А утром следующего дня произошло то, что уже можно было предвидеть: на палубе гремели выстрелы, раздавались крики.

Буслей бросился было с револьвером в руках на палубу, но двери его каюты были забаррикадированы снаружи.

Только через час Буслею удалось освободиться из заключения, прорубив ход в соседнюю каюту.

В коридоре он встретил мрачного второго боцмана.

– Что случилось? – спросил Буслей.

Боцман махнул рукой.

– Где капитан?

– Нет капитана, – хриплым голосом вымолвил боцман. – Помер. В меня стрелял. Джони Люкса ухлопал... а потом и ему самому каюк пришел. Так ему и надо, собаке. Э, все там будем.

– Вы убили капитана?! – вскрикнул Буслей.

– А вам какое дело. Молчите вы. А то и вам каюк будет.

И, резко повернувшись, отошел прочь.

Буслей вскоре узнал, что во время бунта, который разразился на судне, кроме капитана и Джони Люкса, погиб еще один матрос, свалившийся случайно за борт. Теперь на судне оставалось четверо матросов, повар Джорджанэ, боцман и Буслей.

Матросы словно обезумели. Они по целым дням пили без присыпу виски, и результаты пьянства не замедлили сказаться: два матроса поссорились, и в драке один зарезал другого.

В этот день в капитанскую, где по целым дням сидел Буслей, вошел боцман.

– Вот что, сэр, я пришел повиниться. Капитана–то, верно... я ухлопал.

– Вы убили Смитса? За что?

– Обезумел, сэр. Все мне казалось, что он, капитан, во всем виноват. Ну, говорю же, с ума сошел я.

– А теперь?

– Теперь я пришел в себя. Вижу, нет мне прощения. Капитан-то Смитс ни сном ни духом не виноват был. Такая, знать, судьба... Ну и вот, принес я вам револьвер.

– Зачем это?

– Прошу я вас, сэр, покончите вы со мной. Застрелите меня, как последнюю собаку. Потому что я этого заслужил.

Но Буслей, вырвав револьвер из рук моряка, швырнул его под койку.

Боцман постоял, повздыхал, потом вышел, из каюты. Пять минут спустя на палубе раздался выстрел.

Когда Буслей выбежал туда, на залитой кровью палубе лежало огромное тело застрелившегося боцмана. Около трупа стояло трое матросов.

Буслей распорядился сбросить тело боцмана в воду и замыть кровь на палубе. Выбегавший из камбуза Джорджанэ первым принялся за дело.

– Пожалуйста, синьор, – обратился он к мертвому боцману веселым тоном. – Позвольте отправить вас на новую квартиру. Вот так. Гоп-гоп!

И, когда тело самоубийцы гулко шлепнулось в воду и навеки скрылось под водорослями, итальянец засмеялся странным, ненормальным смехом, а потом пустился приплясывать.

– Весело, ох, как весело! – кричал он, захлебываясь и напевая какую-то бессмыслицу.

– Свяжите его! Он сошел с ума! – крикнул ошеломленным матросам Буслей.

Те нерешительно двинулись по направлению к Джорджанэ, продолжавшему распевать что-то во все горло.

– Э, шалишь, – засмеялся он, увидев подходивших матросов. – Вы хотите избрать меня сенатором и президентом? Но ваше дело не выгодно. Не смейте прикасаться ко мне! Иначе я... Гоп-гоп!

Он вскочил на перила, побалансировал там несколько секунд, потом ринулся за борт.

Еще одну жертву взяли неумолимые саргассы...

Шли дни, монотонные, однообразные.

Матросов Буслей почти не видел. Иногда только, выходя в поисках провизии, он наталкивался на кого-нибудь из них.

Как-то два дня подряд Буслей видел одного из матросов: тот лежал поперек коридора, не меняя позы. Буслей приблизился к лежавшему, тронул его. Перед ним был уже начавший разлагаться труп.

Буслей побрел по всему судну. Надо было найти двух остальных матросов, чтобы при их помощи выбросить с судна труп умершего. Но отыскать удалось только одного, да и тот был в ужасном виде. В припадке белой горячки метался он по большой, матросской каюте, катался по полу, падал, разбивался, поднимался, весь окровавленный, и плакал, как ребенок.

С трудом Буслей поднял труп умершего матроса и выбросил его за борт. На другой день на пароходе стояла могильная тишина: последний из оставшихся еще матросов повесился, и его обезображенный труп также был сброшен Буслеем в водоросли.

Прошло еще несколько дней.

Оставшийся единственным обитателем судна, Буслей жил на пароходе странной, кошмарной жизнью. В сущности, он чувствовал себя здоровым, сильным и крепким, но им овладело полное безразличие ко всему.

Автоматически он просыпался по утрам, разыскивал в кладовых парохода какую-нибудь снедь, насыщался, потом выбирался на палубу и по целым часам сидел там, тупо глядя на расстилавшееся вокруг «Лидса», сплошь заросшее водорослями, пространство моря. Мысль работала сонно, тупо.

На ночь Буслей уходил в свою каюту, старательно баррикадировался, ложился на койку и засыпал мертвым сном.

Однажды днем ему под руки подвернулось маленькое зеркало. Машинально взглянул он в зеркало и не узнал себя: на него глядело совершенно незнакомое, грязное, несколько обрюзгшее лицо, заплывшее жиром, голова почти сплошь была покрыта седыми волосами...

– Но... но неужели это я? – хриплым голосом вымолвил Буслей. – Черт знает, что такое! Надо бы побриться, что ли.

И опять потекли дни сонной чередой.

27 сентября 1911 года, с палубы шедшего в Вест-Индию французского парохода «Вильфранш» заметили блуждавшее по морю судно – большой грузовой пароход. Снасти парохода были в порядке, на палубе же не было видно ни души.

Капитан «Вильфранша» заинтересовался встречей, стал подавать сигналы, но никто на них не отвечал. Тогда он распорядился спустить бот и попытаться осмотреть загадочное судно. Бот благополучно добрался до «морского бродяги», кое-кто из матросов вскарабкался на палубу «Лидса».

Там матросы нашли единственного живого человека. Это был Джеймс Буслей.

Он казался помешанным, не понимал самых простых вопросов, обращенных к нему, то плакал, то смеялся. Пугался, при малейшем стуке забиваясь в угол.

Буслей перевезли на борт «Вилльфранша» и поместили в судовом лазарете, отдав на попечение пароходного врача, который определил, что Буслей находится в состоянии полного истощения от продолжительного голодания.

Осмотр «Лидса» показал, что судно находится в сравнительно сносном состоянии, почему «Вилльфранш» взял его на буксир и благополучно привел в Вест-Индию, получив за это законную премию от владельцев «Лидса», которые считали судно безвозвратно потерянным, – ведь «Лидс» исчез больше года назад.

Буслей через несколько недель пребывания и лечения в лазарете оправился настолько, что смог вернуться в Лондон и снова приняться за свою обычную литературную работу.

Много раз, и власти, и журналисты, и просто знакомые обращались к нему с вопросами, прося рассказать, что именно пережил «Лидс» и что видел, живя на его борту, Буслей.

Но единственным ответом Буслей было:

– Не могу. Нет, не могу... Это слишком ужасно.

– Но что случилось со всем экипажем?

– Погиб. Погиб в Саргассовом море.

– А как уцелело и как, главное, освободилось само судно?

– Была буря... Ужасная буря. Все трещало, ломалось... Но не могу, ничего не могу больше сказать.

Оставалось предположить, что «Лидс», пробывший почти год в объятиях саргассов, под конец этого срока был вырван из цепких тканей водорослей налетевшим ураганом и унесен в чистое море...

ТЕКСТ 3

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС «ДОЛИНА ПАУКОВ»

Около полудня трое преследователей, обогнув крутой изгиб реки, очутились в виду обширной водной долины. Трудная извилистая каменистая дорожка, по которой они так долго неслись за беглецами, перешла в широкий скат. Все трое, оставив след, поехали к небольшой возвышенности, поросшей масличными деревьями, и остановились: двое из них – несколько поодаль от ехавшего впереди человека, на лошади которого была украшенная серебром уздечка.

Несколько минут путники всматривались в широкое пространство, открывавшееся перед ними. Оно уходило все дальше и дальше, и однообразие пустыни, покрытой пожелтевшей травой, только изредка прерывалось группами засохших колючих кустов и следами теперь высохших русел временных потоков. Красноватая даль наконец сливалась с синеватыми скатами отдаленных холмов, может быть, даже покрытых зеленью. А над ними, держась на невидимом основании, будто действительно вися в воздухе, высились одетые снегами вершины гор, становившиеся все выше и опаснее к северо-западу, где бока долины суживались.

На западе же долина была открыта до того места, где темное пятно на небе указывало на начало леса. Но трое людей смотрели не на восток и не на запад, а прямо перед собой.

Сухощавый человек с рассеченной губой заговорил первым, и в его голосе слышалось разочарование:

– Нигде не видать. Да ведь, правда, у них был целый день впереди.

– Они не знают, что мы гонимся за ними, – сказал маленький человек на белой лошади.

– Она-то, наверное, знает, – с горечью сказал предводитель и подумал:

«И все же они не могут продвигаться быстро. У них всего только один мул, а из ноги девушки весь день сочилась кровь...».

Человек на лошади с серебряной уздечкой бросил на худощавого свирепый взгляд:

– Ты думаешь, я не понял этого? – огрызнулся он.

– А все же это не без пользы, – прошептал маленький как бы про себя.

Худощавый с рассеченной губой невозмутимо смотрел вдаль:

– Они не могли уйти из долины, – сказал он. – Если нам поехать поскорее...

Он взглянул на белую лошадь маленького и замолчал.

– К черту всех белых лошадей, – сказал человек на лошади с серебряной уздечкой и обернулся на животное, к которому относилось проклятие.

Маленький взглянул вниз между ушами своего белого коня.

– Я сделал все, что мог, – сказал он.

Двое других опять начали вглядываться в долину. Худощавый провел обратной стороной руки по рассеченной губе.

– Вперед! – вдруг приказал обладатель серебряной уздечки.

Маленький вздрогнул, натянул поводья, и копыта трех лошадей чуть слышно и часто застучали по густой высокой траве, направляясь с холма – обратно к следу, вниз.

Всадники осторожно спустились с длинного ската и, проехав сквозь чащу покрывавших скалы колючих кустов со странными, как бы роговыми ветвями, очутились на ровном месте внизу. Здесь след виден был очень слабо, потому что земля лежала тонким слоем и единственным покровом была засохшая трава, торчавшая из почвы. Однако, зорко всматриваясь, свесившись с шеи лошадей и часто останавливаясь, всадникам удалось найти след беглецов.

Попадались вытопанные места, сломанные и согнутые стебли сухой травы и местами достаточно ясные отпечатки ног. Вскоре предводитель увидел кроваво-бурое пятно там, где, вероятно, ступила девушка-креолка. И здесь он про себя выругал ее сумасшедшей.

Сухощавый ехал по следу передового, а маленький человек на белой лошади следовал позади, погруженный в свои думы. Все ехали гуськом, человек на лошади с серебряной уздечкой показывал дорогу, и никто не говорил ни слова. Через несколько времени маленькому человеку на белой лошади подумалось, что кругом очень тихо. Он очнулся от забытья. Кроме легкого шума, производимого лошадьми и оружием, вся большая равнина была тиха, как нарисованный ландшафт.

Впереди ехал предводитель с товарищем, оба склонились влево и покачивались вместе с мерным шагом лошадей; их тени, как тихие, бесшумные, крадущиеся спутники, двигались впереди них. Предводитель оглянулся. Что это с ним? Ему припомнился ответ от стен ущелья и постоянный аккомпанемент скатывающихся с шумом камней. А потом... Не было ни малейшего ветерка. Вот причина. Какое обширное тихое место, все погруженное в вечернюю дремоту! И небо чистое, ясное, только немного затуманенное в верхней части долины, где собралась тонкая дымка.

Маленький человек поиграл поводом, сложил было губы, чтобы свистнуть, и только вздохнул. Он на минуту обернулся в седле и стал всматриваться в ущелье, из которого они выехали. Все голо, голые скалы с каждой стороны, и нигде ни следа животного или растения, а тем более человека. Что это за сторона? Ему это место вовсе не нравилось.

Он почувствовал минутное удовольствие, увидав темно-красную змейку, мелькнувшую стрелой и исчезнувшую в сумерках. Это значило, по крайней мере, что в долине есть жизнь. А затем, к еще большей радости, его лица коснулось легкое дуновение, до слуха донесся как бы шепот, только кусты местами заколебались на небольших пригорках; можно было думать, что это первые признаки вечернего ветерка. Всадник посклонявил пальцы и поднял их в воздухе, чтобы узнать направление ветра.

В это время ему пришлось резко остановить лошадь, чтобы избежать столкновения с сухощавым, который тоже вдруг остановился, не находя больше следа. Как раз в эту минуту он поймал взгляд предводителя, обращенный на него.

Маленький попытался выказать интерес к выслеживанию; но затем, когда поехал дальше, снова углубился в наблюдение за тенью хозяина, за его шляпой и плечами, появлявшимися и исчезающими за фигурой сухощавого, ехавшего ближе. Они уже четыре дня ехали, словно с края света, по этой безводной пустыне, питаясь только сушеным мясом, которое везли под седлом, пробиваясь по горам и скалам, где, наверное, никого не бывало, кроме преследуемых ими беглецов!

И все это было из-за девушки, капризного ребенка!

«И зачем этому человеку, самые низкие прихоти которого исполняет чуть ли не целый город, понадобилась именно эта девушка?» – мысленно задал себе вопрос маленький человек и нахмурился, облизывая засохшие губы почерневшим языком. Таков уж был нрав хозяина, и больше он ничего не знал.

Перед его глазами целый ряд сплошного тростника сразу нагнулся, а затем шелковистые ленты, висевшие на нем, затрепетали и опустились. Ветер усиливался. Он как бы оживлял все кругом, и это было хорошо.

– Алло! – крикнул сухощавый.

Все трое вдруг остановились.

– Что такое? – спросил хозяин.

– Там... – отвечал сухощавый, указывая вдаль по долине.

– Что такое?

– Что-то движется к нам навстречу: вон – бежит... Видите?

В эту минуту какое-то желтое животное появилось на подъеме холма и стало приближаться к всадникам. Это была большая дикая собака, бежавшая, высунув язык, так быстро, что не замечала приближавшихся всадников. Она бежала, подняв нос, очевидно, без всякой цели и следа. Когда собака была уже близко, маленький человек схватился за нож.

– Она бешеная, – решил сухощавый.

– Крикните, – сказал маленький человек и сам крикнул.

Собака поравнялась со всадниками, но, когда маленький человек уже обнажил нож, отклонилась в сторону и пробежала мимо. Маленький человек смотрел ей вслед.

– Пены не видно, – сказал он.

С минуту предводитель смотрел вдаль и наконец крикнул:

– Ну, едем дальше! Какое нам дело!

И он тронул лошадь.

«Едем дальше, – прошептал про себя маленький человек, повторяя слова предводителя. – Почему один человек может сказать: «едем дальше», и его все слушаются? Всю свою жизнь человек с серебряной уздечкой говорил это. А если бы вот я сказал то же самое... Все даже удивятся, если не послушаешься самого нелепого приказа хозяина. Эта девушка, на его взгляд и на взгляд других, сумасшедшая, решившаяся на неслыханный поступок».

Затем мысли маленького человека перешли к художавому с рассеченной губой, такому же необузданному, как и хозяин, такому же, а может быть, даже более храброму, но, между тем, не знающему ничего, кроме слепого повиновения.

Какое-то особенное ощущение в руках и коленях заставило маленького человека вернуться к окружавшему. Что-то такое привлекло его внимание. Он поравнялся с сухощавым человеком.

– Заметил ты, что с лошадьми? – спросил он.

Сухощавый взглянул вопросительно.

– Им не нравится ветер, – сказал маленький человек, когда предводитель обернулся.

– Нет, ничего особенного, – ответил сухощавый.

Они проехали некоторое время молча. Передовые все время присматривались к следу, а ехавший сзади смотрел в сумрак, спускавшийся в обширную долину, и наблюдал, как ветер крепчал с каждой минутой. Далеко на западе он заметил темное пятно, – должно быть, стадо диких свиней, быстро несшееся вниз по долине, но не сказал ничего и не сделал вторичного замечания о беспокойстве лошадей.

А затем он вдруг увидел блестящий белый шар, за ним другой, похожий на огромный репейник, который ветер гнал по ущелью. Шары взлетали высоко в воздухе, опускались и снова поднимались, останавливались на мгновение и быстро пролетали мимо, а беспокойство лошадей при виде их увеличивалось.

В следующее мгновение показалось еще несколько таких шаров, несшихся навстречу всадникам... и все чаще, чаще...

До слуха ехавших донесся визг. Дорогу перебежал дикий кабан, но не остановился, а только мельком взглянул на них. После этого все трое остановились, всматриваясь во все сгущавшуюся мглу, надвигающуюся на них.

– Если бы не репейник... – заговорил предводитель.

Но в это мгновение огромный шар пронесся совсем близко. Это был вовсе не ровный шар, а что-то огромное, мягко-шершавое и волосатое, вроде листа, собранного за края, или летающего спрута. Предмет переворачивался, приближаясь, таща за собой следом длинные нити и полосы паутины.

– Это не репейник, – сказал маленький человек.

– Не нравится мне эта штука, – пробормотал сухощавый.

И они переглянулись.

– Черт возьми! – закричал передовой. – Здесь воздух кишит ими. Если так пойдет дальше, они заставят нас остановиться.

Инстинктивное чувство, вроде того, которое заставляет оленей сплачиваться при приближении чего-нибудь неопределенно страшного, побудило всадников повернуть лошадей против ветра, и, проехав несколько шагов, остановиться в ожидании приближавшейся летучей массы. Она надвигалась по ветру быстро, бесшумно колыхаясь, опускаясь на землю и снова взлетая высоко в воздух согласным уверенным движением.

Передовые этого странного войска пролетали справа и слева от всадников. И вдруг масса покатила по земле бесформенными клубами и полосами, лошади испугались и начали подниматься на дыбы. Предводителя охватило внезапное безграничное нетерпение. Он награждал шары и лошадей самыми отборными ругательствами.

– Вперед! – кричал он. – Не смотрите на них! Какое нам до них дело! Назад, к следу!

Он выругал свою лошадь и затянул повод, яростно крича:

– Говорю вам, я поеду по этому следу!.. Где он?..

Он схватил повод поднимавшегося на дыбы коня и стал искать след в траве. Длинная клейкая нить легла ему на лицо и серое щупальце

упало на руку, державшую повод, а по затылку быстро пробежало что-то живое на многих ногах. И предводитель почувствовал, как одно из этих серых существ будто впилося в него. Между тем свободные концы нитей хлопали над ним наподобие паруса причаливающей лодки, но без шума.

Ему показалось, будто на него смотрит много глаз из груды мягких тел, которые готовы были спуститься на него на своих коленчатых ногах, пробиравшихся по толстым нитям. С минуту он смотрел вверх, сдерживая коня по привычке, приобретенной долгими годами верховой езды. Но над его головой сверкнуло лезвие ножа и перерезало нити паутины, на которых шар держался в воздухе. Вся масса мягко поднялась и медленно поплыла дальше.

– Пауки! – крикнул сухощавый. – Здесь все полно огромными пауками. Взгляните!

Человек на лошади с серебряной уздечкой продолжал следить за удалявшейся массой.

– Хозяин, хозяин! – вдруг крикнул маленький.

Но хозяин смотрел на что-то красное, лежавшее на земле и еще шевелившееся ногами. Когда сухощавый указал ему на другую массу, опускавшуюся на них, он поспешно выхватил нож.

Верхняя часть долины казалась теперь туманной стеной, разорванной в клочки. Он попытался определить положение. Маленький человек закричал:

– Поезжайте вниз по долине!

То, что произошло потом, походило на свалку. Человек на лошади с серебряной уздечкой увидел, как маленький промчался мимо него, яростно отбиваясь от пауков, и изо всей силы налетел на сухощавого, сбив его и лошадь с ног. Его собственная лошадь пробежала шагов десять, прежде чем ему удалось остановить ее. Потом он взглянул наверх и назад, где увидел лошадь, валявшуюся на земле, и сухощавого, стоявшего над ней и отбивавшегося от окутывавшей его серой трепещущей массы, спускавшейся на них обоих. Паутина неслась быстро, плотным слоем, как семена одуванчика в ветреный июльский день.

Маленький человек сошел с лошади, но не выпускал повода. Он старался удержать вырывавшееся животное одной рукой, размахивая другой в воздухе без определенной цели. Щупальца второй серой массы протягивались к нему, а вся масса медленно опускалась.

Хозяин стиснул зубы, подобрал повод, нагнул голову и прищиприл коня. Упавшая лошадь сухощавого перевернулась, встала, на ее боках виднелась кровь и копошились живые существа. Сухощавый вскочил на нее и бросился вдогонку хозяину, успевшему отъехать шагов на де-

сять. Его ноги были все окутаны серым; он беспомощно размахивал ножом. Потоки серых лент спускались с него, лицо скрывалось под тонкой серой дымкой. Левой рукой он старался оторвать что-то от своего тела. Вдруг лошадь его споткнулась, и он опять упал. Он пытался подняться, но снова упал и вдруг завыл во все горло:

– О–о–о!..

Хозяин с ужасом смотрел на огромных пауков, присасывающихся к худощавому, и на других, ползающих по земле.

Когда он пытался заставить своего коня подъехать к судорожно бившемуся и кричавшему серому узлу, пытавшемуся встать, послышался стук копыт, и мимо промчался маленький человек, сбившийся в сторону на своей лошади и ухватившийся за ее гриву. И все новые и новые клочки серой ткани заволакивали лицо хозяина. А над ним и кругом его кружились, все теснее и теснее обхватывая его, нити паутины...

Впоследствии до самого последнего дня своей жизни он не мог припомнить, как произошло то, что случилось с ним в эту минуту. Удалось ли ему повернуть лошадь, или она сама, по собственному желанию, бросилась за товарищем, – неизвестно. Он помнит только одно: что в следующее мгновение она несла его вниз по долине в то время, как он отчаянно махал ножом над головой. А над ним, при усиливавшемся ветре, воздушные корабли пауков, наполненные воздухом шары и лоскуты летели, будто сознательно преследуя его.

Копыта стучали, человек с серебряной уздечкой мчался, сам не сознавая куда, подняв кверху своё испуганное лицо и держа нож наготове, чтобы нанести удар. А в нескольких шагах впереди ехал маленький человек, таща за собой хвост разорванной паутины, но все еще держась в седле. Камыш склонялся перед ним, ветер дул сильный и свежий; через плечо хозяин видел, как паутина гналась за ними...

Он так стремился убежать, что только тогда, когда его лошадь приготовилась сделать большой прыжок, заметил, что находится на краю рва, но не мог сообразить, что следует сделать. Он сидел, сильно нагнувшись вперед, и откинулся назад уже слишком поздно.

Но если волнение помешало ему сделать скачок, то он, во всяком случае, не забыл, как следует падать. Он отделался только ушибом плеча, лошадь же его упала и судорожно билась. Но нож воткнулся в твердую почву и сломался, как бы отказываясь дальше служить ему.

Хозяин быстро вскочил, не переводя духа, отбиваясь от настигавшей его паутины. Одну минуту он думал было бежать, но вспомнил, что находится во рву, и повернул назад. Он отбежал в сторону, и в следующее мгновение стал спускаться еще ниже, скрываясь от бури.

Здесь ему удалось спрятаться под выступом высохшего русла потока, и из своего прикрытия он смотрел на эти странные серые массы, несшиеся мимо и застилавшие плотной пеленой кусочек неба над его головой, ожидая, пока ветер утихнет и явится возможность уйти.

Один раз летевший мимо паук упал в ров рядом с ним. Он с растянутыми ногами был величиной в целый фут. Посмотрев несколько минут, как чудовище старалось убежать и пыталось кусать его сломанный нож, он поднял свой подбитый железом сапог и с проклятием бросил им в мягкую массу, намереваясь сделать то же и со вторым сапогом.

Убедившись, что полчища пауков не достигнут его, человек сел и начал раздумывать, грызя, по своему обыкновению, ногти. Его оторвало от этого занятия появление человека на белой лошади.

Он услышал стук копыт его лошади и ободряющий голос товарища еще раньше, чем увидел его. Затем маленький человек показался с лицом кающегося, таща за собой хвост белой паутины. Люди встретились, не приветствуя друг друга и не говоря ни слова. Маленький человек устал и дошел до крайнего озлобления, когда встретился с хозяином. Последнего несколько покоробил взгляд подчиненного.

– Ну что? – спросил он наконец, стараясь придать своему вопросу начальнический тон.

– Вы бросили его.

– Лошадь помчала.

– Знаю, и моя тоже.

Он дерзко захохотал в лицо хозяину.

– Я говорю, моя лошадь помчала, – сказал человек, у которого прежде была лошадь с серебряной уздечкой.

– Мы оба трусы, – решил маленький.

Другой продолжал грызть ногти, как бы в раздумье, не спуская глаз с подчиненного.

– Не называй меня трусом, – сказал он наконец.

– Вы такой же трус, как и я.

– Может быть. Есть предел, за которым каждый человек начинает бояться. Это я узнал недавно.

– Но не так, как вы. Вот в том-то и разница. Я никогда не думал, что вы его бросите. Он спас вам жизнь несколько минут тому назад... Но что же вы, наш хозяин?!

Хозяин опять начал грызть ногти и сильно нахмурился.

– Никто не называл меня трусом, – сказал он. – Нет... Сломанный нож все же лучше, чем ничего... Загнанной белой лошади не снести двух человек четыре дня... Терпеть не могу белых лошадей, да уж нечего де-

лать на этот раз. Ты начинаешь меня понимать... Я вижу, что после всего случившегося ты намереваешься очернить меня... Ты никогда не был мне по душе.

– Хозяин... – начал было маленький человек.

– Нет, нет! – отвечал хозяин.

Он вскочил, когда маленький человек хотел отойти. С минуту они смотрели друг другу в глаза. Над их головами пролетали пауки. Камни покатались, раздалось топание ног, отчаянный крик... удар...

К ночи ветер стих. Солнце зашло безмятежно ясно, и бывший владелец лошади с серебряной уздечкой очень осторожно вышел по легкому подъему из рва; только теперь он вел на поводу белую лошадь, на которой прежде ехал маленький. Ему хотелось подойти к своей лошади, чтобы снять уздечку с серебряными украшениями, но он боялся, что ночь и ветер могут застать его в долине, а кроме того, ему была неприятна мысль, что он может увидеть своего коня, усеянного пауками, а может быть, частью изъеденного ими.

Взгляд его обратился на долину.

«Я погорячился, – подумал он, – а теперь она уж получила свою награду. И они – в этом нет сомнения...»

Но что это? Далеко, над поросшим лесом скатом долины, к небу, озаренному закатом, вилась отчетливо струйка дыма.

При виде ее покорность старика сменилась яростью. Дым! Он повернул лошадь; но колебался. В эту минуту над ним что-то зашуршало в воздухе. Далеко над тростником плыл разорванный серый лоскут. Он взглянул на паутину и на дым.

«Может быть, в конце концов, это вовсе не они», – снова подумал он. Но он знал, что это именно они.

Еще некоторое время он смотрел на дым, а потом сел на лошадь.

Ему предстояло пробраться через плотную сеть паутины. На земле оказалось много мертвых пауков, а живые грызли своих товарищей. При звуке копыт – они разбежались.

Их время миновало. С земли, когда ветер не подхватывал их, они, несмотря на весь свой яд, не могли ничего сделать человеку.

Хозяин отбивался своим поясом от тех, которые подползали слишком близко. Однажды, когда их собралось несколько на чистом месте, он решил было слезть и перетоптать их ногами, но преодолел свое желание. Каждую минуту он поворачивался в седле и смотрел на дым. «Пауки... – бормотал он про себя. Пауки помешали?.. Ладно... Следующий раз я сам должен соткать паутину. И уж тогда – не выпущу!».

ТЕКСТ 4

РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ «РЕШЕНИЕ АСЕНИОНА»

Флетчер мрачно взирал на небольшие кучки серого металлического порошка, хранившиеся в шкафу за толстыми стеклами.

– Плутоний–186... – пробормотал он. – Бред какой–то. Полный бред!..

– Весьма к тому же опасный, Лью, – заметил Джесси Хэммонд, стоявший за его спиной. – Можно даже сказать – просто катастрофический!

Флетчер кивнул. Само это словосочетание, «плутоний–186» звучало, на его взгляд, совершенно абсурдно. Такого вещества просто не может существовать в природе. Плутоний–186 – невозможный, невероятный изотоп. Ему недоставало добрых пятидесяти нейтронов. Точнее – «недобрых» пятидесяти нейтронов, судя по риску, который создавало для жизни людей это вещество, распространяющееся и накапливающееся по всему миру. И тот факт, что с чисто теоретической точки зрения существование этого вещества невозможно, вовсе не отменял другой, куда более прискорбный факт. А именно: то, что он смотрит сейчас на добрые три килограмма этого плутония–186. А также то, что во всем мире количество плутония–186 продолжало неуклонно увеличиваться. А вместе с ним – и риск неконтролируемой ядерной реакции, могущий привести к атомному холокосту.

– Ты только взгляни на эти утренние отчеты, – Флетчер помахал перед носом Хэммонда пачкой распечаток, поступивших с компьютера. – Еще тринадцать граммов объявились в лаборатории ядерных исследований при университете в Аккре. Пятьдесят граммов в Женеве, двадцать миллиграммов в этой... как ее..., впрочем, ладно, это мелочи. Но в Чикаго, Джесси, в Чикаго целых триста граммов сразу!..

– Рождественские подарки от дьявола, – пробормотал Хэммонд.

– Не от дьявола, нет! От интеллигентных, тихих и страшно серьезных ученых, проживающих где-то в другой Вселенной. Там, где плутоний–186 не только возможен, но и абсолютно безвреден. Интересно, кто это вбил себе в голову, будто бы мы просто жить не можем без этой дряни? И тащат, и везут ее сюда целыми кораблями! Что мы будем делать с ним, Джесси? Что, скажи мне ради бога, нам делать со всем этим, а?

Реймонд Николаус, сидевший за столом в дальнем конце комнаты, поднял голову.

– Завернем в красно-зеленую блестящую бумагу, завяжем ленточкой и отошлем обратно на корабле, – предложил он.

Флетчер мрачно расхохотался.

– Очень смешно, Реймонд, очень, очень смешно...

И он начал нервно расхаживать по комнате. В тишине просторного помещения гулким эхом отдавались его шаги по плиточному полу. Звук напоминал ему тиканье часового механизма. Все громче, громче, громче...

Он, вернее, все они бились над этой проблемой вот уже целый год, и ощущение, что эти усилия напрасны, возрастало. Неким таинственным образом плутоний-186 начал появляться в лабораториях, разбросанных по всему миру, там, где имелся набор из двух элементов с эквивалентными атомными весами. И вот грамм за граммом, атом за атомом эти парные элементы столь же таинственно начали исчезать – к примеру, равные количества тунгстена-186 или же осмия-186.

Куда девались тунгстен и осмий? Откуда брался этот проклятый плутоний? Более того, как вообще возможно существование изотопа плутония, чьи атомы имели в ядре всего 92 нейтрона?.. Ведь подобное вещество не способно просуществовать и тысячной доли секунды! Плутоний являлся одним из самых тяжелых химических элементов – целых 94 протона в ядре каждого из атомов. Ближайшим стабильным изотопом плутония был плутоний-244, где 94 протона удерживались ста пятьюдесятью нейтронами. И даже при этом плутоний-244 имел неизбежный период радиоактивного полураспада, равный примерно семидесяти шести миллионам лет. Атомы плутония-186, если таковые вообще существуют, должны были бы пройти период полураспада меньше чем за одну целую семьдесят шесть сотых миллионных долей секунды.

Но это вещество продолжало появляться в химических лабораториях вместо тунгстена-186 и осмия-186, и число атомов в нем, как было установлено уже много раз, составляло именно 94. А под номером 94 в таблице значился именно плутоний, это не подлежало никакому сомнению. Определяющей характеристикой плутония было наличие 94 протонов в ядре. Если исходить из одного этого факта, существование такого элемента, как плутоний, теоретически возможно.

И этот необычайно легкий изотоп плутония, этот самый плутоний-186, был наделен еще одной совершенно невероятной характеристикой. Он был не просто стабилен. Он был настолько стабилен, что даже не являлся радиоактивным. Лежал себе за толстым стеклом, выглядел весьма прозаически и не выказывал ни малейшего намерения выдать хотя бы толику энергии.

Ну, по крайней мере, о том свидетельствовали результаты первого теста. А вот второй тест показал наличие позитронной эмиссии, а третий подтвердил этот результат. Проблема заключалась в том, что третьи

измерения показали более высокий уровень радиоактивности, чем вторые. А при четвертом замере уровень снова возрос. Ну и так далее – чем дальше, тем больше.

Никто никогда прежде не слышал о подобном элементе с таким порядковым номером или атомным весом, который поначалу был бы стабилен, а затем начинал бы демонстрировать все возрастающую радиоактивность. Никто также не знал, что может произойти, еслипустить этот процесс, что называется, на самотек.

Но перспективы, похоже, были самые неутешительные. Наилучшим выходом казался следующий: размельчить это вещество в порошок, а затем смешать его с нерадиоактивным тунгстеном. И действительно, на какое-то время это сработало, но затем тунгстен тоже начал становиться радиоактивным. После использования с той же целью графита получили лучшие результаты, удалось немного снизить выход радиоактивной энергии. Никаких взрывов не происходило. Однако продолжало накапливаться все больше и больше плутония-186.

Единственным имевшим хоть какой-то смысл объяснением – если здесь вообще можно было отыскать смысл – казалось следующее. Веществе прибывало из некоего пока неизвестного места, возможно, из некой параллельной Вселенной, где действовали совсем иные законы природы, и сила сцепления атомов была гораздо выше, чем на Земле. Словом, из того загадочного места, где плутоний-186 мог существовать в форме стабильного изотопа.

Но кто и с какой целью посылает этот самый плутоний-186 на Землю?.. На этот вопрос ответа пока что не существовало. Даже догадок не было. Как не было и ответа на более важный вопрос – как приостановить этот процесс. В результате радиоактивного распада плутоний-186 преобразуется, по всей видимости, в обычный осмий или тунгстен. Но двадцать позитронов, которые выделяло каждое ядро атома плутония, в ходе этого распада аннигилировали равное количество электронов. Конечно, наша Вселенная могла позволить себе потерять двадцать электронов здесь, еще двадцать – там, это несомненно. И даже если б продолжала терять эти самые электроны с постоянной скоростью в течение очень длительного времени, никто бы ничего не почувствовал. Но рано или поздно настанет момент, когда общий позитивный заряд от потери электронов нарушит некое равновесие, достигнет таких масштабов, что это сможет привести к весьма серьезным проблемам в симметрии и сохранении энергии. А что произойдет, если равновесие в нашей Вселенной нарушится? Какие ядерные взаимодействия это может вызвать?

Неужели тогда звезды, в том числе и Солнце, взорвутся и начнется образование сверхновой звезды?..

– Это не может продолжаться, – мрачно сказал Флетчер.

Хэммонд скроил кислую мину.

– Вот как? Но мы твердим об этом вот уже полгода, если не больше.

– Пора, наконец, что-то предпринять. Они посылают нам все больше и больше этой дряни. И как, скажи на милость, дать им понять, чтоб это, наконец, прекратилось?

– Они!.. Мы и представления не имеем, кто это такие – «они», – вставил Реймонд Николаус.

– Сейчас это не так уж и важно. Важно другое. То, что вещество продолжает постоянно прибывать. И чем больше его у нас, тем опасность выше. Но как прекратить эти поставки, черт побери?! Мы не знаем... А потому следует найти способ избавляться от плутония по мере его поступления.

– Что это ты надумал, а? – спросил Хэммонд.

Тогда Флетчер, яростно сверкнув глазами – тем самым он как бы давал понять, что никаких возражений не потерпит, – ответил:

– Я собираюсь переговорить с Асениемом.

Хэммонд презрительно фыркнул.

– С Асениемом? Да ты с ума сошел!

– Нет. Это он сумасшедший. Но он единственный, кто может помочь.

Историю Асения можно было назвать весьма печальной, даже трагичной. И совершенно загадочной.

То был один из самых выдающихся физиков-атомщиков, ученый, которого можно было бы поставить рядом с Рутерфордом, Бором, Гейзенбергом, Ферми, Мейтнером. В двенадцать лет – выпускник Гарварда, через пять лет защитил докторскую диссертацию в Эм-Ай-Ти, после чего опубликовал целое море совершенно блестящих работ, исследовавших тайны сцепления атомов. В последние десятилетия XXI века ему, казалось, удалось раз и навсегда разгадать все загадки Вселенной, ставившие человечество в тупик на протяжении столетий. А затем вдруг в возрасте двадцати восьми лет он без каких-либо внятных объяснений и предупреждений резко отошел от дел.

– Я потерял интерес, – заявил он. – Физика меня больше не занимает. Почему это я должен тратить единственную жизнь на выяснение строения вещества?

Как все это скучно и утомительно!.. Ведь когда человек, к примеру, любит Парфенона, он же не задает себе вопроса, из чего сде-

ланы колонны или какие подъемные устройства понадобились, чтоб установить их там, где они стоят. Главное – что Парфенон существует, что он поразительно прекрасен. Красота – вот что сейчас меня интересует. И со Вселенной то же самое. Я вижу Вселенную, вижу ее красоту и совершенство! Так какое мне дело до устройства лесов и подъемных механизмов? И не только мне. Кому вообще какое дело?..

И он отказался от профессорской должности, ушел из университета, сжег все бумаги и поселился в квартире на двадцать третьем этаже высотного здания в западном Манхэттене, где устроил совершенно изумительный зимний сад–лабораторию. Он собирался проводить там эксперименты по интенсивному цветоводству и огородничеству.

– Ананасовидные, – говорил Асенион. – Теперь я занят разведением гибридов этих удивительных растений... Ананасовидные – вот отныне смысл моего существования.

Ромельмейер, бывший учитель Асениона из Гарварда, приписывал эти квартирные чудачества переутомлению и считал, что месяцев через шесть–восемь все наладится и его ученик снова вернется к работе.

Джэнтзен, на долю которого выпало величайшее счастье первым прочесть совершенно потрясающую диссертацию юного ученого в Эм–Ай–Ти, тоже излучал сочувствие и пытался убедить всех, что Асенион, должно быть, зашел в ходе работы в тупик, что едва не свело его с ума и вызвало столь драматичное решение. «Возможно, он вдруг обнаружил, что смотрит прямо в бездну противоречий. И это тогда, когда ему казалось, что ответ уже найден, говорил Джэнтзен. – А с чего бы еще ему вдруг сбегать? Но уверяю, в бегах он будет недолго. Это не в его натуре».

Биркхард их Калифорнийского технологического, прежде работавший в той же области, которая затем целиком перешла в ведение Асениона, соглашался с выводами Джэнтзена. «Должно быть, наткнулся вдруг на что–то волосатое и страшное, бедолага. Но настанет день, и он проснется. И в голове у него уже будет готовое решение проблемы. И прощай, всякое там садоводство! К полудню он уже соорудит статейку, которая перевернет с ног на голову все наши представления о ядерной физике. Этим дело и кончится!»

Но Джесси Хэммонд, физик, на протяжении двух последних лет игравший с Асенионом в теннис, смотрел на ситуацию более скептически.

– Он сошел с ума! – говорил Хэммонд. – Крыша окончательно съехала. И в себя он уже никогда не придет!

– Думаешь? – спросил Лью Флетчер, который тоже некогда был довольно близким другом Асениона, хоть и не играл с ним в теннис.

Хэммонд улыбнулся.

– Даже не сомневайся. Примерно года два назад начал замечать. Взгляд у него иногда становился такой странный и нехороший. И в теннис играл все хуже и хуже. Его подача, а он даже не смотрит, куда подает. А когда проигрывал, сразу чувствовалось, что ему плевать, и знаешь что еще? Да за весь последний год он ни разу не сделал ни одного крученого паса. А это очень о многом говорит. Ведь прежде он только и знал, что подкручивать мячи. А теперь ему все равно, играет спустя рукава. Полное безразличие. Я еще тогда сказал себе: «У этого парня крыша поехала, никак не иначе».

– Или же он работает над проблемой, которая занимает его куда больше тенниса.

– Да без разницы, – сказал Хэммонд. – Нет, Лю, точно тебе говорю: он окончательно свихнулся! И уже никогда не придет в себя.

Разговор этот состоялся примерно год назад. За все последующее время не произошло ничего, что могло бы изменить мнение друзей. Загадочное появление на Земле плутония-186 не вызвало никаких комментариев у Асениона, продолжавшего обитать у себя в пентхаусе на Манхэттене. Не заинтересовал его и теоретический спор между ведущими физиками, бурно обсуждавшими фантастическую возможность существования параллельных миров. Он продолжал торчать взаперти в компании со своими ананасовидными, в квартире, из которой открывался потрясающий вид на улицы Манхэттена.

«Что ж, – подумал Флетчер, – возможно, Асенион действительно свихнулся. Но не потерял же он остатки разума и память. И еще... может, у него все же имеются одна-две идейки касательно...»

– А ты, я гляжу, ни чуточки не постарел, – сказал Асенион.

Флетчер почувствовал, что краснеет.

– Господи, Айк, да мы же не виделись всего каких-нибудь полтора года!

– Разве? – в голосе Асениона звучало безразличие. – А мне показалось, гораздо дольше.

И он выдавил рассеянную улыбку. Похоже, он вовсе не был рад встрече с Флетчером и его вовсе не интересовало, что привело бывшего коллегу в его уединенное «орлиное гнездо».

Асенион всегда был со странностями, что, впрочем, и понятно. Держался надменно, отчужденно. И еще в нем всегда чувствовалось превосходство, что страшно раздражало окружающих. Ну, превосходство, это понятно, он всегда был на голову выше их всех. Однако специально он никогда не подчеркивал этого и, дав понять, что он такое, не обращал внимания на то, какое раздражение вызывает порой эта черта.

Теперь же он казался еще более рассеянным и отчужденным, чем прежде. Даже просто совсем чужим...

Нет, внешне он ничуть не изменился. Все та же стройная подвижная фигура, красивое, просто поразительно красивое лицо. Вопреки слухам, будто бы он целый год не выходил из своих апартаментов, ни признака бледности. Кожа все такая же гладкая, смугловатая, оливкового оттенка – такая встречается у жителей Средиземноморья. Волосы, густые и темные, небрежно спадают на широкий лоб. Вот только глаза, серые сверкающие глаза изменились. Прежде у Асениона, какой бы сложной проблемой он ни занимался, в глазах всегда сверкала эдакая игривая искорка, эдакий дьявольский, но в целом добродушный огонек. У этого же мужчины, добровольного пленника цветоводства, на лице застыло совсем иное выражение. То было лицо аскета, рассеянное, немного таинственное. Взгляд цепкий, глаза серые, как и прежде, но в них не светилось и искорки тепла. Они сверкали холодно, точно отражали свет какой-то страшно далекой звезды.

Флетчер откашлялся.

– Я пришел, чтобы...

– Об этом после, ладно, Лью? Прежде хочу показать тебе свою оранжерею. Это, доложу тебе, нечто! Ее пока что еще никто не видел.

– Что ж, раз ты...

– Да, да, настаиваю! Идем. Поверь, это нечто удивительное!

И он повел Флетчера через комнаты и коридоры своего необъятного жилища. Огромный пентхаус был обставлен самым небрежным образом – мебель простая, дешевая, чувствовалось, что за порядком тут никто особенно не следит. Повсюду расхаживали кошки.

Флетчер насчитал пять, шесть, восемь... Они точили когти об обивку, заскакивали в пустующие гардеробы и чуланы, дверцы которых были распахнуты настежь, смотрели вниз со шкафов, набитых грудami бумаг и какими-то книгами с сорванными обложками. В воздухе едко и остро пахло кошачьей мочой.

Затем Асенион резко свернул за угол, в коридорчик, и взору Флетчера, следующего за ним по пятам, открылся совершенно иной мир. Они подошли к огромной застекленной лоджии, как бы опоясывающей здание. И внутри, в зеленоватом сумраке Флетчер увидел сотни, а возможно, даже тысячи совершенно необычайных растений. Одни свисали с потолка, другие карабкались по деревянным стойкам, третьи были представлены по этажеркам, а часть росла прямо из клумб на полу.

Асенион быстро набрал код на сигнальном устройстве в виде ограненного алмаза, закрепленном в стене.

И стеклянные двери медленно раздвинулись. В лицо ударила волна теплого влажного воздуха.

– Входи! – сказал Асенион. – Быстро!

Казалось, они шагнули в амазонские джунгли. На улице середина зимы, в квартире прохладно и сухо, а тут вдруг их объял, точно складки влажной и липкой ткани, сырой, теплый и сладко пахнущий воздух тропиков. Флетчер не удивился бы, если б услышал над головой пронзительные крики попугаев.

А растения! Странные, причудливые растения, они цеплялись за любую выступ, заполняли все свободное пространство!

Большинство имело примерно одинаковое строение: розетки из широких глянцевитых и продолговатых листьев, расходящихся в разные стороны из чашеобразного отверстия в центре. Такого глубокого, что в нем уместилось бы несколько унций воды. Но если не считать этой общей характеристики, разнились они невероятно. Одни крошечные, другие просто колоссальные. Некоторые по всей длине мясистых сочных листьев испещрены яркими желтыми, красными и пурпурными полосками. Другие пестрые – сплошь состоят из пятен необычайных контрастирующих цветов. А те, у которых листья чисто зеленые, в основании, в том месте, где эти листья сходились вместе, образуя чашечку, были или ядовито-красные, или кремовые, или же имели таинственный и мрачный синеватый оттенок.

Часть растений была вооружена «челюстями» – казалось, эти зубчики вот-вот вопьются в непрошеного гостя. Некоторые были усыпаны нарядными шипами, на кончиках которых произрастали странной формы маленькие цветы. Тут были и другие цветы, просто гигантские, в рост человека, если не выше.

Все сверкало. Все сияло и переливалось красками.

Все говорило о бешеном, неукротимом росте.

Зрелище было завораживающее и одновременно пугающее. На миг Флетчеру показалось, что он заглянул в пасти бесчисленным голодным монстрам. Но он тут же напомнил себе, что это всего лишь растения, образцы, выращенные в парниковых условиях. Да в обычных городских условиях они наверняка и часа не протянут.

– Это и есть ананасовидные, – сказал Асенион. Он с особым смаком произнес название вида, точно то было одно из прекраснейших слов в любом из земных языков. – В основном здесь собраны тропические растения. Обитают, по большей части, в Южной и Центральной Америке. Живут в симбиозе с деревьями, поднимаются по стволам и веткам. Нет, есть и такие, что держатся поближе к земле. Ну, к примеру, такой извест-

ный тебе паразит, как ананас. Но в этой комнате собраны сотни других его разновидностей, даже тысячи! А вот здесь, в условиях повышенной влажности, я выращиваю гузмании, и риесии, и даже эчмии. А теперь идем, я покажу тебе тилландсии. Они любят более сухой климат. И еще у меня есть совершенно замечательные образчики хетчий и дюкий, а вон там, в дальнем углу...

– Айк, – робко вставил Флетчер.

– Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда меня так называют!

– Извини, забыл, – Флетчер солгал. Он прекрасно помнил, как называли родители Асениона. Совершенно непроизносимым именем: Айчабод. Но ни Флетчер и никто другой никогда не называл так Асениона. – Послушай, то, что ты здесь устроил... просто замечательно, великолепно! Потрясающе! И мне не хотелось бы отнимать у тебя много времени. Надо обсудить одну очень серьезную проблему и...

– Нет, сперва растения, – упрямо возразил Асенион. – Сделай мне такое одолжение. – Глаза его сверкали. В зеленоватых сумерках оранже-рей он походил на обитателя джунглей, некое экзотическое существо, довольно грозное. И, не говоря больше ни слова, двинулся по проходу к купе гигантских ананасовидных, растущих у внешней стеклянной стены. Флетчеру волей-неволей пришлось последовать за ним.

Асенион торжественно взмахнул рукой.

– Вот она, видишь? *Aechmea asenioni*! Обнаружена в Бразилии два года тому назад. Я сам спонсировал эту экспедицию. Конечно, я и предположить не мог, что этот вид назовут в мою честь, но сам знаешь, как это бывает...

Флетчер смотрел. Это растение было гигантом среди гигантов. Ширина листа метра два, если не больше.

Сами листья темно-зеленые и испещрены бледно-жёлтым рисунком, напоминавшим некие загадочные иероглифы давно исчезнувшей с лица земли расы.

Центральная чашечка была размером с голову человека и такая глубокая, что в ней можно было бы спрятать кролика. Из нее поднимался самый странный из цветков, которые когда-либо доводилось видеть Флетчеру.

Очень длинный и толстый желтый стебель оканчивался пучком черных фаллосовидных отростков. К ним крепились зловещие на вид красные шары. Они свободно свисали и напоминали маленькие луны. От цветка исходил запах гниющего мяса.

– Единственный экземпляр во всей Северной Америке! – воскликнул Асенион. – Да, может, их во всем мире всего шесть или семь! И

я заставил его цвести, представляешь?.. А стало быть, будут семена, Лью, а может, и дочерние побеги удастся получить. И тогда его можно размножить и скрестить с другими видами! Представляешь, что получится, если, допустим, скрестить его с *Aechmea chantinii*, а, Флетчер?.. Или же попробовать создать внутривидовой гибрид? Скрестить, ну, скажем, с *Neoregelia carcharodon*, а? Нет!.. Ты этого, конечно, не представляешь!.. Так, о чем это я?.. Но получится нечто невероятное, ты уж поверь!

– Не сомневаюсь.

– Знаешь, тебе страшно повезло. Редко кому удавалось видеть это растение в цвету. Но ты должен посмотреть и другие. Пуйи... питкарнии. А там, в соседней комнате, есть целая клумба *Dyckia marnierlapostollei*, ты просто не поверишь!..

Он весь так и лущился энтузиазмом. Флетчер приказал себе смириться и терпеть. Этот чудака все равно не успокоится, пока не покажет все.

Экскурсия, как показалось Флетчеру, продолжалась несколько часов. Асенион метался от одного растения к другому, из одной комнаты в другую. Следовало признать, некоторые цветы и растения были действительно необычайно красивы. Другие чересчур, пожалуй, яркие и пышны, а часть их просто гротескны. Или же, напротив, выглядели слишком банально на его непросвещенный взгляд. Были тут и самые настоящие уродцы.

Но больше всего его поразила не сама коллекция, а то, что эти странные растения стали, судя по всему, навязчивой идеей Асениона. Казалось, его не волнует ничто, происходящее во Вселенной, кроме этих экзотических растений. Он полностью отдался созданному им странному миру и жил отныне только им.

Наконец бешеная энергия Асениона, похоже, иссякла. Во время всей этой беготни по душному и жаркому помещению и он, и Флетчер вымотались и вспотели. И вот остановились перевести дух в той части оранжереи, где росли какие-то серые сучковатые растения, у которых вроде бы не было корней. Они крепились к стене с помощью тоненьких, еле заметных проводков.

Асенион заметил резко:

– Ладно. Я понял. Тебе ничуть не интересно. Выкладывая, зачем пришел, а потом проваливай. У меня дел полно.

– Речь идет о плутонии-186, – осторожно начал Флетчер.

– Не строй из себя идиота. Такого изотопа нет. Просто не может существовать в природе.

– Знаю, – кивнул Флетчер. – И, однако же, он существует.

И он торопливо и даже с какой-то долей отчаяния выложил всю эту фантастическую историю молодому физику, ставшему теперь ботаником. Рассказал о загадочной подмене тунгстена и осмия этим веществом в разных лабораториях, о тестах, которые доказали, что номер в таблице принадлежал плутонию, но атомный вес его был значительно ниже положенного. Не преминул упомянуть и о совершенно абсурдной теории, что будто бы это вещество есть дар параллельных миров, и, наконец, о том факте, что новый элемент, вначале стабильный, затем неизбежно и очень быстро начинает подвергаться радиоактивному распаду.

Асенион слушал. Угрюмое его лицо отражало целую гамму эмоций. Сперва он смотрел скучающе и даже раздраженно, затем – опечаленно, потом – даже с какой-то яростью. Но не проронил и слова на протяжении всего повествования. И вот, наконец, ярость сменилась любопытством, а уже затем он слушал совершенно зачарованно. Так, во всяком случае, показалось Флетчеру. И он понял, что, возможно, слишком поверхностно судил о том, что происходило в голове этого необыкновенного человека, умевшего так стремительно и неординарно мыслить.

Когда, наконец, Флетчер умолк, Асенион спросил его:

– Ну а чего вы больше всего боитесь? Критической массы? Или же кумулятивной потери энергии?..

– Проблему критической массы преодолеть удалось, – ответил Флетчер. Мы просто размельчили это вещество до порошкообразного состояния. И разместили его в низких концентрациях в пятидесяти разных хранилищах. Но оно продолжает прибывать. Похоже, им нравится посылать нам такие подарки. И при одной мысли о том, что каждый атом распадается на позитроны, которые тут же начинают искать себе электроны для аннигиляции... – Флетчер пожал плечами. – Знаешь, в малых масштабах это может служить источником энергии, если учесть, что с каждым следующим циклом происходит замена тунгстена на плутоний. Но в больших масштабах, если мы продолжим пересылать электроны из нашей Вселенной в их...

– Да, – кивнул Асенион.

– А потому следует найти способ избавиться от...

– Да, – Асенион взглянул на часы. – Ты где обычно останавливаешься, когда бываешь в городе?

– Как всегда. В клубе при факультете.

– Вот и прекрасно. Мне еще надо сделать несколько скрещиваний. И медлить с этим нельзя, иначе может произойти загрязнение пылицы. Ступай в свой клуб, отдыхай и развлекайся, прими душ. Видит бог, он тебе необходим от тебя воняет, как от какой-нибудь мартышки из джунг-

лей! Расслабься, выпей и возвращайся к пяти. Тогда и поговорим, – и он покачал головой. Плутоний–186!.. Это надо же! Просто безумие какое-то! Даже вслух произносить противно. Все равно, что, к примеру, сказать... сказать, ну, допустим, *Billbergia yukonensis* или *Tillandsia bostoniae*!.. Знаешь, что это означает? Нет, нет, конечно, не знаешь, откуда тебе знать!.. – Он замахал руками. – И чтоб был здесь к пяти!..

Время тянулось страшно медленно. Флетчер позвонил жене, позвонил Джесси Хэммонду в лабораторию, потом позвонил одному своему старому приятелю и договорился с ним поужинать. Принял душ, переоделся.

Выпил в баре на Пятой авеню, неподалеку от клуба.

Но настроение от этого не улучшилось. И не только потому, что Хэммонд сообщил по телефону, что из разных регионов доложили о появлении еще четырех килограммов плутония–186. Куда больше его угнетало явное безумие Асениона.

Нет, в увлечении растениями ничего плохого, разумеется, не было. В офисе у самого Флетчера рос филодендрон и еще какие-то цветы, названия которых он не помнил. Но целиком посвятить себя одной области ботаники... за этим явно просматривалось безумие. Даже и это было бы ничего, продолжал размышлять Флетчер, хотя лично ему трудно понять, как можно посвятить жизнь пучку каких-то жутких цветов. Куда труднее понять и простить другое: то, что Асенион полностью отошел от физики. Такая голова, такая широта и глубина познаний, такая поразительная интуиция – все это помогало Асениону проникать в величайшие тайны Вселенной. Черт побери, думал Флетчер, имея такие данные, человек просто не вправе отказаться от науки!

А он отказался, отошел вообще от всего, заперся в этой стеклянной клетке.

Хэммонд прав, решил Флетчер. Этот Асенион действительно сошел с ума.

Но что толку сокрушаться. Асенион – не первый супергений, не выдержавший непомерных нагрузок. И его уход из физики, продолжал мрачно размышлять Флетчер, личное дело самого Асениона. Мир, который он исследовал, свел с ним счеты. И единственное, что нужно ему теперь от Асениона, – это как-то решить проблему с плутонием–186. А потом пусть себе этот бедолага продолжает возиться со своими ананасовидными.

Примерно в четверть пятого Флетчер поймал такси и направился к дому Асениона. До него было недалеко, но выехал он с запасом – час пик уже начался.

Ему повезло. Без десяти пять он уже был на месте.

Домашний робот Асениона приветствовал его унылым утробным голосом и попросил подождать.

– Хозяин в оранжерее, – сообщил робот. – Выйдет к вам, как только закончит опыление.

Флетчер ждал. Ждал и ждал...

«Гений, – с горечью размышлял он. – Шило в заднице, вот он кто!.. Шило...»

Тут вдруг появился робот. Было уже половина седьмого. За окном стемнело. Флетчер договорился встретиться и поужинать с другом в семь. Теперь не получится.

– Хозяин готов вас принять, – объявил робот.

Асенион выглядел вымотанным вконец, словно весь день таскал камни. Однако раздражительность, похоже, исчезла. Он приветствовал Флетчера милой улыбкой, пробормотал пару слов, которые могли сойти за извинения, и даже приказал роботу принести гостю шерри. Шерри оказался довольно скверным, но Флетчер счел, что сам факт выпивки в доме этого убежденного трезвенника явление из ряда вон выходящее.

И что тем самым ему оказывается великая честь.

Асенион выждал, пока Флетчер не отопьет несколько глотков. А потом сказал:

– Ответ у меня есть.

– Нисколько не сомневался.

Последовало долгое молчание.

– Тиотимолин, – сказал, наконец, Асенион.

– Тиотимолин?

– Да, именно. Эндохронное уничтожение. Это единственный способ. И, как ты сейчас убедишься, необходимый.

Флетчер жадно отпил еще глоток. Даже сейчас, пребывая в относительно умиротворенном настроении, этот Асенион продолжал оставаться полным безумцем!

Что за бред! Тиотимолин?.. Как только в голову может прийти столь абсурдная идея использовать это вещество? Какое отношение имеет оно к проблеме плутония-186?

Асенион спросил:

– Думаю, тебе известны особые свойства тиотималина?

– Конечно. Его молекула искажается и переходит в соседствующее временное измерение. Как бы пробирается в будущее... Лично мне кажется, что и в прошлое тоже. Именно поэтому порошкообразный тиотимолин способен раствориться в воде за секунду до ее добавления.

– Совершенно верно, – кивнул Асенион. – А если воду не добавлять, то он начинает сам искать ее.

– Да, но при чем тут...

– Послушай, – сказал Асенион и достал из нагрудного кармана клочок бумаги. – Допустим, ты хочешь избавиться от чего-то, так? Помещаешь это вещество вот в этот контейнер. Затем создаешь вокруг этого контейнера емкость, загруженную полимеризованным тиотимолоином. В свою очередь эта емкость должна входить в другую, содержащую воду. Откуда эта вода могла бы поступать к тиотимолу через определенные промежутки времени. А таймер надо установить так, чтоб вода поступала, ну, скажем, через каждые несколько секунд, но в последний момент удерживалась бы от поступления.

Флетчер с трепетным благоговением взирал на молодого человека.

Асенион продолжил:

– Вода все время как бы готова поступать, но на деле не поступает. И тиотимолин заставляет пластиковый контейнер как бы подтягиваться ко второму, ведь он ждет встречи с водой. Вероятность встречи с водой высока, но не абсолютна. Короче, ее поступление удерживается буквально за секунду, и так все время. И получается, что тиотимолин все дальше и дальше уходит в будущее, ожидая встречи с водой. Ведь мир как бы движется к будущему секунда за секундой, и скорость тиотимолу теоретически бесконечна. И естественно, тиотимолин увлекает за собой и внутренний контейнер.

– В который мы поместим наши запасы плутония-186, да?

– Да. Или еще какое угодно вещество, от которого хотите избавиться.

У Флетчера закружилась голова.

– Которое таким образом будет перемещаться в будущее с бесконечной скоростью...

– Да. И поскольку скорость бесконечна, проблемы превращения тиотимолу в стабильную изохронную Форму, что прежде препятствовало большинству экспериментов по переносу в другую временную субстанцию, не возникнет. Нечто путешествует во времени с безграничной скоростью, и возможности тут открываются безграничные. И этот ваш плутоний будет исчезать до тех пор, пока ему уже некуда будет идти.

– Да, но как этот так называемый отсыл в будущее поможет решить проблему в глобальном смысле? – спросил Флетчер. – Ведь плутоний-186 по-прежнему останется в нашей Вселенной, даже если мы, земляне, временно избавимся от него. Потеря электронов все равно будет

продолжаться. Возможно, даже еще усилится под временным ускорением. Таким образом, мы вовсе не решаем фундаментальной...

– А ты, я смотрю, никогда не был силен по части теоретических изысканий, а, Флетчер? – тихо, даже почти с нежностью заметил Асенион. Но в глазах его светилось злобное презрение.

– Стараюсь, как могу. Но не понимаю, каким образом...

Асенион вздохнул.

– Тиотимолин будет гнаться за водой во внешнем контейнере бесконечно долго, унося, таким образом, плутоний, находящийся во внутреннем контейнере. Бесконечно, ясно тебе? В буквальном смысле этого слова!

– И?..

– А что случается в конце бесконечности, а, Флетчер?

– Ну... э-э... абсолютная энтропия... взрыв и гибель Вселенной.

– Именно! Финальное энтропийное разрешение. Все молекулы равномерно распределяются в пространстве. И стремящемуся к воде тиотимолину просто некуда больше будет идти. Конец пути – он и есть конец. И плутоний отправится туда же, и вода, с которой так стремился воссоединиться тиотимолин. Все они исчезнут, канут в антивремя.

– Антивремя... – глухо пробормотал Флетчер. – Антивремя?..

– Естественно. В ту точку отсчета, которая наступает перед созданием новой Вселенной. Все пребывает в статичном состоянии, нулевое время, неопределенная температура. Масса, из которой состоит Вселенная, бесформенна, неопределенна. И тут прибывают тиотимолин, плутоний и вода! – Глаза Асениона сверкали, лицо покраснелось. Он возбужденно размахивал клочком бумаги, словно то был некий магический талисман. – И будет страшный взрыв! Большой бах-ба-бах, грубо выражаясь! Начало всех начал. И ты или, может, я станем истинными создателями, родителями и творцами новой Вселенной!..

Совершенно огорошенный Флетчер довольно долго молчал. Затем спросил:

– Ты это серьезно?

– Я всегда отношусь к делу очень серьезно... Так что выход есть. Упаковывай свой плутоний и отсылай. Неважно, сколько для этого понадобится кораблей, все равно все они попадут в нужное место в нужный час. И эффект будет тот, о котором я только что говорил. Кстати, другого выхода просто не существует. От плутония действительно надо избавляться. И, – в глазах его сверкнула так хорошо знакомая Флетчеру лукавая искорка, – Вселенную в любом случае стоит попробовать создать. Чтобы наш род, наша мысль не прервались. А создать ее можно только

таким способом. Не только можно, должно. Это неизбежно, несомненно, необходимо, это приказ! Ну? Ты понял?

– Э-э... нет... да. Возможно... Нет, думаю, все-таки понял, – словно во сне пробормотал Флетчер.

– Ну и хорошо. И если сейчас до конца не понимаешь, потом поймешь.

– Но мне надо... обсудить это с другими.

– Конечно, само собой. Именно так привыкли действовать люди.

А потому я здесь, а ты там... – Асенион пожал плечами. – Особой спешки не вижу. Какая разница, когда создавать Вселенную. Можно завтра, можно через неделю. Рано или поздно она все равно появится. Должна появиться, поскольку и наша тоже появилась в свое время. Понимаешь?

– Да. Да, понимаю. А теперь... э-э... извини ради бога, – Флетчер замялся. – Но у меня... Я тут договорился поужинать с одним человеком.

– Но ведь и это может подождать, разве нет? – Асенион улыбнулся во весь рот, дружелюбно и весело. Похоже, он был искренне рад, что помог. – Забыл кое-что тебе показать. Совершенно замечательное растение. В своем роде просто уникальное... Нидулариум. Произрастает в Бразилии, причем до сих пор даже не имеет официального названия. И знаешь, что самое удивительное? Вот-вот зацветет! А потом, Флетчер, потом я покажу тебе такое!.. Впрочем, сам сейчас увидишь!

ТЕКСТ 5

ГАРРИ ТЕРДЛАВ «ПАДЕНИЕ ТРЕНТОРА»

Императорский дворец стоял в самом центре сада, раскинувшегося на добрую сотню квадратных миль.

В нормальных и даже аномальных условиях этого было достаточно, чтоб защитить обитателей дворца от грохота и лязга всего остального металлического мира Трентора.

Нынешние же времена назвать нормальными было никак нельзя. Равно как и аномальными – слишком уж мягко сказано. На стали времена просто катастрофические. Среди магнолий и роз в саду торчали доселе невиданные «растения» – пусковые устройства для ракет. И даже в стенах дворца Дейгоберт VIII слышал приглушенный рев. Но еще хуже был страх, который приносили с собой эти звуки.

Солдат, ворвавшийся на командный пункт как раз в тот момент, когда Император Галактики и его офицеры пытались выработать план для отражения последней атаки Джилмера, даже не отдав чести, возбужденно выпалил:

– Еще одно успешное приземление, сир! На этот раз в секторе Невраск. Взгляд Дейгоберта вернулся к карте, разложенной на столе.

– Слишком близко, совсем рядом, – пробормотал он. – Откуда такая прыть у этого негодяя и бандита?

Один из маршалов императора впился взором в посланника.

– Как это, интересно, им удалось там высадиться? Ведь Невраск состоит практически из одних гарнизонов. – Солдат точно язык проглотил. – Отвечай! – рявкнул маршал.

Мужчина вздохнул, помедлил еще секунду, потом ответил:

– Часть войск... они просто бежали, маршал Родак, сэр, как только там приземлились люди Джилмера. А другие... – он снова сделал паузу, нервно облизал губы, потом все же закончил: – Другие подняли бунт, сэр.

– Снова предательство! – взорвался Дейгоберт. – Почему никто не желает сражаться, чтоб защитить своего императора?..

Тут заговорил единственный находившийся в комнате штатский:

– Люди, сэр, станут сражаться только в том случае, когда будут знать, что им есть за что сражаться. Университет вот уже четыре дня противостоит атакам противника. И мы его не сдадим.

– Клянусь данной мне властью, доктор Сарнс, я очень благодарен вашим студентам, да. И горжусь ими! – сказал Дейгоберт. – Да регулярные войска им и в подметки не годятся!

Июким Сарнс вежливо кивнул. Маршал Родак поспешил поправить своего господина:

– Ваше величество, эти студенты сражаются только за себя и свои здания. Вовсе не за вас, – сказал он.

И увидел, как склоненное над картой лицо императора налилось кровью. «Красный от крови, которую люди Джилмера проливают по всему Трентору», – с горечью подумал Сарнс.

– Выходит, у нас нет надежды? – спросил Император Галактики.

– На победу? Никакой, – со всей определенностью, свойственной военным, ответил Родак. – А вот бежать, пожалуй, еще можно... С тем, чтобы потом вернуться и продолжить борьбу. Наш воздушный и космический флот пока что контролирует коридор над Дворцом. Хотя, раз Джилмеру удалась высадка в Невраске, он очень скоро может достать нас оттуда ракетами.

– Лучше бежать, чем попасть в челюсти этого монстра. – Дейгоберт весь передернулся и снова взглянул на карту. – Уверен, у вас уже есть план эвакуации. Так выполняйте его, и быстро!

– Есть, сир! – и маршал заговорил в микрофон, укрепленный у рта.

Император обернулся к Иокиму Сарнсу.

– Вы с нами, профессор? На Тренторе, находящемся под сапогом Джилмера, места для студентов уже не будет.

– Благодарю вас, сир. Но нет, – Сарнс покачал головой. Он носил не по моде длинные волосы, мышино-пегие пряди свисали на уши и спину. – Мое место в университете. Рядом с учениками.

– Отлично сказано, – тихо, чтоб не слышал император Дейгоберт, заметил маршал Родак.

Похоже, у Дейгоберта все же осталась капелька императорского достоинства.

– Если доктор Сарнс желает вернуться в университет, так тому и быть. Позаботьтесь о том, чтоб его доставили туда по воздуху, пока еще есть возможность.

– Слушаюсь, сир! – ответил маршал и протянул руку Иокиму Сарнсу. Желаю удачи. Думаю, она вам пригодится.

Ко времени, когда воздушное такси подлетало к университету, лицо Иокима Сарнса приобрело зеленоватый оттенок. Девушка-пилот держала машину на высоте нескольких метров, а иногда – даже сантиметров над землей. И все время петляла – чтобы сбить с толку компьютерные прицелы ракет противника.

Машина с лязгом опустилась на крышу здания библиотеки. У доктора Сарнса даже зубы клацнули. Девушка распахнула дверцу. Сарнс попытался взять себя в руки.

– Э-э... спасибо вам огромное, – пробормотал он, расстегивая ремни безопасности.

– Давайте, вылезайте поживей и бегом в укрытие.

– Я не могу торчать тут целую вечность! – рявкнула в ответ девушка.

Сарнс неловко выбрался наружу и затрусил к входу. Летательный аппарат точно ветром с крыши сдуло. Поднимаясь, он едва не сшиб профессора с ног.

Дверь отворилась. Оттуда выглянули двое в шлемах и рывком втащили Сарнса внутрь.

– Ну, как вы тут? – спросил он.

– Несколько выпускных классов понесли потери, – мрачно пробормотала в ответ Мариан Дрейбл. До нападения Джилмера она была заведующей библиотекой. Теперь, по мнению Сарнса, ее вполне можно было бы назвать помощником главнокомандующего. – Хотя пока еще держимся. Буквально несколько минут назад выбили их из спального корпуса номер семь.

– Молодцы, – сказал Сарнс. В делах военных он был такой же дилетант, как и его помощница. Но недостаток опыта с лихвой восполнялся отчаянной храбростью студентов. Эти молодые люди сражались с таким отчаянием и упорством, точно защищали святую землю. В каком-то смысле это так и есть, подумал Сарнс.

И если люди Джилмера все же разрушат университет, науке во всей Галактике будет нанесен смертельный удар.

– А чем там занимается Дейгоберт? – спросил Эрджил Джунс. Он учился на диетолога, и вот уже в течение нескольких дней кормил целую армию студентов.

Сарнс не стал обманывать их.

– Собрался бежать.

Он заметил, как помрачнело лицо Мариан Дрейбл под прозрачным козырьком шлема.

– А нас, стало быть, бросают на произвол судьбы?

– Вместе со всеми остальными, кто поддерживал эту династию, – ответил Сарнс. «Тоже мне – династия – два поколения, – подумал он. – Хотя, если посмотреть, как развивалась за последние несколько столетий история Галактической Империи, два поколения не так уж и мало. И если узурпатор Джилмер все же захватит Трентор, истории этой, можно считать, пришел конец».

Казалось, Мариан умела читать его мысли.

– Этот Джилмер ведет себя ничем не лучше какого-нибудь варвара, явившегося с Периферии, – заметила она.

– Если бы! – вздохнул Эрджил Джунс. – Если бы он был с Периферии, нам бы не пришлось иметь с ним дела.

– К сожалению, как видите, пришлось, – сказал Иоким Сарнс.

Толстые ковры императорского дворца... Ковры, по которым некогда ступали ноги Дрейгоберта VIII, Клеона II, Стэннелла VI, да что там говорить, даже такого злодея и изверга, как сам Амменетик Великий!

Теперь они приглушали поступь Джилмера I, самопровозглашенного Императора Галактики и Повелителя Всех и Вся. Джилмер досадливо пнул ковер носком сапога. Он привык слышать, как звонко и гордо постукивают каблуки, еще издали возвещаая о его появлении.

А теперь получалось, что человек, целиком сделанный из металла, ступает по дворцовым коврам совсем бесшумно. Точно крадется. И это ему не нравилось.

Он откинул голову и поднес к губам бутылку. Огненная жидкость обожгла горло. Отпив еще один большой глоток, он отбросил бутылку. Она ударилась о стену и разбилась. Испуганные слуги бросились наводить порядок.

– Зря выбросили, – сказал Верджис Фенн.

Джилмер укоризненно взглянул на командующего своим флотом.

– Почему? Да там таких еще полным-полно! – и он злобно крикнул слуге: – Тащи мне еще одну, такую же. И еще одну для Верджиса! – Слуга опрометью бросился исполнять приказание.

– Ну, понял? – сказал Джилмер Фенну. – Клянусь Галактикой, да нам и за сто лет не израсходовать всех запасов Трентора!

– Наверное, вы правы, – ответил Фенн. Он был поспокойней и потише, чем его главнокомандующий.

Возможно, просто более тактичный. И вообще мало походил на лидера. Задумался на секунду–другую, а потом добавил: – Но вообще–то Трентору понадобилось куда больше ста лет, чтоб собрать все это. Возможно, даже целая тысяча лет.

– Ну и что с того? – ответил Джилмер. – Ведь именно это мы и хотели заполучить, верно? И хоть этот Дейгоберт был отъявленным трусом, никто прежде не осмеливался напасть на Трентор. А мы это сделали! И теперь все, что здесь есть, мое!

Слуга возвратился с бутылками. Поставил их на стол из хрусталя и серебра и удалился. Джилмер выпил.

Вообще, если сосчитать все, что он выпил за последние два дня, он бы не то что видеть, даже ходить и говорить не смог бы. Однако победа опьяняла сильнее алкоголя.

Джилмер Победитель – вот кто он отныне такой!

Верджис Фенн тоже пил, но более умеренно.

– Да, теперь весь Трентор наш, кроме университета. Вот уже семь дней сопротивляются эти сумасшедшие.

– А нечего играть с ними больше в бирюльки, – злобно проворчал Джилмер. – Клянусь Галактикой, я превращу их в звездную пыль, и делу конец! Займись этим, Фенн. Немедля!..

– Как скажете, сэр... то есть сир, но... – Фенн замялся.

– Ну, что там еще? – нахмурился Джилмер. – Раз продолжают сражаться за Дейгоберта, стало быть, для меня они предатели. А предателей надо уничтожать! И всему остальному Трентору это послужит хорошим уроком!.. – и он даже зажмурился, страшно довольный собой. И стал похож на сову.

Но Фенн, похоже, не слышал его. А просто заметил после паузы:

– Не думаю, что они продолжают сражаться за Дейгоберта. Нет, они сражаются против нас, стараясь сохранить то, что им принадлежит. Кстати, именно поэтому с такими людьми справиться легче. И если мы, то есть вы... разбомбите университет, ученые всей Галактики навеки проклянут ваше имя.

– Да мне плевать на всех ученых Галактики, пусть хоть звездную пыль жрут, – проворчал Джилмер. И тут же почувствовал, что не прав. Ведь, раз он провозгласил себя императором, стало быть, и вести себя следует, как подобает императору. И он нехотя выдал: – Ладно. Если признают меня и прекратят обороняться, так уж и быть, пусть себе живут.

– Так что, может, мне командовать прекратить огонь? – спросил Фенн.

– Валяй, действуй, раз считаешь, что это неплохая идея, – сказал Джилмер. – Но только в том случае, если они признают меня, понял? А если все еще считают, что Императором Галактики является этот сын шлюхи, этот поганец Дейгоберт, разнеси их в пыль!

– Есть, сир, – на сей раз Фенн без запинки произнес это почти-тельное обращение. «Да ведь и он тоже мой слуга», – подумал Джилмер.

И новый Император Галактики отпил еще один добрый глоток из бутылки. Потом сделал вид, что собирается зашвырнуть ею в Фенна. Тот уже пригнулся, но Джилмер расхохотался и осторожно поставил бутылку на стол.

Джилмер отправился на командный пункт, расположенный в самом сердце дворца. Тот самый командный пункт, из которого совсем недавно бедный глупый Дейгоберт VIII пытался оборонять Трентор. Там сапоги Джилмера стучали звонко, как им и положено. Тот, кто создавал этот командный пункт в дни славы и расцвета Галактической Империи, должно быть, знал толк в командирах и их сапогах.

Телеэкран, на который смотрел Фенн, вдруг погас.

Он развернулся в кресле и с удивлением увидел, что за спиной у него стоит Джилмер.

– Мы договорились о прекращении огня между нашими силами и студентами, сир, – доложил он. – Устроить это не составляло труда.

Наши войска и их отряды будут охранять университет совместными силами до вступления в действие соответствующего военного соглашения.

– Хорошо, молодец, – сказал Джилмер.

– Благодарю вас. Декан университета приглашает вас к себе, чтобы выработать условия этого соглашения. Он даже предлагает своих людей в заложники, чтоб обеспечить вашу безопасность. И еще говорит, что прекрасно осознает, что может случиться, если он или его люди обманут вас. Так что, позвонить ему и сказать, что никуда вы не пойдете?

– Нет, отчего же, – ответил Джилмер. – Я пойду. Ты что думаешь, я испугаюсь какой-то ученой крысы? К тому же, – и на губах его заиграла плотоядная улыбка, – хотелось бы посмотреть, за какие такие сокровища столь отчаянно сражались эти люди. И если не удастся завладеть ими силой, наложу на них такие налоги, что мало не покажется. Для этого и существуют на свете императоры. Так что валяй, договаривайся с этим... как его, а, Верджис?

– Иоким Сарнс.

– Да, с Иокимом Сарнсом. Кстати, как прикажешь называть его при встрече? Генерал Сарнс? Адмирал? А может, маршал?

Фенн, похоже, растерялся.

– Да нет. Вроде бы он привык, что все обращаются к нему просто декан, сир.

– Декан? – И Джилмер, закинув голову, громко расхохотался. – Ага! Так, значит, мне предстоит встретиться с грозным деканом Иокимом Сарнсом, грозой аудиторий. Почему бы нет? Устрой эту встречу, Верджис. А пока, – он отвернулся, – хочу проверить, как обстоят наши дела на всей остальной планете.

И вот на телеэкранах, выстроившихся в ряд, начали возникать изображения самых разных уголков Трентора. Вот он увидел отряд своих солдат, тащивших пластиковые тубы, заполненные драгоценностями, – они грузили их на корабли. Вот другие солдаты грабят чью-то резиденцию. Еще один отряд, все совершенно пьяные, в компании с женщинами с Трентора. Их было вдвое больше, чем мужчин. Некоторые насмерть перепуганы, другие улыбаются и ведут себя совершенно бесстыдно.

Джилмер ухмыльнулся. Именно так он возьмет весь Трентор. Захочет его в мешок и унесет. Будет высасывать из него все соки на протяжении пятидесяти поколений, пока не выжмет до капли. Глядя на то, как осуществляется его мечта, он на миг позабыл обо всем на свете.

Он смотрел и смотрел... Взгляд его вернулся к третьему экрану. От красоты некоторых женщин просто захватывало дух, но для его людей они всего лишь часть добычи. Во Вселенной существуют миллиарды красоток, есть из кого выбирать. А остальных можно просто отбросить, как ненужный хлам.

Улыбаясь в сладострастном предвкушении, Джилмер двинулся по спиралеобразному пандусу, ведущему к императорским опочивальням. Даже в самых смелых мечтаниях он не мог представить себе такой роскоши.

Похоже, что на протяжении нескольких тысяч лет все деньги на этой планете тратились исключительно на улады и удовольствия.

Он вошел и увидел, что Билли тоже улыбается. По плечам рассыпаны роскошные рыжевато-каштановые волосы. Пренебрегая всеми удобствами, которые предоставляла спальня, Джилмер без долгих размышлений заключил красотку в объятия, и они улеглись на пол. Только теперь, пожалуй, он по достоинству оценил преимущества, которые давали толстые мягкие ковры.

Она тихо мурлыкала что-то. Билли была женщиной Джилмера еще с тех пор, как сам он был безвестным, но амбициозным лейтенантом. И ему всегда нравилось смотреть на нее и заниматься с ней любовью.

Ему и теперь нравится, сказал он себе. И это истинная правда. Впрочем, если уж быть до конца честным, не вся правда... Ведь телеэкран только что доказал, что по стандартам Трентора внешность у нее самая что ни на есть заурядная. А разве это справедливо, чтоб Императору Галактики, Повелителю Всех и Вся, принадлежала женщина с заурядной внешностью?..

И он тихо проворочал что-то.

– О чем подумал? – спросила Билли.

– Да так, ни о чем особенно, – буркнул он в ответ и еще крепче притиснул ее к себе. «Да и голос у нее что-то не слишком нежный», – подумал он.

– Вон он, пожаловал, – сказала Мариан Дрейбл и указала на одинокую, спускавшуюся по трапу фигуру.

Машина приземлилась на нейтральной полосе, между расположением частей Джилмера и удерживаемой студентами территорией.

– Он один, – удивленно заметил Иоким Сарнс. – А ведь я говорил, что мы можем предоставить ему надежную охрану. Оказывается, он храбрее, чем я думал.

– Какое это имеет значение, если он не может... или не хочет контролировать свои войска? – с горечью произнесла Мариан Дрейбл. – Сколько еще зверски изнасилованных женщин поступило сегодня к нам в клинику?..

– Тридцать семь, – ответил Сарнс. – И пятеро мужчин.

– И это только с одного крошечного уголка Трентора, там, где ведется хоть какой-то подсчет, – сказала она. – А сколько их по всей планете, где проживает около сорока миллиардов человек? Сколько еще они изнасиловали, замучили, ограбили? Сколько домов подожгли просто так, ради забавы? Сколько еще совершили убийств, а, Иоким? О какой храбрости может идти речь, раз человек этот виновен в стольких преступлениях?

– Да, они разрушители... – Сарнс устало провел рукой по лбу. – Я знаю и понимаю это, Мариан. Но если в нем осталась хоть капля мужества, справиться с ним будет не так-то просто.

– Это верно, – согласилась девушка. – Ладно, тихо, он уже идет.

Этот Джилмер, подумал Сарнс, больше похож на вождя каких-нибудь варваров, а не на Императора.

Пусть даже и явился сюда, облаченный в пурпурный плащ, который широкими фалдами развевался при ходьбе. Правда, под плащом виднелась пятнистая зелено-коричневая униформа, типа той, что носили его солдаты. «Наверное, носит ее для камуфляжа, – подумал Сарнс, – хотя здесь, на сверкающем металлическим блеском Тренторе, это скорее выдает, чем служит прикрытием». Гораздо сложнее различить издали серое пальто и брюки, которые были надеты на нем, Сарнсе.

Сапоги повелителя выбивали по полу отчетливую металлическую дробь.

– Ваше величество, – приветствовал его Сарнс, зная, что должен заговорить первым, поскольку, как ни крути, а Джилмер действительно захватил Трентор, и этот титул принадлежит ему *de facto*, а не только *de jure*.

Для Сарнса, как всегда, важнее всего была истина.

– Ты, что ли, декан Сарнс? – грубый рокошующий голос как нельзя более соответствовал грозной внешности этого бородача. Затем Император Галактики почесал нос и добавил: – А твои ребята крутые вояки, Сарнс. Прямо скажу: я не против иметь таких в своей армии.

– Можете кинуть клич, сир, но только сомневаюсь, чтоб нашлись добровольцы, – ответил Сарнс. – Эти юноши и девушки по профессии своей не солдаты, просто студенты. Их, как и меня, интересуют более абстрактные вещи.

Джилмер кивнул.

– Слышал, знаю. Но как-то не слишком верится.

Если уж совсем честно, ну просто никак не верится, Сарнс. Чтoб прожить всю жизнь, охотясь за какой-то там... как она у вас называется? Абстрактной истиной, да?

– И тем не менее это так, – с гордостью произнес Сарнс. – Это университет. Сосредоточие всей мудрости и знаний, накопленных за тысячелетия истории нашей планеты. И мы их кодируем, систематизируем, а иногда даже привносим нечто новое.

– До чего ж занудный способ проводить время, – бросил Джилмер. Похоже, ему было плевать, задевает он при этом чувства Сарнса или нет. Нет, скорее он ожидал, что Сарнс должен согласиться с доводом, казавшимся неоспоримой истиной. – Что проку от этих самых знаний, если нечего есть и пить, не с кем спать, нельзя стрелять во врагов?

«И все же он варвар», – подумал Сарнс. К счастью для себя, декан обладал богатым опытом административной работы и научился скрывать свои истинные чувства. И он заметил:

– Позвольте привести вам один пример, сир. И задать такой вопрос. На чем, интересно, прибыла на Трентор ваша победоносная армия?..

– На космических кораблях, на чем же еще! – удивился Джилмер. – Или вы думали, мы сюда пешком притопали? – и он засмеялся, страшно довольный своей шуткой.

Сарнс выдавил вежливую улыбку.

– Ну, разумеется, не пешком. Но что произойдет, если один из ваших кораблей выйдет из строя или потребует ремонта?

– Так мы починим, и все дела. Будто нельзя найти во всей этой долбаной Галактике человека, который не разбирался бы в разных там механизмах, – ответил Джилмер и нахмурился. Он почувствовал подвох. И тут, наконец, до него дошло. – С помощью ваших знаний, да? Нет, ей-богу, Сарнс, вы что, хотите сказать, что у вас в университете полно техников, которые действительно знают свое дело? В таком случае забираю их всех до единого к себе и делаю вас и их тоже страшно богатыми людьми. Да я просто озолочу их, обещаю!

– Да, у нас есть люди, хотя, к сожалению, не так много, которые изучают эти предметы. И, как я обещал прежде, вы можете с ними поговорить... И, вполне возможно, некоторые действительно согласятся присоединиться к вам. И начать работать над разными техническими проектами, – Сарнс на секунду задумался, затем продолжил: – У нас также есть искусные доктора, специалисты–компьютерщики, студенты, изучающие различные другие дисциплины, полезные для развития Империи.

Он взглянул на Джилмера и понял, что тот заглотал наживку.

– И они согласятся работать на меня? – спросил тот.

– Некоторые, может, и да. Другие же... а таких, мне думается, еще больше, согласятся обучать ваших техников и персонал. Ну и, разумеется, осторожно добавил он, – все они будут меньше стараться, если вы станете на них давить. И вы, таким образом, потеряете много очень ценных людей.

– Гм... – буркнул Джилмер. А потом заметил: – Если корабли со всеми этими техниками, медиками и компьютерщиками ломаются, что нам тогда от них толку? Проще уничтожить их, и все дела.

– Может, и не сразу, но со временем наши ученые принесут вам больше пользы, чем непосредственно сейчас, работая, как я догадываюсь, с не слишком квалифицированным персоналом.

Джилмер понизил голос:

– Вот что, Сарнс. Я не могу позволить себе думать об отдаленном будущем. Ставлю миллион против одного: сейчас, пока мы тут беседуем, к пла-

нете движется минимум три флотилии. Тем же путем, что шел я. Но только их цель – расправиться не с Дейгобертом, а уже со мной... Теперь, после падения Трентора, каждая собака хочет урвать свою кость. И свести со мной счеты.

«А ведь он по-своему прав, – подумал Сарнс. – И к тому же заслуживает этого». И тут вдруг ученому, невольно превратившемуся в генерала, стало грустно.

У него нет больше времени узнавать что-то новое, думать о чем-либо не сиюминутно. О, как же долго эта болезнь терзала Трентор!.. А Джилмер худшее из ее осложнений. Он хуже всех своих императоров–предшественников, но корень этой болезни, этого зла все тот же.

Сарнс подавил вздох и заметил:

– Что ж, как бы там ни было, но мы несколько отклонились от основной темы и цели. А цель наша – выработать соглашение между вашими вооруженными силами и студентами, защитниками университета. С тем, чтобы каждая из сторон могла спокойно вернуться к делу, которое считает главным.

– Да, это верно, – кивнул Джилмер.

На сей раз Сарнс еле сдержал улыбку. Подсунь варвару пустую безделку, поставь самую примитивную цель, и он дальше носа своего уже ничего не видит.

– Желаете осмотреть наши владения? – спросил он.

– Почему бы и нет? – ответил Джилмер. – Вперед, декан Сарнс, посмотрим, кого вы превратили в солдат. Как знать?.. Может, я и вас перевербую? – и Джилмер захохотал. После секундной паузы Сарнс присоединился к нему. Он и не подозревал, что этому варвару свойственно чувство юмора.

Первое, что поразило Джилмера в стенах университета, это тишина. Почти все его обитатели расхаживали в туфлях на мягких подошвах, ступали по металлическому полу совершенно бесшумно. Стук сапог Джилмера эхом разносился по длинным коридорам. Но даже эти звонкие звуки были сравнимы с плеском мелких камушков, бросаемых в океан безмолвия.

«И люди здесь тоже какие-то странные, – подумал Джилмер. – Те самые люди, что так храбро сражались с его солдатами. Почти все в сером, как Сарнс. На других – одежда пастельных тонов, отчего они кажутся невесомыми духами, парящими в пространстве. И говорят такими тихими, приглушенными голосами, что только усиливает впечатление их бестелесности».

И Джилмеру вспомнились полузабытые детские сказки о духах. Он вздрогнул и постарался держаться поближе к своей охране.

– Чего это они тут делают? – спросил он. Голос тоже откликнулся эхом под сводами здания и быстро замер.

Сарнс заглянул в одну из лабораторий.

– Проводят кое–какие исследования по нейробиологии, – ответил он. Секундочку, – и он нырнул в полуоткрытую дверь. – Да, я не ошибся. Работают над усовершенствованием препаратов, индуцирующих сон.

Голос декана звучал отчетливо и звонко, но эха при этом никакого не было. Джилмер попробовал скопировать его интонацию:

– А здесь что? – спросил он. И тут же нахмурился – получилось какое–то хриплое кряканье. Сдавленный шепот, в котором отчетливо слышался страх.

Сарнс, похоже, ничего не заметил.

– А здесь у нас группа, занимающаяся психостатистическими исследованиями, – объяснил он. И двинулся дальше, словно само собой подразумевалось, что гость знает, что это такое.

Джилмер не знал, но расспрашивать не стал. Указал на другую дверь. Там, в комнате, сидели за компьютерами люди. Перед другими стояли на столах какие–то предметы, похожие на каменные глыбы.

– Чего это они тут делают? – спросил он. Ему никак не удавалось скопировать спокойно–небрежный тон декана Сарнса.

– О, это один из наиболее удивительных наших проектов. Уверен, он вас заинтересует. – Джилмер, который вовсе не был в этом уверен, не стал перебивать ученого. – Они используют древние надписи и синтезаторы голоса. Это команда наших лингвистов. Пытаются реконструировать мифический язык, называемый английским. Именно от него тысячи лет тому назад произошел наш современный язык.

– О, – только и заметил Джилмер. Он сроду не слыхивал ни о каком английском. «Паршиво, – подумал он. – Чего я только не знаю, о чем эти ученые крысы и представления не имеют! К примеру, о тактике боя на открытом пространстве, о пистолете–бластере, о взаимодействии мобильных отрядов быстрого реагирования. А вот об английском – нет...»

Должно быть, Иоким Сарнс прочитал его мысли, но истолковал их по–своему:

– Сейчас вы увидите то главное, за что мы так отчаянно сражались. Нашу библиотеку.

– Здесь хранятся все знания, накопленные человечеством, – вставила помощница Сарнса Мариан Дрейбл.

Джилмер уловил в ее голосе оттенок гордости.

– Это вы там командуете? – спросил он девушку.

Она кивнула и улыбнулась. И Джилмер увидел, что она лет на десять моложе, чем ему вначале показалось.

Ее старили мрачно–сосредоточенное лицо и унылого цвета одежда. Мариан сказала:

– Вот в этой комнате студенты и ученые получают распечатки книг–фильмов и статей из разных журналов, которые хранятся в наших файлах. По всем интересующим их предметам.

– И где же эти ваши книги–фильмы? – подозрительно спросил Джилмер. Раза два ему доводилось посещать библиотеки на других планетах, и там все помещения выглядели, как просмотровые залы. Здесь же ничего подобного не наблюдалось. Подозрение нарастало. А что, если это блеф, какой–то грандиозный обман с целью спрятать от него... но что?.. Если да, если эта девочка действительно морочит ему голову, заплатит весь университет!

Но Мариан лишь весело рассмеялась.

– Вы еще не готовы видеть книги–фильмы. Прежде чем студент или студентка начнет просматривать книги–фильмы, он или она должны иметь отчетливое представление, что именно их интересует. Знать больше, чем может дать одно название. А потому вот здесь у нас имеется так называемая Абстрактная секция, где люди проглядывают специальные списки с резюме по материалам, которые могут их заинтересовать.

Здесь тоже стояли компьютеры и за ними сидели люди. Джилмер с трудом подавил зевоту. Мариан Дрейбл не унималась:

– У нас также имеются отдел новых поступлений и каталожный отдел. Там перерабатываются все новые книги–фильмы, и уже затем их включают в наше собрание.

– Новые книги–фильмы? – недоуменно переспросил Джилмер. – Вы что, хотите сказать – кто-то до сих пор их пишет?..

– Ну, не так много, как в те времена, когда был основан наш университет, – грустно заметила библиотекаря. – И, естественно, теперь, когда мы оказались оторванными от Периферии и даже некоторых внутренних регионов, поступления значительно сократились. И иногда проходит много лет, прежде чем удастся получить оттуда копию. Но мы стараемся, и наше собрание считается богатейшим во всей Галактике.

Они подошли к лифту. Иоким Сарнс нажал на кнопку. Двери открылись.

– Сюда, прошу вас, – сказал Сарнс и вошел первым.

Мариан Дрейбл и Джилмер последовали за ним.

Последний – с некоторым колебанием. Если эти университетские люди все же решили расправиться с ним, то более подходящего места, чем лифт, не найти. Да нет, пожалуй, если б они хотели с ним расправиться, кто мешал им сделать это с самого начала? И он решил, что опасаться нечего.

Лифт с урчанием поехал вниз, затем остановился.

Двери открылись.

– А здесь читальные залы, – сказала Мариан.

Джилмер увидел ряды каких-то кабинок. Большинство из них были пусты.

– Обычно тут бывает гораздо больше народа, – заметил Иоким Сарнс. Студенты, которые прежде занимались здесь, обороняют университет.

Словно в подтверждение ее слов дверь одной из кабинок отворилась. На молоденькой женщине, которая вышла оттуда, красовалась серая военная униформа, с плеча свисал бластер. Выглядела она неряшливой и усталой, как выглядят солдаты на передовой. Джилмер заметил также, что у нее какое-то странное выражение лица. Точно она забыла и о войне, и об оружии. Все внимание девушки было сосредоточено на маленьком ручном калькуляторе, который она держала в руке и продолжала нажимать на кнопки даже по дороге к лифтам.

– Хотите заглянуть в один из читальных залов? – спросила Мариан Дрейбл.

Джилмер задумался на секунду, потом отрицательно помотал головой. Он уже побывал в нескольких читальных залах в разных уголках Галактики. Все они одинаковы. Просто здесь их очень много, но в целом разницы никакой.

– И это все, что вы хотели мне показать? – спросил он.

– Нет, еще кое-что, – ответила Мариан Дрейбл.

Пожав плечами, он последовал за ней и Сарнсом в лифт. И они снова начали спускаться все ниже и ниже.

– Вам предоставлена особая честь. Сейчас вы увидите то, что мы крайне редко показываем нашим гостям, – сказал Иоким Сарнс. – Даже не все сотрудники университета видели это. Надеюсь, это поможет вам лучше понять нас.

Лифт остановился. Джилмер вышел, огляделся.

– Черт побери... – изумленно пробормотал он.

Казалось, помещение тянется на многие километры. С пола до потолка расположились полки, плотно уставленные рядами книг–фильмов.

– С помощью компьютера мы можем сканировать любой материал и передать изображение в читальный зал, – сказала Мариан Дрейбл.

Джилмер подошел к ближайшей из полок. Сапоги постукивали как-то странно глухо. Он глянул вниз.

– Каменный пол, – удивился он. – Это еще зачем? Почему не металлический, как везде?

– Дело в том, что наше книгохранилище расположено очень глубоко. Под уровнем застройки Трентора, – объяснил Иоким Сарнс. – Наверху для него не нашлось места. Там все пространство отдано людям. Кроме того, столь глубокое расположение предоставляет дополнительную защиту на случай катастроф. Даже взрыв ядерной бомбы вряд ли может повредить.

– К тому же это лишь одно из наших многочисленных книгохранилищ, пояснила Мариан Дрейбл. – Мы храним также дубликаты на случай повреждения основного фонда.

Внезапно Джилмеру представилась картина: студенты и ученые, точно мыши, снуют туда–сюда по этим узким проходам, снуют в течение долгих лет, веков, тысячелетий, прочесывают само основание Трентора в поисках накопленных человечеством знаний. Хуже того, мысленно он представил всю тяжесть камней и металла, находившихся прямо над головой, давящих сверху. Сам он вырос наверху, на ферме, где было много пространства и неба. Да и вся остальная жизнь прошла на открытом пространстве. И он вдруг с ужасом представил, как вся эта тяжесть может обрушиться на него, раздавить, так что и пятнышка крови не останется. И на лбу у него выступили мелкие капельки пота.

– Может, вернемся? – хрипло спросил он.

– Как скажете, сир, – вежливо ответил Иоким Сарнс. – Надеюсь, теперь вы убедились, что тут у нас занимаются исключительно приобретением знаний. И не вмешиваются в политику... Во всяком случае, до тех пор, пока кто–то не предпримет попытки вторгнуться в наши владения. Думаю, что с учетом всего этого мы сможем составить соглашение, учитывающее интересы обеих сторон.

Единственное, чего хотелось сейчас Джил меру, так это убраться как можно дальше из этих катакомб, вернуться к своим людям. Он заметил, что Сарнс почему–то не нажимает кнопки лифта. Может, ждет, пока он, Джилмер, не даст согласия?..

– Да, да, конечно, – торопливо ответил он, создавая, что подобная поспешность не соответствует его рангу. – Вы скажете своим людям, чтоб они сложили оружие. Я прикажу своим отойти от университета.

– Вот и прекрасно, – сказал Сарнс. И сделал вид, что он просто по рассеянности забыл нажать кнопку лифта – впрочем, он и был несколько рассеянным, как и полагается ученому. И он тут же поспешил исправить эту свою оплошность. Они поднимались в полном молчании. С каждой следующей секундой Джилмеру казалось, что с плеч его снимаются все новые тысячи тонн тяжести.

Когда он в сопровождении охраны вернулся в то помещение, с которого они начали, к ним подбежал мужчина с двумя листами пергамента.

– Это Эрджил Джунс, – сказал Сарнс. – Ну, что вы нам приготовили, Эрджил?

– Вот два экземпляра соглашения о перемирии, – ответил Джунс. Требуются две подписи. Императора и ваша, – и он протянул им листки.

Джилмер взял свой. Бегло просмотрел документ, подписал и протянул руку за вторым, который был у Иокима Сарнса. И тут вдруг по-

думал: как это получилось, что текст договора уже готов, когда сам он согласился на него всего лишь несколько минут назад.

– Вы подслушивали! – злобно прошипел он Джунсу.

– Увы, сир, извините, но именно так, – сказал Джунс. – Дело в том, что голосовой мониторинг – это часть секретной системы сигнализации, обеспечивающей охрану фондов. И я воспользовался ею, чтоб изготовить эти документы как можно быстрее. Я полагал, что у Вашего Величества слишком много других важных и неотложных дел. Вот и не хотелось вас задерживать.

Только тут Джилмер почувствовал, как хочется ему поскорее вернуться в привычную обстановку, к своим войскам.

– Ладно уж, будь по-вашему, – пробормотал он и подписал вторую копию договора. А этот Джунс, видать, парень смысленный. Очень даже смысленный.

Трентору надо подготовиться отразить очередную атаку из космоса, причем немедленно. В противном случае он, Джилмер, Император Галактики, будет уничтожен.

Итак, Джилмер, Император Галактики, свернул свою копию договора в трубочку, рассеянно сунул вечное перо Эрджила Джунса в карман своей туники и повелительным тоном произнес:

– А теперь будьте любезны проводить меня обратно к моим людям.

– Разумеется, сир, – Иоким Сарнс протянул свою копию Мариан Дрейбл. Вот сюда, прошу вас, пожалуйста.

«Сзади этот Джилмер куда больше похож на Императора, чем спереди», подумала Мариан Дрейбл, провожая мужчин глазами. Сверкающий пурпурный плащ придавал его облику благородство и величие и ничуть не сочетался с камуфляжной формой, которую он носил под ним. Если же смотреть на него спереди, этот плащ выглядел каким-то бутафорским. словно он украл его из театра.

– Императору негоже походить на вора, – пробормотала она.

– Почему же? – заметил Эрджил Джунс, которому было страшно жаль своего вечного пера. – Он и есть самый настоящий вор.

– Колдуны! – воскликнула Билли. – Ты попался к ним в ловушку, и они тебя охмурили!..

– Не болтай глупостей, на свете нет никаких колдунов! – огрызнулся Джилмер.

– Нет? Тогда почему ты не получил от этих университетских ничего стоящего, раз они были полностью в твоей власти? – спросила она.

– Получил. Мы подписали соглашение. Мы больше не стреляем в них, они в нас – тоже. Они признали меня Императором Галактики. Чего же больше?

– Надо было сделать так, чтоб тебя боялись. Вселить в них страх смерти. Если ты Император Галактики, они должны вести себя, как твои подданные, а не как равные! Разве можно относиться к Императору как к равному? А ты им позволил! – Билли возмущенно встряхнула медной гривой. До сих пор не пойму, как это ты допустил такое!.. Ведь на твоей стороне была вся армия, весь твой флот... почему же ты не наказал их за эту дерзость?

– Да оставь ты меня в покое, – устало ответил Джилмер. Только этого ему не хватало – выслушивать упреки Билли. Он и без нее наслушался их предостаточно от того же Верджиса Фенна. Фенн спросил его, как же это получилось, что университетские, устно выразившие готовность помогать им с обучением персонала, никак не отразили этот момент в договоре. Он сердился и недоумевал, отчего же главнокомандующий не настоял на этом. И в глубине души подозревал, что у того просто не хватило смелости внести это изменение. Но почему? Ведь вся реальная власть на планете отныне принадлежит только ему! А он... он почему-то не настоял.

– Нет, не оставлю, – сказала Билли. – Должен хоть кто-то поднять твой боевой дух, вселить в тебя прежнюю...

– Заткнись! – рявкнул Император грозным голосом, слышав который все его подчиненные, даже самые отчаянные, не осмеливались возражать.

Однако Билли осмелилась.

– Не заткнись! Они самые настоящие колдуны. Да о таких говорится в каждой сказке, которая попадает к нам с Периферии.

– Все эти сказки – сплошное вранье, – Джилмер был рад сменить тему. Голова раскалывалась от боли.

Если его Билли стала такой упрямец, возможно, стоит подумать о замене. Найти себе какую-нибудь хорошенькую маленькую птичку с Трентора, которая будет открывать ротик только для того, чтобы сказать «да».

– Нет, не вранье, – упрямо замотала головой Билли.

– А что же еще? – насмешливо спросил Джилмер. – Ведь на свете не существует такой штуки, как силовой экран размером с человека. Его просто не может быть, во всей Империи не сыскать такого. А уж у нас в Империи есть все. Не существует также способа вскрыть персональную капсулу, если в файле отсутствуют характеристики данного человека. Так что все эти байки о существовании подобных вещей – просто вранье и ничего больше.

– Но ведь есть же волшебники, которые делают разные фокусы, и делают их только с помощью волшебства, – не сдавалась Билли. – А что еще, как не чистой воды колдовство, заставило тебя отказаться от покорения университета? Что, скажи мне? Ты позволил им настоять на своем, признал, что университет принадлежит им по праву, в то время как все на Тренторе должно принадлежать только тебе!

– Принадлежать – это еще не все. Надо уметь удержать, – пробормотал Джилмер. И вышел из спальни. Он не нашел здесь утешения, которого искал. По возвращении из университета его ждало послание от космической разведывательной группы: в десяти парсеках от Трентора собирался флот. Флот, который ему не принадлежал. Если он хочет удержать Трентор, придется вступить в новое сражение. И все эти намеки на то, что люди из университета обвели его вокруг пальца, казались в такой момент просто невыносимыми.

Ну неужели Билли этого не понимает? И Джилмер почувствовал, как его захлестывает ярость. Если нет, к дьяволу эту сучку! И он ткнул пальцем в первого же попавшегося на пути слугу.

– Эй! Ты!

Мужчина вздрогнул. В отличие от Билли, он, как, впрочем, и все остальные слуги, знал, что шутки с Джилмером плохи.

– Сир? – с почтением и опаской произнес он.

– Возьми помощников, сколько потребуется, и вышвырни эту болтливую шлюху из моей спальни! И найди мне что-нибудь новенькое, надеюсь, сам сообразишь, что к чему. Что-нибудь стоящее самого Императора, ну, ты меня понял. Но главное – чтоб поменьше молола языком.

– Слушаюсь, сир, – слуга позволил себе улыбнуться. – Думаю, здесь с этим проблем не возникнет.

Комната в библиотеке. Эту комнату Джилмеру во время визита никто не показывал.

Здесь собрались: Иоким Сарнс, Мариан Дрейбл, Эрджил Джунс... Декан, библиотекарь, врач-диетолог...

Они же – главнокомандующий, его помощник, интендант, ну, и так далее, в том же духе. Они стояли у доски с уравнениями – красные символы на сером фоне.

Иоким Сарнс заговорил первым:

– Не думал, что это будет так просто.

– Я тоже не думала, – согласилась с ним Мариан Дрейбл. – Мне казалось, была высока вероятность того, что придется воздействовать на мозг Джилмера.

Чтоб уже точно убедиться, что он оставит нас в покое.

– Тут очень помогли храбрость и мужество, которые он, несомненно, сохранил, – заметил Сарнс. – Именно поэтому в нем пробудилось уважение к студентам-солдатам. В то время как более прагматичный человек не усмотрел бы в этой жертвенности ничего особенного, тем более что она шла вразрез с его интересами.

– Сыграл роль и суеверный страх при виде всех накопленных нами знаний. И, думаю, он понял, что наши цели и устремления – во вся-

ком случае, наши очевидные цели и устремления – не только не могут помешать ему, но даже способны сослужить определенную службу. Вот он и взял на себя смелость позволить нам продолжать, – сказала Мариан Дрейбл. – Лично я ожидала худшего.

Эрджил Джунс был занят изучением начертанных на доске чисел и символов. Найденные три столетия тому назад Гэри Селдоном пути решения этой знаменитой задачи, могли сослужить добрую службу не только сейчас, но в будущем. Он заметил только:

– Остается надеяться, что все обойдется одним раундом.

– Одним раундом разграбления Трентора? – Иоким Сарнс взглянул на уравнение, на которое указывал Джунс. Числа и символы на светящейся стене послушно увеличились – чтоб он мог лучше их видеть. – Да, похоже, что так, если данные, полученные из околопланетного пространства точны. Джилмер проделал такую колоссальную работу по разрушению Трентора, что на него вряд ли кто еще сунется. Во всяком случае, до окончания гражданских войн.

– Вероятность этого также очень мала, – сказал Джунс. – Смотрите. Шансы на то, что между двумя нападениями проходит чуть менее сорока лет, равны семидесяти процентам. А шанс, что планета подвергнется трем и более нападениям в течение столетия, равен, как минимум, пятнадцати процентам.

– Да, жить и работать теперь будет легче, – заметила Мариан Дрейбл. Зная, что мы хорошо защищены. Но с другой стороны, какая-нибудь шальная ракета... – и она содрогнулась.

– Определенный риск, конечно, есть. Но ничего не поделаешь, придется потерпеть, – заметил Сарнс. – Джилмер весьма уязвим, и всегда найдутся желающие отобрать у него то, что он отнял у Дейгоберта. Но в целом вероятность нанесения Трентору еще большего ущерба значительно снизилась. И будет снижаться дальше, по мере того как распространяется эта зараза, бесконечные разграбления, – и он выразительно растопырил пальцы, словно желая тем самым проиллюстрировать свое утверждение. Мариан Дрейбл кивнула в знак согласия.

– И если дело пойдет так и дальше, то Трентор можно исключить из сфер психохисторических интересов, а вместе с ним – и всю Галактическую Империю, сказал Эрджил Джунс.

– Первую Галактическую Империю, – мягко поправил его Иоким Сарнс.

– Да, конечно, – Джунс всегда очень спокойно относился к замечаниям и поправкам. – И мы можем нормально заниматься своим делом, подготовкой к созданию Второй Империи. И не таиться от любопытных и вездесущих имперских чиновников и агентов.

– Империя всегда будет одной из величайших для нас опасностей, сказала Мариан Дрейбл. – И нам нужно оставаться здесь, в самом ее сердце, чтоб защитить Первую Академию. А это сердце, если вы успели заметить, находится, фигурально выражаясь, прямо у них под носом. А они пока что ничего не замечают. Но может случиться непоправимое. Какой-нибудь враждебно настроенный комиссар безопасности может уничтожить нас до того, как мы успеем разработать аппарат по воздействию на их сознание.

– Вероятность существует. Но она пока что не слишком велика, поспешил заметить Эрджил Джунс.

– Вероятность, да, конечно. Но психосторики пока что не могут влиять на индивидуумов в достаточной степени. Равно как физики не могут со всей точностью определить, когда распадется атом радия, – упрямо возразила она. Утверждение ее было бесспорным, однако это возражение Джунс принял менее охотно, чем поправку Сарнса.

Сарнс примирительно заметил:

– Да будет вам. – Повинуясь его взгляду, первый слой светящейся доски сдвинулся и обнажил второй, что находился под ним. План Селдона. – Вот видите, мы входим в период консолидации. И вы, Эрджил и Мариан, совершенно справедливо заметили: Первая Империя мертва. А до создания новой, которая должна вырасти из Первой Академии и распространить свое влияние на эту часть Галактики, осталось еще несколько веков.

– На какое-то время путь свободен, – заметил Джунс. – И время тоже есть.

– Не слишком обольщайся, – буркнула Мариан Дрейбл.

– Мы всегда должны помнить о предупреждении, исходящем от Второй Академии, – сказал Иоким Сарнс. – Но, глядя на все эти математические выкладки, я склонен, пожалуй, согласиться с Эрджилом. Исключать, что может произойти нечто непредвиденное... ну, к примеру, что кто-то другой, а не мы, изобретет аппарат по воздействию на сознание, конечно, нельзя. Хотя, вроде бы пока мы идем правильным путем. И, – добавил он и улыбнулся, широко и даже немного самодовольно, – лично я ничего удивительного в том не вижу.

ТЕКСТ 6

РЕЙ БРЭДБЕРИ «ДЯДЮШКА ЭЙНАР»

Моему дяде не было равных. Он был мой любимый супердядя. Работал он в прачечной в Уокигане и жил на другом конце города. Он и его семейство были наши шведские родственники, и дядя посещал нас не реже раза в неделю – доставлял белье (стирали нам за полцены, поскольку дядя у них служил). Он входил через заднюю дверь, и, когда он пересекал порог, весь дом оглашался смехом. Веселый, громогласный, удивительный шведский дядюшка. И вот я сказал: «Что ж, он заслуживает крыльев». Я приладил ему крылья, и это мне ничего не стоило. Рассказ дяде понравился: ему я первому отнес журнал со свежей публикацией.

– Да у тебя на это всего одна минута уйдет, – настаивала миловидная супруга дядюшки Эйнара.

– Я отказываюсь, – ответил он. – На отказ секунды достаточно.

– Я все утро трудилась, – сказала она, потирая свою стройную спину, – а ты даже помочь не хочешь. Вон какая гроза собирается.

– И пусть собирается! – сердито воскликнул он. – Хочешь, чтобы меня из-за твоих простыней молния стукнула!

– Да ты успеешь, тебе ничего не стоит.

– Сказал – не буду, и все. – Огромные непромокаемые крылья дядюшки Эйнара нервно жужжали за его негодующей спиной.

Она подала ему тонкую веревку, на которой было подвешено четыре дюжины мокрых простынь. Он с отвращением покрутил веревку кончиками пальцев.

– До чего я дошел, – буркнул он с горечью. – До чего дошел, до чего...

Он едва не плакал злыми, едкими слезами.

– Не плачь, только хуже их намочишь, – сказала она. – Ну, скорей, покружись с ними.

– Покружись, покружись... – Голос у него был глухой и очень обиженный. – Тебе все равно, хоть бы ливень, хоть бы гром.

– Посуди сам: зачем мне просить тебя, если бы день был погожий, солнечный, – рассудительно возразила она. – А если ты откажешься, вся моя стирка насмарку. Разве что в комнатах развесить...

Эти слова решили дело. Больше всего на свете он ненавидел, когда поперек комнат, будто гирлянды, будто флаги, болтались–развевались простыни, заставляя человека ползать на карачках. Он подпрыгнул. Огромные зеленые крылья гулко хлопнули.

– Только до выгона и обратно!

Сильный взмах, прыжок, и – он взлетел, взлетел, рубя крыльями прохладный воздух, глядя его. Быстрее, чем вы бы произнесли: «У дядюшки Эйнара зеленые крылья», он скользнул над своим огородом, и длинная трепещущая петля простыней забила в гуле, в воздушной струе от его крыльев.

– Держи!

Круг закончен, и простыни, сухие, как воздушная кукуруза, плавно опустились на чистые одеяла, которые она заранее расстелила в ряд.

– Спасибо! – крикнула она.

Он буркнул в ответ что-то неразборчивое и улетел под яблоню думать свою думу.

Чудесные шелковистые крылья дядюшки Эйнара были словно паруса цвета морской волны, они громко шуршали и шелестели за его спиной, если он чихал или быстро оборачивался. Мало того, что он происходил из совершенно особой Семьи, его талант было видно простым глазом. Все его нечистое племя – братья, племянники и прочая родня, – укрывшись в глухих селениях за тридевять земель, творило там чары невидимые, всякую ворожбу, они порхали в небе блуждающими огоньками, рыскали по лесу лунно-белыми волками. Им, в общем-то, нечего было опасаться обычных людей. Не то что человеку, у которого большие зеленые крылья...

Но ненависти он к своим крыльям не испытывал. Напротив! В молодости дядюшка Эйнар по ночам всегда летал, ночь для крылатого самое дорогое время! День придет, опасность приведет – так уж заведено. Зато ночью! Ночью как он парил над островами облаков и морями летнего воздуха!.. В полной безопасности. Возвышенный, гордый полет, наслаждение, праздник души. Теперь он больше не мог летать по ночам.

Несколько лет назад, возвращаясь с пирушки (были только свои) в Меллантауне, штат Иллинойс, к себе домой на перевал где-то в горах Европы, дядюшка Эйнар почувствовал, что, кажется, перепил этого густого красного вина... «А, ничего, все будет в порядке», – произнес он заплетающимся языком, летя в начале своего долгого пути под утренними звездами, над убаюканными луной холмами за Меллантауном. Вдруг, как гром среди ясного неба... Высоковольтная передача.

Точно утка в силках! И скворчит огромная жаровня! И в злобном сиянии голубой дуги – почерневшее лицо! Невероятный, оглушительный взмах крыльев, он метнулся назад, вырвался из проволоочной хватки электричества и упал.

На лунную лужайку под опорой он упал с таким шумом, словно с неба обронули большую телефонную книгу.

Рано утром следующего дня дядюшка Эйнар поднялся на ноги, тяжелые от росы крылья лихорадочно дрожали. Было еще темно. Тонкий бинт рассвета опоясал восток. Скоро сквозь марлю проступит кровь, и уж тогда не полетишь.

Оставалось только укрыться в лесу и там, в чаще, переждать день, пока новая ночь не окрылит его для незримого полета в небесах.

Вот каким образом он встретил свою жену.

В тот день, необычно теплый для начала ноября в Иллинойсе, хорошенькая юная Брунилла Вексли, судя по всему, отправилась доить затерявшуюся корову. Во всяком случае, она держала в одной руке серебряный подойник и, пробираясь сквозь чащу, остроумно убеждала невидимую беглянку идти домой, пока вымя не лопнуло от молока. Тот факт, что корова, скорее всего, сама придет, как только ее соски соскучатся по пальцам доярки, Брунилле Вексли нисколько не занимал. Ей, Брунилле, лишь бы по лесу бродить, пух с цветочков сдувать да травинки жевать; этим она и была занята, когда набрела на дядюшку Эйнара.

Он крепко спал возле куста и походил на самого обыкновенного человека под зеленым пологом.

– О! – взволнованно воскликнула Брунилла. – Мужчина. В плащ-палатке.

Дядюшка Эйнар проснулся. Палатка раскрылась за его спиной, точно большой зеленый веер.

– О! – воскликнула Брунилла, коровий следопыт. – Мужчина с крыльями!

Вот как она реагировала. Разумеется, она оторопела, но Брунилла еще ни от кого в жизни не видела обиды, а потому никого не боялась, и ведь так интересно было встретить крылатого мужчину, ей это даже польстило. Она заговорила. Через час они уже были старыми друзьями, через два часа она совершенно забыла про его крылья. И он незаметно для себя все выложил, как очутился в этом лесу.

– Я уж и то заметила, что у вас вид какой-то пришибленный, – сказала она. – Правое крыло совсем скверно выглядит. Давайте-ка лучше я вас отведу к себе домой и подлечу его. Все равно с таким крылом вам до Европы не долететь. Да и кому охота в такое время жить в Европе?

Он сказал: спасибо, но нельзя... неудобно как-то.

– Ничего, я живу одна, – настаивала Брунилла. – Сами видите, какая я дурнушка.

Он пылко возразил.

– Вы добрый, – сказала она. – Но я дурнушка, зачем обманывать себя. Родные померли, оставили мне ферму, ферма большая, а я одна, и до Меллинтауна далеко, не с кем даже словечком перемолвиться.

Он спросил, неужели она его не боится.

– Скажите лучше: радуюсь, восхищаюсь... – ответила Брунилла. – Можно?

И она с легкой завистью погладила широкие зеленые перепонки, прикрывавшие его плечи. Он вздрогнул от прикосновения и прикусил язык.

– Словом, что тут говорить: пойдете на ферму, там есть лекарства и притирания и... Ой! Какой ожог через все лицо, ниже глаз! Счастье, что вы не ослепли, – сказала она. – Как же это случилось?

– Понимаете... – начал он, и они очутились на ферме, не заметив даже, что целую милю прошли, не сводя глаз друг с друга.

Прошел день, за ним другой, и он простился с ней у порога, пора и честь знать, от души поблагодарил за примочки, заботу, кров. Смеркалось – шесть часов вечера, – а ему до пяти утра надо успеть пересечь целый океан и материк.

– Спасибо, всего хорошего, – сказал он, взмахнул крыльями в сумеречном воздухе и врезался в клен.

– О! – вскричала она и бросилась к бесчувственному телу.

Придя в себя час спустя, дядюшка Эйнар уже знал, что ему больше никогда не летать в темноте. Его тончайшая ночная восприимчивость исчезла; крылатая телепатия, которая предупреждала, когда на пути вырастала башня, гора, дерево, дом, безошибочное ясновидение и чувствительность, которые вели его сквозь лабиринт лесов, скал, облаков, – все бесповоротно выжег этот удар по лицу, голубое, жгучее электрическое шипение...

– Как?... – тихо простонал он. – Как я вернусь в Европу? Если полечу днем, меня заметят и – жалкий анекдот! – могут сбить! А то еще в зоопарк поместят, страшно подумать! Брунилла, скажи, как мне быть?

– О, – прошептала она, глядя на свои руки, – что-нибудь придумаем...

Они поженились.

На свадьбу явилось все его племя. Они летели с могучей, шуршащей и шелестящей осенней лавиной кленовых, дубовых, вязовых и платановых листьев, сыпались вниз с ливнем каштанов, словно зимние яблоки глухо гукали оземь, мчались с ветром, с проникающим всюду дыханием уходящего лета. Обряд? Он был краток, как жизнь черной свечи, что зажгли и задули, и только вьется в воздухе тонкий дымок. Но ни

краткость обряда, ни странная его необычность, ни загадочный смысл не были замечены Брунилой, она всем существом слушала тихий рокот крыльев дядюшки Эйнара, далекий прибой, который подвел итог таинства. Что же до дядюшки Эйнара, то рана, перечеркнувшая его лицо, почти зажила, и, стоя под руку с Брунилой, он чувствовал, как Европа тает, исчезает и теряется вдали.

Ему не требовалось особенно хорошего зрения, чтобы взлететь прямо вверх и так же прямо опуститься. И не было ничего удивительного в том, что в свадебную ночь он поднял Брунилу на руки и взлетел с ней в небеса.

Фермер, живущий от них в пяти милях, глянул в полночь на низко плывущую тучу и приметил слабые вспышки, треск.

– Зарница, – решил он и пошел спать.

Они спустились только утром, вместе с росой.

Брак был удачный. Стоило ей взглянуть на него, и мысль о том, что она единственная в мире женщина, которая замужем за крылатым человеком, переполняла ее гордостью.

– Кто еще может сказать о себе так? – спрашивала Брунилла свое зеркало. И ответ гласил: – Никто!

А ему за ее внешностью открылась замечательная красота, великая доброта и понимание. Приноравливаясь к ее образу мыслей, он кое в чем изменил свой стол, в комнатах старался не очень размахивать крыльями; битая посуда да разбитые лампы были ему что нож острый, он держался от стекла подальше. И часы сна переменились, ведь он теперь все равно не летал по ночам. В свою очередь она приспособила стулья так, чтобы его крыльям было удобно, тут прибавила набивки, там убавила, а слова, которые она ему говорила, были теми словами, за которые он ее любил.

– Все мы в коконах скрыты, каждый в своем, – сказала она однажды. – Видишь, какая я дурнушка? Но настанет день, я выйду из кокона и расправлю крылья, такие же чудные и красивые, как твои.

– Ты уже давно вышла, – ответил он.

Она подумала над его словами и согласилась.

– Да... И я точно знаю, в какой день это было. В лесу, когда я искала корову, а нашла палатку!

Они рассмеялись, и в его объятиях она чувствовала себя такой прекрасной, что не сомневалась: замужество исторгло ее из некрасивой оболочки, точно сверкающий меч из ножен.

У них появились дети. Сперва возникло опасение (лишь у него), что они будут крылатые.

– Вздор, я только рада буду! – сказала она. – Не будут под ногами болтаться.

– Зато в твоих волосах запутаются! – воскликнул он.

– О!– ужаснулась она.

Родилось четверо, три мальчика и девочка, да такие непоседы, словно у них и впрямь были крылья. Росли они как грибы; не прошло и нескольких лет, как дети в жаркие летние дни упрашивали папу посидеть с ними под яблоней, сделать крыльями холодок и рассказать захватывающую дух сияющую сказку про острова облаков в океане небес, про химеры, которые лепит из тумана ветер, какой вкус у звездочки, тающей у тебя во рту, или у студеного горного воздуха, каково быть камнем, падающим с Эвереста, и в последний миг, расправив крылья– лепестки, у самой земли расцвести зеленым цветком.

Вот так сложился его брак.

И вот сегодня, шесть лет спустя, сидит дядюшка Эйнар под яблоней, сидит тоскует, раздражительный, злой. Не потому, что ему так хочется, а потому, что и столько времени спустя он не может летать в вольном ночном небе: его чудесное свойство так и не вернулось к нему. Сидит уныло, пригорюнившись – зеленый летний зонт, покинутый и забытый легкомысленными отпускниками, которые некогда искали убежища в его прозрачной тени. Неужто так и придется всегда сидеть, не смея днем расправить крылья в поднебесье – как бы кто не увидел? Неужто единственное, на что он способен, – быть бельесушкой для жены, веером для ребятшек в жаркий августовский полдень? Да, он и прежде всегда, выполнял поручения Семьи, летая быстрее ветра! Бумерангом проносился над горами и долами и пушинкой спускался на землю. У него всегда водились деньги: крылатому человеку бездельничать не дадут! А теперь? Горечь и боль! Его крылья забились, встряхнули воздух, получился какой-то скованный гром.

– Пап! – позвала маленькая Мег.

Дети стояли перед ним, глядя на его хмурое лицо.

– Пап, – сказал Рональд, – сделай еще гром!

– Сейчас еще холодно, март, а вот скоро будут и дожди, и вдоволь грома, – ответил дядюшка Эйнар.

– Пойдем с нами, посмотришь! – предложил Майкл.

– Да ну, побежали скорей! Пусть его сидит и мечтает!

Ему сейчас было не до любви, не до детей любви, не до любви детей. Он весь отдался мечте о небесах, поднебесной высоте, горизонтах, воздушных даях; будь то днем или ночью, при звездах, луне или солнце, облачно или ясно, – когда ни воспаришь, впереди – не догнать! – летят

небеса, горизонты, дали. А он... А он кружит над выгоном, у самой земли: не дай бог увидят... Прозябание в темной дыре!

– Март! Март! – пела Мег. – Мы на горку идем, пап, пошли с нами! Там даже из городка дети будут!

– На какую еще горку? – буркнул дядюшка Эйнар.

– На Змееву, какую же еще! – дружно откликнулись дети.

Он наконец посмотрел на них.

У каждого был в руках большой бумажный змей, и горящие нетерпением детские лица предвкушали шальную радость. Коротенькие пальцы сжимали мотки белой бечевки. Снизу у красно-сине-желто-зеленых змеев висели хвосты из тряпичных и шелковых лоскутков.

– Мы будем запускать наших змеев! – сказал Рональд. – Пойдешь с нами?

– Нет, – печально ответил он. – Нельзя, чтобы меня кто-нибудь увидел, могут быть неприятности.

– А ты спрячься в лесу за деревьями и смотри оттуда, – предложила Мег. – Мы сами сделали змеев, сами! Знаем, как делать!

– Откуда же вы знаете?

– Ты наш отец? – дружно крикнули дети. – Вот откуда!

Он долго глядел на них. Он вздохнул.

– Сегодня Праздник змеев?

– Да, папа.

– Я выиграю, – сказала Мег.

– Нет, я! – заспорил Майкл.

– Я, я! – запищал Стивен.

– Силы небесные! – воскликнул дядюшка Эйнар, подпрыгнув высоко в воздух, и крылья его загремели, будто громогласные литавры. – Дети! Мои дорогие, славные, обожаемые дети!

– Папа, что случилось? – Майкл даже попятился.

– Ничего, ничего, ничего! – распевал Эйнар.

Он расправил крылья, напряг их до предела, все силы собрал... Бамм! Точно исполинские медные тарелки! Дети даже упали от сильного вихря!

Нашел, нашел! Я снова вольная птица! Как искра в трубе! Как перышко на ветру! Брунилла! – Он повернулся к дому. – Брунилла!

Она вышла на его зов.

– Я свободен! – воскликнул он, приподнявшись на цыпочках, разругавшийся, высокий. – Слышишь, Брунилла, зачем мне ночь! Я могу летать днем! И ночь ни при чем! Теперь каждый день летать буду, круглый год! Господи, да что я время теряю. Смотри!

И на глазах у встревоженных домочадцев он оторвал у одного из змеев лоскутный хвост, привязал его себе к ремню сзади, схватил моток бечевки, один конец зажал в зубах, другой отдал детям – и полетел, полетел в небеса, подхваченный буйным мартовским ветром!

Через фермы, через луга, отпуская бечеву в светлое дневное небо, ликуя, спотыкаясь, бежали–торопились его дети, а Брунилла стояла на дворе, провожая их взглядом, и смеялась, и махала рукой, и видела, как ее дети прибежали на Змееву горку, как встали там, все четверо, держа бечевку нетерпеливыми гордыми пальцами, и каждый дергал, подтягивал, направлял... И все дети Меллинтауна прибежали со своими бумажными змеями, чтобы запустить их с ветром, и они увидели огромного зеленого змея, как он взмывал и парил в небесах, и закричали:

– О, о, какой змей! Какой змей! О, как мне хочется такого змея! Где, где вы его взяли?!

– Это наш папа сделал! – воскликнули Мег, и Майкл, и Стивен, и Рональд и лихо дернули бечевку, так что змей, жужжащий, рокочущий змей в небесах нырнул, и снова взмыл, и прямо на облаке начертил большой волшебный восклицательный знак!

ТЕКСТ 7

О. ГЕНРИ «ФАРАОН И ХОРАЛ»

Сопи заерзал на своей скамейке в Мэдисон-сквере. Когда стаи диких гусей тянутся по ночам высоко в небе, когда женщины, не имеющие котиковых манто, становятся ласковыми к своим мужьям, когда Сопи начинает ерзать на своей скамейке в парке, это значит, что зима на носу.

Желтый лист упал на колени Сопи. То была визитная карточка Деда Мороза; этот старик добр к постоянным обитателям Мэдисон-сквера и честно предупреждает их о своем близком приходе. На перекрестке четырех улиц он вручает свои карточки Северному ветру, швейцару гостиницы «Под открытым небом», чтобы постояльцы ее приготовились.

Сопи понял, что для него настал час учредить в собственном лице комитет для изыскания средств и путей к защите своей особы от надвигавшегося холода. Поэтому он заерзал на своей скамейке.

Зимние планы Сопи не были особенно честолюбивы. Он не мечтал ни о небе юга, ни о поездке на яхте по Средиземному морю со стоянкой в Неаполитанском заливе. Трех месяцев заключения на Острове – вот чего жаждала его душа. Три месяца верного крова и обеспеченной еды, в приятной компании, вдали от посягательства Борея и фараонов – для Сопи это был поистине предел желаний.

Уже несколько лет гостеприимная тюрьма на Острове служила ему зимней квартирой. Как его более счастливые сограждане покупали себе билеты во Флориду или на Ривьеру, так и Сопи делал несложные приготовления к ежегодному паломничеству на Остров. И теперь время для этого наступило.

Прошлой ночью три воскресных газеты, которые он умело распределил – одну под пиджак, другой обернул ноги, третьей закутал колени, не защитили его от холода: он провел на своей скамейке у фонтана очень беспокойную ночь, так что Остров рисовался ему желанным и вполне своевременным, приютом. Сопи презирал заботы, расточаемые городской бедноте во имя милосердия. По его мнению, закон был милостивее, чем филантропия. В городе имелась тьма общественных и частных благотворительных заведений, где он мог бы получить кров и пищу, соответствовавшие его скромным запросам. Но для гордого духа Сопи дары благотворительности были тягостны. За всякое благодеяние, полученное из рук филантропов, надо было платить если не деньгами, то унижением. Как у Цезаря был Брут, так и здесь каждая благотворительная койка была сопряжена с обязательной ванной, а каждый ломоть хлеба отравлен бесцеремонным залезанием в душу. Не лучше ли быть постояльцем тюрь-

мы? Там, конечно, все делается по строго установленным правилам, но зато никто не суется в личные дела джентльмена.

Решив, таким образом, отбыть на зимний сезон на Остров, Сопи немедленно приступил к осуществлению своего плана. В тюрьму вело много легких путей. Самая приятная дорога туда пролегла через ресторан. Вы заказываете себе в хорошем ресторане роскошный обед, наедаетесь до отвала и затем объявляете себя несостоятельным. Вас без всякого скандала передают в руки полисмена. Сговорчивый судья довершает доброе дело.

Сопи встал и, выйдя из парка, пошел по асфальтовому морю, которое образует слияние Бродвея и Пятой авеню. Здесь он остановился у залитого огнями кафе, где по вечерам сосредоточивается все лучшее, что может дать виноградная лоза, шелковичный червь и протоплазма.

Сопи верил в себя – от нижней пуговицы жилета и дальше вверх. Он был чисто выбрит, пиджак на нем был приличный, а красивый черный галстук бабочкой ему подарила в День Благодарения дама–миссионерша. Если бы ему удалось незаметно добраться до столика, успех был бы обеспечен. Та часть его существа, которая будет возвышаться над столом, не вызовет у официанта никаких подозрений. Жареная утка, думал Сопи, и к ней бутылка шабли. Затем сыр, чашечка черного кофе и сигара. Сигара за доллар будет в самый раз. Счет будет не так велик, чтобы побудить администрацию кафе к особо жестоким актам мщения, а он, закусив таким манером, с приятностью начнет путешествие в свое зимнее убежище.

Но как только Сопи переступил порог ресторана, наметанный глаз метрдотеля, сразу же приметил его потертые штаны и стоптанные ботинки. Сильные, ловкие руки быстро повернули его и бесшумно выставили на тротуар, избавив, таким образом, утку от уготованной ей печальной судьбы.

Сопи свернул с Бродвея. По-видимому, его путь на Остров не будет усеян розами. Что делать! Надо придумать другой способ проникнуть в рай.

На углу Шестой авеню внимание прохожих привлекали яркие огни витрины с искусно разложенными товарами. Сопи схватил булыжник и бросил его в стекло. Из-за угла начал сбегаться народ, впереди всех мчался полисмен. Сопи стоял, заложив руки в карманы, и улыбался на встречу блестящим медным пуговицам.

– Кто это сделал? – живо осведомился полисмен.

– А вы не думаете, что тут замешан я? – спросил Сопи, не без сарказма, но дружелюбно, как человек, приветствующий великую удачу.

Полисмен не пожелал принять Сопи даже как гипотезу. Люди, разбивающие камнями витрины магазинов, не ведут переговоров с представителями закона. Они берут ноги в руки. Полисмен увидел за полквартиры человека, бежавшего вдогонку за трамваем. Он поднял свою дубинку и помчался за ним. Сопи с омерзением в душе побрел дальше... Вторая неудача.

На противоположной стороне улицы находился ресторан без особых претензий. Он был рассчитан на большие аппетиты и тощие кошечки. Посуда и воздух в нем были тяжелые, скатерти и супы – жиденькие. В этот храм желудка Сопи беспрепятственно провел свои предосудительные сапоги и красноречивые брюки. Он сел за столик и проглотил бифштекс, порцию оладий, несколько пончиков и кусок пирога. А затем поведал ресторанному слуге, что он, Сопи, и самая мелкая никелевая монета не имеют между собой ничего общего.

– Ну, а теперь, – сказал Сопи, – живее! Позовите фараона. Будьте любезны, пошевеливайтесь: не заставляйте джентльмена ждать.

– Обойдешься без фараонов! – сказал официант голосом мягким, как сдобная булочка, и весело сверкнул глазами, похожими на вишенки в коктейле. – Эй, Кон, подсоби!

Два официанта аккуратно уложили Сопи левым ухом на бесчувственный тротуар. Он поднялся, сустав за суставом, как складная плотничья линейка, и счистил пыль с платья. Арест стал казаться ему радужной мечтой, Остров – далеким миражем. Полисмен, стоявший за два дома, у аптеки, засмеялся и дошел дальше.

Пять кварталов миновал Сопи, прежде чем набрался мужества, чтобы снова попытать счастья. На сей раз ему представился случай прямо–таки великолепный. Молодая женщина, скромно и мило одетая, стояла перед окном магазина и с живым интересом рассматривала тазики для бритвы и чернильницы, а в двух шагах от нее, опершись о пожарный кран, красовался здоровенный, сурового вида полисмен.

Сопи решил сыграть роль презренного и всеми ненавидимого уличного ловеласа. Приличная внешность намеченной жертвы и близость внушительного фараона давали ему твердое основание надеяться, что скоро он ощутит увесистую руку полиции на своем плече и зима на уютном островке будет ему обеспечена.

Сопи поправил галстук – подарок дамы–миссионерши, вытащил на свет божий свои непослушные манжеты, лихо сдвинул шляпу набекрень и направился прямо к молодой женщине. Он игриво подмигнул ей, крякнул, улыбнулся, откашлялся, словом – нагло пустил в ход все классические приемы уличного пристава. Уголкем глаза Сопи видел, что по-

лисмен пристально наблюдает за ним. Молодая женщина отошла на несколько шагов и опять предалась созерцанию тазиков для бритья. Сопи пошел за ней следом, нахально встал рядом с ней, приподнял шляпу и сказал:

– Ах, какая вы милашечка! Прогуляемся?

Полисмен продолжал наблюдать. Стоило оскорбленной молодой особе поднять пальчик, и Сопи был бы уже на пути к тихой пристани. Ему уже казалось, что он ощущает тепло и уют полицейского участка. Молодая женщина повернулась к Сопи и, протянув руку, схватила его за рукав.

– С удовольствием, Майк! – сказала она весело. – Пивком угостишь? Я бы я раньше с тобой заговорила, да фараон подсматривает.

Молодая женщина обвилась вокруг Сопи, как плющ вокруг дуба, и под руку с ней он мрачно проследовал мимо блюстителя порядка. Положительно, Сопи был осужден наслаждаться свободой.

На ближайшей улице он потряхнул свою спутницу и пустился наутек. Он остановился в квартале, залитом огнями реклам, в квартале, где одинаково легки сердца, победы и музыка. Женщины в мехах и мужчины в теплых пальто весело переговаривались на холодном ветру. Внезапный страх охватил Сопи. Может, какие-то злые чары сделали его неуязвимым для полиции? Он чуть было не впал в панику и дойдя до полисмента, величественно стоявшего перед освещенным подъездом театра, решил ухватиться за соломинку «хулиганства в публичном месте».

Во всю мочь своего охрипшего голоса Сопи заорал какую-то пьяную песню. Он пустился в пляс на тротуаре, вопил, кривлялся – всяческими способами возмущал спокойствие.

Полисмен покрутил свою дубинку, повернулся к скандалисту спиной и заметил прохожему:

– Это Йельский студент. Они сегодня празднуют свою победу над футбольной командой Хартфордского колледжа. Шумят, конечно, но это не опасно. Нам дали инструкцию не трогать их.

Безутешный Сопи прекратил свой никчемный фейерверк. Неужели ни один полисмен так и не схватит его за шиворот? Тюрьма на Острове стала казаться ему недоступной Аркадией. Он плотнее застегнул свой легкий пиджачок: ветер пронизывал его насквозь.

В табачной лавке он увидел господина, закуривавшего сигару от газового рожка. Свой шелковый зонтик он оставил у входа. Сопи перешагнул порог, схватил зонтик и медленно двинулся прочь. Человек с сигарой быстро последовал за ним.

– Это мой зонтик, – сказал он строго.

– Неужели? – нагло ухмыльнулся Сопи, прибавив к мелкой краже оскорбление. – Почему же вы не позовете полисмена? Да, я взял ваш зонтик. Так позовите фараона! Вот он стоит на углу.

Хозяин зонтика замедлил шаг. Сопи тоже. Он уже предчувствовал, что судьба опять сыграет с ним скверную шутку. Полисмен смотрел на них с любопытством.

– Разумеется, – сказал человек с сигарой, – конечно... вы... словом, бывают такие ошибки... я... если это ваш зонтик... надеюсь, вы извините меня... я захватил его сегодня утром в ресторане... если вы признали его за свой... что же... я надеюсь, вы...

– Конечно, это мой зонтик, – сердито сказал Сопи.

Бывший владелец зонтика отступил. А полисмен бросился на помощь высокой блондинке в пышном мантио: нужно было перевести ее через улицу, потому что за два квартала показался трамвай.

Сопи свернул на восток по улице, изуродованной ремонтом. Он со злобой швырнул зонтик в яму, осыпая проклятиями людей в шляпах и с дубинками. Он так хочет попасться к ним в лапы, а они смотрят на него, как на непогрешимого папу римского.

Наконец, Сопи добрался до одной из отдаленных авеню, куда суета и шум почти не долетали, и взял курс на Мэдисон-сквер. Ибо инстинкт, влекущий человека к родному дому, не умирает даже тогда, когда этим домом является скамейка в парке.

Но на одном особенно тихом углу Сопи вдруг остановился. Здесь стояла старая церковь с остроконечной крышей. Сквозь фиолетовые стекла одного из ее окон струился мягкий свет. Очевидно, органист остался у своего инструмента, чтобы проиграть воскресный хорал, ибо до ушей Сопи донеслись сладкие звуки музыки, и он застыл, прижавшись к завиткам чугунной решетки.

Взошла луна, безмятежная, светлая; экипажей и прохожих было немного; под карнизами сонно чирикали воробьи – можно было подумать, что вы на сельском кладбище. И хорал, который играл органист, приковал Сопи к чугунной решетке, потому что он много раз слышал его раньше – в те дни, когда в его жизни были такие вещи, как матери, розы, смелые планы, друзья, и чистые мысли, и чистые воротнички.

Под влиянием музыки, лившейся из окна старой церкви, в душе Сопи произошла внезапная и чудесная перемена. Он с ужасом увидел бездну, в которую упал, увидел позорные дни, недостойные желания, умершие надежды, загубленные способности и низменные побуждения, из которых слагалась его жизнь.

И сердце его забилося в унисон с этим новым настроением. Он внезапно ощутил в себе силы для борьбы со злодейкой–судьбой. Он выкарабкается из грязи, он опять станет человеком, он победит зло, которое сделало его своим пленником. Время еще не ушло, он сравнительно молод. Он воскресит в себе прежние честолюбивые мечты и энергично возьмется за их осуществление. Торжественные, но сладостные звуки органа произвели в нем переворот. Завтра утром он отправится в деловую часть города и найдет себе работу. Один меховщик предлагал ему как-то место возчика. Он завтра же разыщет его и попросит у него эту службу. Он хочет быть человеком. Он...

Сопи почувствовал, как чья-то рука опустилась на его плечо. Он быстро оглянулся и увидел перед собою широкое лицо полисмена.

– Что вы тут делаете? – спросил полисмен.

– Ничего, – ответил Сопи.

– Тогда пойдем, – сказал полисмен.

– На Остров, три месяца, – постановил на следующее утро судья.

ТЕКСТ 8

РЮНОСКЭ АКУТАГАВА «СЧАСТЬЕ»

Перед входом висела реденькая тростниковая занавеска, и сквозь нее все, что происходило на улице, было хорошо видно из мастерской. Улица, ведущая к храму Киемидзу, ни на минуту не оставалась пустой. Прошел бонза с гонгом. Прошла женщина в роскошном праздничном наряде. Затем – редкое зрелище – проехала тележка с плетеным камышовым верхом, запряженная рыжим быком. Все это появлялось в широких щелях тростниковой занавески то справа, то слева и, появившись, сейчас же исчезало. Не менялся только цвет самой земли на узкой улице, которую солнце в этот предвечерний час пригревало весенним теплом.

Молодой подмастерье, равнодушно глядевший из мастерской на прохожих, вдруг, словно вспомнив что-то, обратился к хозяину-гончару:

– А на поклонение к Каннон-сама по-прежнему народ так и валит.

– Да! – ответил гончар несколько недовольно, может быть оттого, что был поглощен работой. Впрочем, в лице, да и во всем облике этого забавного старичка с крошечными глазками и вздернутым носом злости не было ни капли. Одет он был в холщовое кимоно. А на голове красовалась высокая помятая шапка момиебоси, что делало его похожим на фигуру с картин прославленного в то время епископа Тоба.

– Сходить, что ли, и мне поклониться? А то никак в люди не выйду, просто беда.

– Шутишь...

– Что ж, привалило бы счастье, так и я бы уверовал. Ходить на поклонение, молиться в храмах – дело нетрудное, было бы лишь за что! Та же торговля – только не с заказчиками, а с богами и буддами.

Высказав это со свойственным его возрасту легкомыслием, молодой подмастерье облизнул нижнюю губу и внимательно обвел взглядом мастерскую.

В крытом соломой ветхом домике на опушке бамбуковой рощи было так тесно, что, казалось, стоит повернуться, и стукнешься носом о стену. Но зато, в то время как по ту сторону занавески шумела улица, здесь стояла глубокая тишина; словно под легким весенним ветром, обвевавшим красноватые глиняные тела горшков и кувшинов, все здесь оставалось неизменным давным-давно, уже сотни лет. И казалось, даже ласточки и те из года в год вьют свои гнезда под кровлей этого дома...

Старик промолчал, и подмастерье заговорил снова:

– Дедушка, ты на своем веку много чего и видал, и слышал. Ну как, и вправду Каннон–сама посылает людям счастье?

– Правда. В старину, слышал я, это часто бывало.

– Что бывало?

– Да коротко об этом не расскажешь. А начнешь рассказывать – вашему брату оно и не любопытно.

– Жаль, ведь и я не прочь уверовать. Если только привалит счастье, так хоть завтра...

– Не прочь уверовать? Или не прочь поторговать?

Старик засмеялся, и в углах его глаз собрались морщинки. Чувствовалось, что он доволен, – глина, которую он мял, стала принимать форму горшка.

– Помышлений богов – этого вам в ваши годы не понять.

– Пожалуй, что не понять, так вот я и спросил, дедушка.

– Да нет, я не о том, посылают ли боги счастье или не посылают.

Не понимаете, вы того, что именно они посылают – счастье или злосчастье.

– Но ведь если оно уже выпало тебе на долю, чего же тут не понять, счастье это или злосчастье?

– Вот этого–то вам как раз и не понять!

– А мне не так непонятно, счастье это или злосчастье, как вот эти твои разговоры.

Солнце клонилось к закату. Тени, падавшие на улицу, стали чуть длиннее. Таща за собой длинные тени, мимо занавески прошли две торговки с кадками на голове. У одной в руке была цветущая ветка вишни, вероятно – подарок домашним.

– Говорят, так было и с той женщиной, что теперь на Западном рынке держит лавку с пряжей.

– Вот я и жду не дождусь рассказа, дедушка!

Некоторое время оба молчали. Подмастерье, пощипывая бородку, рассеянно смотрел на улицу. На дороге что–то белело, точно блестящие ракушки: должно быть, облетевшие лепестки цветов с той самой ветки вишни.

– Не расскажешь, а, дедушка? – сонным голосом проговорил подмастерье, немного погодя.

– Ну ладно, так и быть, расскажу. Только это будет рассказ о том, что случилось давным–давно. Так вот...

С таким вступлением старик–гончар неторопливо начал свое повествование. Он говорил степенно, неторопливо, как может говорить только человек, не думающий о том, долог ли, короток ли день.

– Дело было лет тридцать–сорок тому назад. Эта женщина, тогда еще девица, обратилась с молитвой к этой самой Каннон–сама в храме Киемидзу. Просила, чтоб та послала ей мирную жизнь. Что ж, у нее как раз умерла мать, единственная ее опора, и ей стало трудно сводить концы с концами, так что молилась она не зря. Покойная ее мать раньше была жрицей в храме Хакусюя и одно время пользовалась большой славой, но с тех пор, как разнесся слух, что она знает с лисой, к ней никто почти больше не ходил. Она была моложавая, свежая, статная женщина, а при такой осанке – что там лиса, и мужчина бы...

– Я бы лучше послушал не о матери, а о дочери...

– Ничего, это для начала. Ну, когда мать умерла, девица одна своими слабыми руками никак не могла заработать себе на жизнь. До того дошло, что она, красивая и умная девушка, робела из–за своих лохмотьев даже в храме.

– Неужто она была так хороша?

– Да. Что нравом, что лицом – всем хороша. На мой взгляд, ее не стыдно было бы показать где угодно.

– Жаль, что давно это было! – сказал подмастерье, одергивая рукав своей полинялой синей куртки.

Старик фыркнул и не спеша продолжал свой рассказ. За домом в бамбуковой роще неумолчно пели соловьи.

– Двадцать один день она молилась в храме, и вот вечером в день окончания срока она вдруг увидела сон. Надо сказать, что среди молящихся, которые пришли на поклонение в этот храм, был один горбатый бонза, который весь день монотонно гнусавил какие-то молитвы. Вероятно, это на нее и подействовало, потому что, даже когда ее стало клонить ко сну, этот голос все еще неотвязно звучал у нее в ушах – точно под полом трещал сверчок... И вот этот звук вдруг перешел в человеческую речь, и она услышала: «Когда ты пойдешь отсюда, с тобой заговорит человек. Слушай, что он тебе скажет!»

Ахнув, она проснулась, – бонза все еще усердно читал свои молитвы. Впрочем, что он говорил – она, как ни старалась, разобрать не могла. В эту минуту она безотчетно подняла глаза и в тусклом свете неугасимых лампад увидела лик Каннон–сама. Это был давно почитаемый, величавый, проникновенный лик. И вот что удивительно: когда она взглянула на этот лик, ей почудилось, будто кто–то опять шепчет ей на ухо: «Слушай, что он тебе скажет!» И тут–то она сразу уверилась, что это ей возвестила Каннон–сама.

– Вот так так!

Когда совсем стемнело, она вышла из храма. Только она стала спускаться по пологому склону к Годзе, как в самом деле кто-то сзади схватил ее в объятия. Стоял теплый весенний вечер, но, к сожалению, было темно, и потому не видно было ни лица этого человека, ни его одежды. Только в тот миг, когда она пыталась вырваться, она задела его рукой за усы. Да, в неподходящее время это случилось – как раз в ночь окончания срока молений!

Она спросила его имя – имени он не назвал. Спросила, откуда он, – не ответил. Он твердил лишь одно: «Слушай, что я тебе скажу!» И, крепко обняв, тащил ее за собой вниз по дороге, все дальше и дальше. Хоть плачь, хоть кричи, – пора была поздняя, прохожих кругом никого, так что спасения не было.

– Ну, а потом?

– Потом он втащил ее в пагоду храма Ясакадэра, и там она провела ночь. Ну, а что там случилось, об этом мне, старику, говорить, пожалуй, незачем.

Старик засмеялся, и в углах его глаз опять собрались морщинки. Тени на улице стали еще длиннее. Легкий ветерок сбил к порогу рассыпанные лепестки цветов вишни, и теперь они белыми крапинками виднелись среди камней.

– Да чего уж там! – сказал подмастерье, словно что-то вспомнив, и опять принялся щипать бородку. – Что же, это все?

– Будь это все, не стоило бы и рассказывать. – Старик по-прежнему мял в руках горшок. – Когда рассвело, этот человек – должно быть, так уж судила ему судьба – сказал ей: «Будь моей женой!»

– Да ну?!

– Не будь у ней вещего сна – дело другое, ну а тут девушка подумала, что так угодно Каннон-сама, и потому утвердительно кивнула... Они для порядка обменялись чарками, и он со словами: «Это тебе для начала!» – вынес из глубины пагоды кое-что ей в подарок: десять кусков узорчатой ткани и десять кусков шелка. Да, такая штука тебе, как ни старайся, пожалуй, и не под силу!

Подмастерье усмехнулся и ничего не ответил. Словы больше не пели.

– Вскоре этот человек сказал ей: «Вернусь вечером!» – и торопливо куда-то ушел. Осталась она одна, и тоска одолела ее еще пуще. Какая она ни была умница, но после всего, что случилось, у нее, конечно, руки опустились. Тут, чтобы как-нибудь развлечься, она так, случайно, заглянула в глубь пагоды, – чего только там не было! Что парча или шелка! Там стояли бесчисленные ящики со всякими сокровищами – драгоценными

камнями, золотым песком. От всего этого даже у храброй девушки екнуло сердце.

«Всяко бывает, но раз уж у него такие сокровища, сомнения нет. Он либо вор, либо разбойник!»

До сих пор ей было только тоскливо, но от этой мысли стало вдобавок страшно, и она почувствовала, что больше здесь ей не выдержать ни минуты. В самом деле, если она попала в руки к преступнику, кто знает, что еще ждет ее впереди?

Решила она бежать и кинулась было к выходу, но вдруг из-за корзин кто-то ее хрипло окликнул. Само собой, она испугалась, – ведь она думала, что в пагоде нет ни души. Глядит – какое-то существо, не то человек, не то трепанг, сидит, свернувшись, между нагроможденными кругом мешками с золотым песком. Оказалось, это монахиня лет шестидесяти, сгорбленная, низенькая, вся в морщинах, с гноящимися глазами. Догадалась ли старуха, что задумала девушка, нет ли, только она вылезла из-за мешков и поздоровалась вкрадчивым голосом, какого нельзя было от нее ожидать, судя по ее виду. Особенно бояться было нечего, но девушка подумала, что, если она выдаст свое намерение убежать отсюда, будет худо, и потому волей-неволей облокотилась на ящик и нехотя повела обычный житейский разговор.

Старуха сообщила, что живет у этого человека в служанках. Но стоило девушке завести разговор о его ремесле, как старуха почему-то умолкала. Это тревожило девушку, к тому же монахиня была глуховата и сто раз переспрашивала одно и то же. Все это девушку расстроило чуть не до слез.

Так продолжалось до полудня. И вот пока беседовали они о том, что в Киемидзу распустились вишни, о том, что закончена постройка моста Годзе, монахиня задремала, должно быть, от старости. А может быть, это случилось оттого, что отвечала девушка довольно лениво. Тогда девушка, улучив минуту, тихонько подкралась к выходу, прислушалась к сонному дыханию старухи, приоткрыла дверь и выглянула наружу. На улице, к счастью, не было ни души.

Если бы она тут же и убежала, ничего бы дальше и не было, но она вдруг вспомнила об узорчатой ткани и о шелке, которые получила утром в подарок, и тихонько вернулась за ними к ящикам. И вот, споткнувшись о мешок с золотым песком, она нечаянно задела за колено старухи. Сердце у нее замерло. Монахиня испуганно открыла глаза и сначала никак не могла понять, что к чему, но затем вдруг как полоумная вцепилась ей в ноги. И, чуть не плача, что-то быстро забормотала. Из тех обрывков, которые улавливала девушка, только можно было понять, что если, мол, де-

вушка убежит, то ей, старухе, придется плохо. Но так как оставаться здесь было опасно, то девушка вовсе не склонна была прислушиваться к таким речам. Ну, тут они в конце концов и вцепились друг в друга.

Дрались. Лягались. Кидали друг в друга мешки с золотым песком. Такой подняли шум, что мыши чуть не попадали с потолочных балок. К тому же старуха дралась как бешеная, так что, несмотря на ее старческую немощь, совладать с ней было нелегко. И все же, должно быть, сказалась разница в летах. Когда вскоре после того девушка с узорчатой тканью и шелком под мышкой, задыхаясь, выбралась за дверь пагоды, монахиня осталась лежать недвижимой. Об этом девушка услышала уже потом – ее труп, с испачканным кровью носом, с ног до головы осыпанный золотым песком, лежал в полутемном углу, лицом вверх, точно она спала. Девушка же ушла из храма Ясакадэра и, когда наконец показались более населенные места, зашла к знакомому в Годзе-Кегоку. Знакомый этот тоже сильно нуждался, но, может быть потому, что она дала ему локоть шелка, принялся хлопотать по хозяйству: приготовил ванну, сварил кашу. Тут она впервые облегченно вздохнула.

– Да и я наконец успокоился!

Подмастерье вытащил из-за пояса веер и ловко раскрыл его, глядя сквозь занавеску на вечернее солнце. Только что между ним и заходящим диском солнца промелькнули с громким хохотом несколько похоронных факельщиков, а тени их еще тянулись по мостовой...

– Значит, на этом и делу конец?

– Однако, – старик покачал головой, – пока она сидела у знакомого, на улице вдруг поднялся шум и раздались злобные крики: поглядите, вот он, вот он! А так как девушка чувствовала себя замешанной в темное дело, у нее опять сжалось сердце. Вдруг тот вор пришел рассчитывать с ней? Или за ней гонится стража? От этих мыслей каша не лезла ей в горло.

– Да ну?

– Тогда она тихонько выглянула из щели приоткрытой двери: окруженные зеваками, торжественно шли пять-шесть стражников; их сопровождал начальник стражи. Они вели связанного мужчину в рваной куртке, без шапки. По-видимому, поймали вора и теперь тащили его, чтоб на месте выяснить дело.

Этот вор – уж не тот ли самый, что заговорил с ней вчера вечером на склоне Годзе? Когда она увидела его, ее почему-то стали душить слезы. Так она мне сама говорила, но это не значит, что она в него влюбилась, вовсе нет! Просто, когда она увидела его связанным, у нее сразу заще-

мило сердце, и она невольно расплакалась, вот как это было. И вправду, когда она мне рассказывала, я сам расстроился...

– Н-да...

– Так вот, прежде чем помолиться Каннон-сама, надо подумать!

– Однако, дедушка, ведь она после этого все-таки выбилась из бедности?

– Мало сказать «выбилась», она живет теперь в полном достатке. А все благодаря тому, что продала узорчатую ткань и шелк. Выходит, Каннон-сама сдержала свое обещание!

– Так разве нехорошо, что с ней все это приключилось?

Заря уже пожелтела и померкла. То там, то здесь еле слышно шелестел ветер в бамбуковой роще. Улица опустела.

– Убить человека, стать женой вора... на это надо решиться...

Засовывая веер за пояс, подмастерье встал. И старик уже мыл водой из кружки, выпачканные глиной руки. Оба они как будто чувствовали, что и в заходящем весеннем солнце, и в их настроении чего-то не хватает.

– Как бы там ни было, а она счастливица.

– Куда уж!

– Разумеется! Да дедушка и сам так думает.

– Это я-то? Нет уж, покорно благодарю за такое счастье.

– Вот как? А я бы с радостью взял.

– Ну так иди, поклонись Каннон-сама.

– Вот-вот. Завтра же засяду в храме!

ТЕКСТ 9

А. ЧЕХОВ «АПТЕКАРША»

Скоро рассвет.

Все давно уже уснуло. Не спит только молодая жена провизора Черномордика, содержателя N-ской аптеки. Она ложилась уже три раза, но сон упрямо не идет к ней – и неизвестно отчего. Сидит она у открытого окна, в одной сорочке, и глядит на улицу. Ей душно, скучно, досадно... так досадно, что даже плакать хочется, а отчего – опять-таки неизвестно. Какой-то комок лежит в груди и то и дело подкатывает к горлу... Сзади, в нескольких шагах от аптекарши, прикорнув к стене, сладко похрапывает сам Черномордик. Жадная блоха впиалась ему в переносицу, но он этого не чувствует и даже улыбается, так как ему снится, будто все в городе кашляют и непрерывно покупают у него капли датского короля. Его не разбудишь теперь ни уколами, ни пушкой, ни ласками.

Аптека находится почти у края города, так что аптекарше далеко видно поле... Она видит, как мало-помалу белеет восточный край неба, как он потом багровеет, словно от большого пожара. Неожиданно из-за отдаленного кустарника выползает большая, широколистая луна. Она красна (вообще луна, вылезая из-за кустов, всегда почему-то бывает ужасно сконфужена).

Вдруг среди ночной тишины раздаются чьи-то шаги и звяканье шпор. Слышатся голоса.

«Это офицеры от исправника в лагерь идут», – думает аптекарша.

Немного погодя показываются две фигуры в белых офицерских кителях: одна большая и толстая, другая поменьше и тоньше... Они лениво, нога за ногу, плетутся вдоль забора и громко разговаривают о чем-то. Поравнявшись с аптекой, обе фигуры начинают идти еще тише и глядят на окна.

– Аптекой пахнет...– говорит тонкий. – Аптека и есть! Ах, помню... На прошлой неделе я здесь был, касторку покупал. Тут еще аптекарь с кислым лицом и с ослиной челюстью. Вот, батенька, челюсть! Такой именно Самсон филистимлян избивал.

– М-да...– говорит толстый басом. – Спит фармация! И аптекарша спит. Тут, Обтесов, аптекарша хорошенькая.

– Видел. Мне она очень понравилась... Скажите, доктор, неужели она в состоянии любить эту ослиную челюсть? Неужели?

– Нет, вероятно, не любит, – вздыхает доктор с таким выражением, как будто ему жаль аптекаря. – Спит теперь мамочка за окошечком! Обтесов, а? Раскинулась от жары... ротик полуоткрыт..., и ножка с кровати

свесилась... Чай, болван аптекарь в этом добре ничего не смыслит... Ему небось, что женщина, что бутыл с карболкой – все равно!

– Знаете, что, доктор? – говорит офицер, останавливаясь. – Давайте-ка зайдём в аптеку и купим чего-нибудь! Аптекарьшу, быть может, увидим.

– Выдумал – ночью!

– А что же? Ведь они и ночью обязаны торговать. Голубчик, войдемте!

– Пожалуй...

Аптекарьша, спрятавшись за занавеску, слышит сиплый звонок. Оглянувшись на мужа, который храпит по-прежнему сладко и улыбается, она набрасывает на себя платье, надевает на босую ногу туфли и бежит в аптеку.

За стеклянной дверью видны две тени... Аптекарьша припускает огня в лампу и спешит к двери, чтобы отпереть, и ей уже не скучно, и не досадно, и не хочется плакать, а только сильно стучит сердце. Входят толстяк-доктор и тонкий Обтесов. Теперь уж их можно рассмотреть. Толстобрюхий доктор смугл, бородат и неповоротлив. При каждом малейшем движении на нем трещит китель и на лице выступает пот. Офицер же розов, безус, женоподобен и гибок, как английский хлыст.

– Что вам угодно? – спрашивает их аптекарьша, придерживая на груди платье.

– Дайте... э-э-э на пятнадцать копеек мятных лепешек!

Аптекарьша не спеша достает с полки банку и начинает вешать. Покупатели, не мигая, глядят на ее спину; доктор жмурится, как сытый кот, а поручик очень серьезен.

– Первый раз вижу, что дама в аптеке торгует, – говорит доктор.

– Тут ничего нет особенного... – отзывается аптекарьша, искоса поглядывая на розовое лицо Обтесова. – Муж мой не имеет помощников, и я ему всегда помогаю.

– Тэк-с... А у вас миленькая аптечка! Сколько тут разных этих... банок! И вы не боитесь вращаться среди ядов! Бррр!

– Дайте на десять копеек соды! – говорит доктор.

Аптекарьша опять, лениво и вяло двигаясь, протягивает руку к полке.

– Есть зельтерская вода?

– Есть, – отвечает аптекарьша.

– Bravo! Вы не женщина, а фея. Сочините-ка нам бутылочки три!

Аптекарьша торопливо запечатывает соду и исчезает в потемках за дверью.

– Фрукт! – говорит доктор, подмигивая. – Такого ананаса, Обтесов, и на острове Мадейре не сыщете. А? Как вы думаете? Однако... слышите храп? Это сам господин аптекарь изволят почивать.

Через минуту возвращается аптекарша и ставит на прилавок пять бутылок. Она только что была в погребе, а потому красна и немножко взволнована.

– Тсс... тише, – говорит Обтесов, когда она, раскупорив бутылку, роняет штопор. – Не стучите так, а то мужа разбудите.

– Ну, так что же, если и разбужу?

– Он так сладко спит... видит вас во сне... За ваше здоровье!

– И к тому же, – басит доктор, отрывая после сельтерской, – мужья такая скучная история, что хорошо бы они сделали, если бы всегда спали. Эх, к этой водице да винца бы красненького.

– Чего еще выдумали! – смеется аптекарша.

– Великолепно бы! Жаль, что в аптеках не продают спиритуозов! Впрочем, вы ведь должны продавать вино как лекарство. Есть у вас *vinum gallicum rubrum*?

– Есть.

– Ну вот! Подавайте нам его! Черт его подери, тащите его сюда!

– Сколько вам?

– *Quantum satis!*.. Сначала вы дайте нам в воду по унции, а потом мы увидим... Обтесов, а? Сначала с водой, а потом уже *per se*...

Доктор и Обтесов присаживаются к прилавку, снимают фуражки и начинают пить красное вино.

– А вино, надо сознаться, препаскуднейшее! *Vinum plochissimum*. Впрочем, в присутствии... э–э–э... оно кажется нектаром. Вы восхитительны, сударыня! Целую вам мысленно ручку.

– Я дорого дал бы за то, чтобы сделать это не мысленно! – говорит Обтесов. – Честное слово! Я отдал бы жизнь!

– Это уж вы оставьте...– говорит госпожа Черномордик, вспыхивая и делая серьезное лицо.

– Какая, однако, вы кокетка! – тихо хохочет доктор, глядя на нее исподлобья, плутовски. – Глазенки так и стреляют! Пиф! паф! Поздравляю: вы победили! Мы сражены!

– Вы бы, офицеры, почаще в город из лагерей приходили, – говорит она, – а то тут ужас какая скука. Я просто умираю.

«В глушь! в Саратов!» Однако нам пора. Очень рад познакомиться... весьма! Сколько с нас следует?

Аптекарша поднимает к потолку глаза и долго шевелит губами.

– Двенадцать рублей сорок восемь копеек! – говорит она.

Обтесов вынимает из кармана толстый бумажник, долго роется в пачке денег и расплачивается.

– Ваш муж сладко спит... видит сны...– бормочет он, пожимая на прощанье руку аптекарши.

– Я не люблю слушать глупостей...

– Какие же глупости? Наоборот... это вовсе не глупости... Даже Шекспир сказал: «Блажен, кто смолоду был молод!»

– Пустите руку!

Наконец покупатель, после долгих разговоров, целуют у аптекарши ручку и нерешительно, словно раздумывая, не забыли ли они чего–нибудь, выходят из аптеки.

Сердце у нее стучит, в висках тоже стучит, а отчего – она и сама не знает... Бьется сердце сильно, точно те двое, шепчась там, решают ее участь.

Минут через пять доктор отделяется от Обтесова и идет дальше, а Обтесов возвращается. Он проходит мимо аптеки раз, другой... То остановится около двери, то опять зашагает... Наконец осторожно звякает звонок.

– Что? Кто там? – вдруг слышит аптекарша голос мужа. – Там звонят, а ты не слышишь! – говорит аптекарь строго. – Что за беспорядки!

Он встает, надевает халат и, покачиваясь в полусне, шлепая туфлями, идет в аптеку.

– Чего... вам? – спрашивает он у Обтесова.

– Дайте... дайте на пятнадцать копеек мятных лепешек.

С бесконечным сопеньем, зевая, засыпая на ходу и стуча коленями о прилавок, аптекарь лезет на полку и достает банку...

Спустя две минуты аптекарша видит, как Обтесов выходит из аптеки и, пройдя несколько шагов, бросает на пыльную дорогу мятные лепешки. Из–за угла навстречу ему идет доктор... Оба сходятся и, жестикулируя руками, исчезают в утреннем тумане.

– Как я несчастна! – говорит аптекарша, со злобой глядя на мужа, который быстро раздевается, чтобы опять улечься спать. – О, как я несчастна! – повторяет она, вдруг заливаясь горькими слезами. –И никто, никто не знает...

– Я забыл пятнадцать копеек на прилавке, – бормочет аптекарь, укрываясь одеялом. – Спрячь, пожалуйста, в конторку...

И тотчас же засыпает.

ТЕКСТ 10

А. АЗИМОВ «ВСЕГО ОДИН КОНЦЕРТ»

У меня есть приятель, который иногда намекает, что умеет вызывать духов из бездны.

По крайней мере, как он утверждает, одного духа – очень маленького и со строго ограниченными возможностями. Об этом он, впрочем, заговаривает не раньше четвертого бокала шотландского с содовой. Здесь очень важно поймать точку равновесия: три – он слыхом не слыхивал ни о чем спиритическом (кроме виски и джина), пять – и он уже спит.

В тот вечер мне казалось, что он как раз вышел на нужный уровень, и я его спросил:

– Вы помните, Джордж, о вашем спиритусе?

– Мм? – Джордж устался на свой стакан, пытаясь понять, что именно о нем он мог забыть.

– Не винный спирт, Джордж, а тот дух, помните – два сантиметра ростом, которого вы вроде бы вызывали из какого-то другого места, где он якобы существует. Ну, тот, со сверхъестественными возможностями.

– А, – сказал Джордж, – это Азazel. Конечно, его зовут не так, но настоящее его имя, боюсь, не произнести, так я его зову этим. Помню его.

– Вы часто его используете?

– Нет. Опасно. Слишком опасно, всегда есть соблазн поиграть с этой силой. Сам я весьма осторожен, вдвойне осторожен. Но я, как вы знаете, человек высокой этики и вот однажды почувствовал, как сострадание призывает меня помочь своему другу. Но что из этого вышло! Даже сейчас мучительно вспоминать.

– А что случилось?

– Может быть, я должен с кем-то разделить этот груз, лежащий на моей душе, – задумчиво сказал Джордж. – Нарыв должен прорваться...

Я был много моложе в те времена (так говорил Джордж), в том возрасте, когда женщины составляют значительную часть жизни. Теперь, оглядываясь назад, понимаешь, что это глупо, но тогда, я помню, очень было небезразлично, какая именно женщина будет рядом.

На самом деле ты просто запускаешь руку в мешок, да и вытащить оттуда примерно одно и то же, но в те года...

Был у меня друг по имени Мортенсон – Эндрю Мортенсон. Вы вряд ли его знаете. Я его и сам последние годы не очень часто вижу.

Дело было в том, что он сходил с ума по одной женщине – одной вполне определенной женщине. Она была ангелом. Он жить без нее не мог. Она была единственной в мире, и вся вселенная без нее была просто

куском грязи в нефтяной луже. Ну, известно, какую чушь несут влюбленные.

Беда же была в том, что она дала ему окончательную и очевидную отставку, и сделала это в исключительно грубой форме, никак не стараясь пощадить его самолюбие. Она его продуманно унизила, уйдя с другим прямо на его глазах, щелкнув пальцами у него перед носом и бессердечно рассмеявшись в ответ на его слезы.

Я не утверждаю, что все эти действия совершались буквально. Я просто передаю его переживания, которыми он со мной поделился. Мы тогда сидели и выпивали вот в этой самой комнате. Мое сердце обливалось кровью от сострадания, и я сказал ему:

– Мортенсон, вы меня простите, но не надо воспринимать это так трагически. Попробуйте рассудить здраво – в конце концов, она всего только женщина, каких тысяча в день проходит мимо этого окна.

Он горько ответил:

– Друг мой, не будет отныне женщин в моей жизни ни одной – кроме моей жены, общения с которой не всегда удастся избежать. Но этой я бы хотел как-то отплатить.

– Жене? – спросил я.

– Да нет, с чего бы это я решил ей платить? Я имею в виду ту, что бросила меня столь бессердечно.

– Отплатить – как именно?

«– А черт меня побери, если я знаю», – сказал он.

«– Может быть, я смогу помочь», – сказал я, ибо сердце мое все еще обливалось кровью сострадания. – Я могу воспользоваться услугами духа, обладающего сверхъестественной силой. Маленького, конечно, духа – я развел пальцы на пару сантиметров, давая понятие о его размере, – который и может сделать не больше, чем столько.

Я рассказал ему про Азазела, и он, разумеется, поверил. Я часто замечал, что мои рассказы весьма убедительны. Когда вы, старина, что-нибудь рассказываете, дух недоверия стоит такой густой, хоть топор вешай. Со мной по-другому. Нет ничего дороже репутации правдивого человека и честного, прямодушного вида.

Да, так я ему рассказал, и у него глаза заблестели. Он спросил, может ли демон устроить ей то, что он попросит.

– Только если это приемлемо, старина. Я надеюсь, у вас нет на уме ничего такого, как, например, заставить ее плохо пахнуть или чтобы у нее изо рта при разговоре выпрыгивала жаба.

«– Конечно, нет», – сказал он с отвращением. – За кого вы меня принимаете? Она подарила мне два счастливых года, и я хочу ей сделать подарок не хуже. У вашего духа, говорите, ограниченные возможности?

«– Он – маленькое существо», – сказал я и снова показал пальцами.

– Может он дать ей совершенный голос? Хотя бы на время? Хотя бы на одно выступление?

– Я его спрошу.

Предложение Мортенсона звучало в высшей степени по-джентльменски. Его экс-симпатия пела кантаты, если я правильно называю это занятие, в местной церкви. В те дни у меня был прекрасный музыкальный слух, и я часто посещал подобные концерты (стараясь, конечно, держаться подальше от кружки для пожертвований). Мне нравилось, как она поет, да и публика принимала ее достаточно вежливо. Я в те времена считал, что ее нравственность несколько не соответствовала обстановке, но Мортенсон говорил, что для сопрано допускаются исключения.

Итак, я обратился к Азазелу. Он охотно взялся помочь, без этих дурацких штучек насчет того, чтобы отдать ему взамен душу. Помню, я его однажды спросил, не нужна ли ему моя душа, и оказалось, что он даже не знает, что это такое. Он спросил меня, что я имею в виду, и выяснилось, что я тоже не знаю. Дело в том, что в своем мире он настолько мелкая сошка, что для него большим успехом является сам факт переброски своей массы в нашу вселенную. Он просто любит помогать.

Азazel ответил, что может это устроить на три часа, а когда я передал ответ Мортенсону, тот сказал, что это будет великолепно. Мы выбрали тот вечер, в который она должна была петь Баха, или Генделя, или кого-то из этих старых композиторов и где ей полагалось долгое впечатляющее соло.

Мортенсон тем вечером направился в церковь, а я, конечно, пошел с ним. Я чувствовал себя ответственным за то, что должно было произойти, и хотел как следует понаблюдать за ситуацией.

Мортенсон мрачно заявил:

– Я был на репетициях. Она пела, как всегда – как будто у нее есть хвост и кто-то на него все время наступает.

Раньше он описывал ее голос несколько иначе. Музыка сфер, варивал он при случае, и самых горних сфер. Правда, она его бросила, а это иногда приводит к смене критериев.

Я строго посмотрел на него:

– Так не отзываются о женщине, которой собираются поднести столь бесценный дар

– Не говорите ерунды. Я действительно хочу, чтобы ее голос стал совершенным. Воистину совершенным. И теперь, когда с моих глаз спала пелена влюбленности, я понимаю – ей есть куда расти, и долго. Как вы думаете, ваш дух даст ей этот голос?

– Изменение не должно начаться ранее 20.15. – Меня пронзил холодок подозрения. – Вы хотите, чтобы совершенство пришлось на репетицию, а на публике – разочарование и фиаско?

– Вы ничего не поняли, – ответил он.

Они начали чуть раньше, и когда она вышла в своем концертном платье, мои старые карманные часы, которые никогда не ошибались больше чем на две секунды, показывали 20.14. Она была не из этих субтильных сопрано – в ее щедрой конструкции было предусмотрено достаточно места для такого резонанса на высоких нотах, который топит звук всего оркестра. Когда она забирала несколько галлонов воздуха и пускала его в дело, мне через несколько слоев текстиля было видно, что Мортенсон в ней нашел.

Она начала на своем обычном уровне, но ровно в 20.15 как будто добавился другой голос. Я увидел, как она аж подпрыгнула, не веря своим ушам, и рука, прижатая к диафрагме, задрожала.

Голос воспарил. Как будто у нее в груди был божественный орган совершеннейшей настройки. Каждая нота была совершенством, впервые рожденным в сию минуту, а все другие ноты той же высоты и тона – лишь бледные копии.

Каждая нота шла с нужным вибрато (если это правильное слово), разрастаясь или сжимаясь с неведомой прежде силой и мастерством. И с каждой нотой все лучше и лучше пела певица. Органист оторвался от нот и смотрел на нее, и – я не могу поклясться, но мне показалось – он бросил играть. Но если он и играл, я его не слышал. Когда пела она, никто бы ничего не услышал, ничего, кроме ее голоса.

Выражение удивления на ее лице сменилось экзальтацией. Ноты, которые она держала в руках, опустились: они не были нужны. Голос пел сам по себе, и ей даже не нужно было его направлять или командовать. Дирижер застыл, а весь хор онемел.

Соло кончилось, и голос вступившего хора показался шепотом, как будто хористы стыдились своих голосов и того, что они должны были звучать в той же церкви и в тот же вечер.

Остальная часть программы принадлежала ей. Когда она пела, только она и была слышна, даже если звучали голоса других. Когда она не пела, мы как бы погружались в темноту, и невыносимо было отсутствие света. А когда все кончилось – да, я знаю, в церкви не хлопают, но в тот

вечер хлопали. Все, кто там был, встали как один, будто их, как марионеток, вздернула невидимая нить, и аплодисменты длились и длились, и было ясно, что так они будут хлопать всю ночь и перестанут, лишь если она снова запоеет.

И она запела, и ее одинокий голос звучал на фоне шепчущего органа, и луч прожектора выхватил ее из тьмы световым пятном, и не было видно никого из хора – только ее.

Свобода и легкость. Вы не можете себе представить, как свободно, без малейшего усилия, лился ее голос. Я чуть уши себе не вывихнул, пытаюсь поймать момент, когда она вдохнет, понять, сколько она может держать одну ноту на полной силе голоса, имея только одну пару легких. Но это должно было кончиться – и кончилось. Даже аплодисменты стихли. И только тогда заметил я, как блестят глаза у Мортенсона рядом со мной и как всем своим существом он ушел в ее поющий голос. И только тогда начал я понимать, что сейчас произошло.

В конце концов, я-то прям, как эвклидова прямая, и с моим прямодушием я никак не мог предвидеть, что он задумал. А вы, друг мой, настолько извилисты, что можете без единого поворота туловища взойти по винтовой лестнице, и по вашей кривой ухмылке я вижу, что вы уже догадались.

Это было, как если бы она была слепой от рождения и ровно на три часа обрела зрение, увидела формы и цвета удивительного окружающего нас мира, на который мы уже не обращаем внимания, потому что привыкли. Вот представьте себе, что увидели вы весь мир во всей славе его на три часа – и ослепли снова навеки!

Легко выносить слепоту, если не знал ничего другого. Но прозреть на три часа и снова ослепнуть? Этого не вынесет никто.

Конечно, эта женщина уже никогда не пела вновь. Но это еще не все. Настоящая трагедия постигла нас – каждого из публики. В течение трех часов мы слушали совершенную, понимаете – совершенную музыку, как вы думаете, можем ли мы после этого слушать что-то другое?

Мне с тех пор словно медведь на ухо наступил. Вот недавно я тут пошел на один из этих рок-фестивалей, что нынче так популярны, просто чтобы себя проверить. Так вы не поверите, но я не мог разобрать ни одного мотива. Для меня это все как шум.

Одно мое утешение – Мортенсон, который слушал внимательнее всех и сосредоточеннее всех, ему и досталось больше всех, теперь он носит ушные затычки, потому что не переносит никакого звука громче шепота. Так ему и надо!

ТЕКСТ 11

ДЖЕРОМ СЭЛИНДЖЕР «ХОРОШО ЛОВИТСЯ РЫБКА–БАНАНКА»

В гостинице жили девяносто семь нью-йоркцев, агентов по рекламе, и они так загрузили междугородный телефон, что молодой женщине из 507-го номера пришлось ждать полдня, почти до половины третьего, пока ее соединили. Но она не теряла времени зря. Она прочла статейку в женском журнальчике – карманный формат! – под заглавием «Секс – либо радость, либо – ад!». Она вывела пятнышко с юбки от бежевого костюма. Она переставила пуговку на готовой блузке. Она выщипнула два волосика, выросшие на родинке. И когда телефонистка наконец позвонила, она, сидя на диванчике у окна, уже кончала покрывать лагом ногти на левой руке.

Но она была не из тех, кто бросает дело из-за какого-то телефонного звонка. По ее виду можно было подумать, что телефон так и звонил без перерыва с того дня, как она стала взрослой.

Телефон звонил, а она наносила маленькой кисточкой лак на ноготь мизинца, тщательно обводя лунку. Потом завинтила крышку на бутылочке с лаком и, встав, помахала в воздухе левой, еще не просохшей рукой. Другой, уже просохшей, она взяла переполненную пепельницу с диванчика и перешла с ней к ночному столику – телефон стоял там. Сев на край широкой, уже оправленной кровати, она после пятого или шестого сигнала подняла телефонную трубку.

– Алло, – сказала она, держа поодаль растопыренные пальчики левой руки и стараясь не касаться ими белого шелкового халатика, – на ней больше ничего, кроме туфель, не было – кольца лежали в ванной.

– Да Нью-Йорк, миссис Гласс, – сказала телефонистка.

– Хорошо, спасибо, – сказала молодая женщина и поставила пепельницу на ночной столик.

Послышался женский голос:

– Мюриель? Это ты?

Молодая особа отвела трубку от уха:

– Да, мама. Здравствуй, как вы все поживаете?

– Безумно за тебя волнуюсь. Почему не звонила? Как ты, Мюриель?

– Я тебе пробовала звонить и вчера, и позавчера вечером. Но телефон тут...

– Ну, как ты, Мюриель?

Мюриель еще немного отодвинула трубку от уха:

– Чудесно. Только жара ужасающая. Такой жары во Флориде не было уже...

– Почему ты не звонила? Я волновалась, как...

– Мамочка, милая, не кричи на меня, я великолепно тебя слышу. Я пыталась дозвониться два раза. И сразу после...

– Я уже говорила папе вчера, что ты, наверно, будешь вечером звонить. Нет, он все равно... Скажи, как ты, Мюриель? Только правду!

– Да все чудесно. Перестань спрашивать одно и то же...

– Когда вы приехали?

– Не помню. В среду утром, что ли.

– Кто вел машину?

– Он сам, – ответила дочь. – Только не ахай. Он правил осторожно. Я просто удивилась.

– Он сам правил? Но, Мюриель, ты мне дала честное слово...

– Мама, я же тебе сказала, – перебила дочь, – он правил очень осторожно. Кстати, не больше пятидесяти в час, ни разу...

– А он не фокусничал – ну, помнишь, как тогда, с деревьями?

– Мамочка, я же тебе говорю – он правил очень осторожно. Перестань, пожалуйста. Я его просила держаться посреди дороги, и он послушался, он меня понял. Он даже старался не смотреть на деревья, видно было, как он старается. Кстати, папа уже отдал ту машину в ремонт?

– Нет еще. Запросили четыреста долларов за одну только...

– Но, мамочка, Симор обещал папе, что он сам заплатит. Не понимаю, чего ты...

– Посмотрим, посмотрим. А как он себя вел в машине и вообще?

– Хорошо! – сказала дочь.

– Он тебя не называл этой ужасной кличкой?..

– Нет. Он меня зовет по-новому.

– Как?

– Да не все ли равно, мама!

– Мюриель, мне необходимо знать. Папа говорил...

– Ну ладно, ладно! Он меня называет «Святой бродяжка выпуска 1948 года», – сказала дочка и засмеялась.

– Ничего тут нет смешного, Мюриель. Абсолютно не смешно. Это ужасно. Нет, это просто очень грустно. Когда подумаешь, как мы...

– Мама, – прервала ее дочь, – погоди, послушай. Помнишь ту книжку, он ее прислал мне из Германии? Помнишь, какие-то немецкие стихи? Куда я ее девала? Ломаю голову и не могу...

– Она у тебя.

– Ты уверена?

– Конечно. То есть она у меня. У Фредди в комнате. Ты ее тут оставила, а места в шкафу... В чем дело? Она ему нужна?

– Нет. Но он про нее спрашивал по дороге сюда. Все допытывался – читала я ее или нет.

– Но книга н_е_м_е_ц_к_а_я!

– Да, мамочка. А ему все равно, – сказала дочь и закинула ногу на ногу. – Он говорит, что стихи написал единственный великий поэт нашего века. Он сказал: надо было мне хотя бы достать перевод. Или выучить немецкий – вот, пожалуйста!

– Ужас. Ужас! Нет, это так грустно... Папа вчера говорил...

– Одну секунду, мамочка! – сказала дочь. Она пошла к окну – взять сигареты с диванчика, закурила и снова села на кровать. – Мама? – сказала она, выпуская дым.

– Мюриель, выслушай меня внимательно.

– Слушаю.

– Папа говорил с доктором Сиветским...

– Ну? – сказала дочь.

– Он все ему рассказал. По крайней мере, так он мне говорит, но ты знаешь папу. И про деревья. И про историю с окошком. И про то, что он сказал бабушке, когда она обсуждала, как ее надо будет хоронить, и что он сделал с этими чудными цветными открыточками, помнишь, Бермудские острова, словом, про все.

– Ну? – сказала дочь.

– Ну и вот. Во-первых, он сказал – сущее преступление, что военные врачи выпустили его из госпиталя, честное слово! Он определенно сказал папе, что не исключено, никак не исключено, что Симор совершенно может потерять способность владеть собой. Честное благородное слово.

– А здесь в гостинице есть психиатр, – сказала дочь.

– Кто? Как фамилия?

– Не помню. Ризер, что ли. Говорят, очень хороший врач.

– Ни разу не слыхала!

– Это еще не значит, что он плохой.

– Не дерзи мне, Мюриель, пожалуйста! Мы ужасно за тебя волнуемся. Папа даже хотел дать тебе вчера телеграмму, чтобы ты вернулась домой, и потом...

– Нет, мамочка, домой я пока не вернусь, успокойся!

– Мюриель, честное слово, доктор Сиветский сказал, что Симор может окончательно потерять...

– Мама, мы только что приехали. За столько лет я в первый раз по-настоящему отдыхаю, не стану же я хватать вещички и лететь домой. Да я и не могла бы сейчас ехать. Я так обожглась на солнце, что еле хожу.

– Ты обожглась? И сильно? Отчего же ты не мазалась «Бронзовым кремом» – я тебе положила в чемодан? Он в самом...

– Мазалась, мазалась. И все равно сожглась.

– Вот ужас! Где ты обожглась?

– Вся, мамочка, вся, с ног до головы.

– Вот ужас!

– Ничего, выживу.

– Скажи, а ты говорила с этим психиатром?

– Да, немножко.

– Что он сказал? И где в это время был Симор?

– В Морской гостиной, играл на рояле. С самого приезда он оба вечера играл на рояле.

– Что же сказал врач?

– Ничего особенного. Он сам заговорил со мной. Я сидела рядом с ним – мы играли в «бинго», и он меня спросил – это ваш муж играет на рояле в той комнате? Я сказала да, и он спросил – не болел ли Симор недавно? И я сказала...

– А почему он вдруг спросил?

– Не знаю, мам. Наверно, потому, что Симор такой бледный, худой. В общем после «бинго» он и его жена пригласили меня что-нибудь выпить. Я согласилась. Жена у него чудовище. Помнишь то жуткое вечернее платье, мы его видели в витрине у Бонуита? Ты еще сказала, что для такого платья нужна тоненькая–претоненькая...

– То, зеленое?

– Вот она и была в нем! А бедра у нее! Она все ко мне приставала – не родня ли Симор той Сюзанне Гласс, у которой мастерская на Мэди-сон-авеню – шляпы!

– А он то что говорил? Этот доктор?

– Да так, ничего особенного. И вообще мы сидели в баре, шум ужасный.

– Да, но все-таки ты ему сказала, что он хотел сделать с бабусиным креслом?

– Нет, мамочка, никаких подробностей я ему не рассказывала. Но может быть, удастся с ним еще поговорить. Он целыми днями сидит в баре.

– А он не говорил, что может так случиться – ну в общем, что у Симора появятся какие-нибудь странности? Что это для тебя _о_п_а_с_н_о?

– Да нет, – сказала дочь. – Видишь ли, мам, для этого ему нужно собрать всякие данные. Про детство и всякое такое. Я же сказала – мы почти не разговаривали: в баре стоял ужасный шум.

– Ну что ж... А как твое синее пальтишко?

– Ничего. Прокладку из-под плеч пришлось вынуть.

– А как там вообще одеваются?

– Ужасающе. Ни на что не похоже. Всюду блески – бог знает, что такое.

– Номер у вас хороший?

– Ничего. Вполне терпимо. Тот номер, где мы жили до войны, нам не достался, – сказала дочь. – Публика в этом году жуткая. Ты бы посмотрела, с кем мы сидим рядом в столовой. Прямо тут же, за соседним столиком. Вид такой, будто они приехали на грузовике.

– Сейчас везде так. Юбочку носишь?

– Она слишком длинная. Я же тебе говорила.

– Мюриель, ответь мне в последний раз – как ты? Все в порядке?

– Да, мамочка, да! – сказала дочка. – В сотый раз – да!

– И тебе не хочется домой?

– Нет, мамочка, нет!

– Папа вчера сказал, что он готов дать тебе денег, чтобы ты уехала куда-нибудь одна и все хорошенько обдумала. Ты могла бы совершить чудесное путешествие на пароходе. Мы оба думаем, что тебе...

– Нет, спасибо, – сказала дочь и села прямо. – Мама, этот разговор влетит в...

– Только подумать, как ты ждала этого мальчишку всю войну, то есть только подумать, как все эти глупые молодые жены...

– Мамочка, давай прекратим разговор. Симор вот-вот придет.

– А где он?

– На пляже.

– На пляже? Один? Он себя прилично ведет на пляже?

– Слушай, мама, ты говоришь про него, словно он буйно помешанный.

– Ничего подобного, Мюриель, что ты!

– Во всяком случае, голос у тебя такой. А он лежит на песке, и все. Даже халат не снимает.

– Не снимает халат? Почему?

– Не знаю. Наверно, потому, что он такой бледный.

– Боже мой! Но ведь ему необходимо солнце! Ты не можешь его заставить?

– Ты же знаешь Симора, – сказала дочь и снова скрестила ножки.

– Он говорит – не хочу, чтобы всякие дураки глазели на мою татуировку.

– Но у него же нет никакой татуировки! Или он в армии себе что-нибудь наколот?

– Нет, мамочка, нет, миленькая, – сказала дочь и встала. – Знаешь что, давай я тебе позвоню завтра.

– Мюриель! Выслушай меня! Только внимательно!
– Слушаю, мамочка! – Она переступила с ноги на ногу.
– В ту же секунду, как только он скажет или сделает что-нибудь странное, – ну, ты меня понимаешь, немедленно звони! Слышишь?
– Мама, но я не боюсь Симора!
– Мюриель, дай мне слово!
– Хорошо. Даю. До свидания, мамочка! Поцелуй папу. – И она повесила трубку.
– Сими Гласс, Семиглаз, – сказала Сибилла Карпентер, жившая в гостинице со своей мамой. – Где Семиглаз?
– Кисонька, перестань, ты маму замучила. Стой смирно, слышишь?

Миссис Карпентер растирала маслом от загара плечики Сибиллы, спинку и худенькие, похожие на крылышки лопатки. Сибилла, кое-как удерживаясь на огромном, туго надутым мячике, сидела лицом к океану. На ней был желтенький, как канарейка, купальник – трусики и лифчик, хотя в ближайшие девять–десять лет она еще прекрасно могла обойтись и без лифчика.

– Обыкновенный шелковый платочек, но это заметно только вблизи, – объясняла женщина, сидевшая в кресле рядом с миссис Карпентер. – Интересно, как это она умудрилась так его завязать. Прелесть что такое.

– Да, наверно, мило, – сказала миссис Карпентер. – Сибиллочка, кисонька, сиди смирно.

– А где мой Семиглаз? – спросила Сибилла.

– Миссис Карпентер вздохнула.

– Ну вот, – сказала она. Она завинтила крышку на бутылочке с маслом. – Беги теперь, киска, играй. Мамочка пойдет в отель и выпьет martini с миссис Хаббель. А оливку принесет тебе.

Выбравшись на волю, Сибилла стремглав добежала до пляжа, потом свернула к Рыбачьему павильону. По дороге она остановилась, брыкнула ножкой мокрый, развалившийся дворец из песка и скоро очутилась далеко от курортного пляжа.

Она прошла с четверть мили и вдруг понеслась бегом, прямо к дюнам на берегу. Она добежала до места, где на спине лежал молодой человек.

– Пойдешь купаться, Сими Гласс? – спросила она.

Юноша вздрогнул, схватился рукой за отвороты купального халата. Потом перевернулся на живот, и скрученное колбасой полотенце упало с его глаз. Он прищурился на Сибиллу.

– А, привет, Сибиллочка!
– Пойдешь купаться?
– Только тебя и ждал, – сказал тот. – Какие новости?
– Чего? – спросила Сибилла.
– Новости какие? Что в программе?
– Мой папа завтра прилетит на ариплане! – сказала Сибилла, подкидывая ножкой песок.

– Только не мне в глаза, крошка! – сказал юноша, придерживая Сибиллину ножку. – Да, пора бы твоему папе приехать. Я его с часу на час жду. Да, с часу на час.

– А где та тетя? – спросила Сибилла.

– Та тетя? – Юноша стряхнул песок с негустых волос. – Трудно сказать, Сибиллочка. Она может быть в тысяче мест. Скажем, у парикмахера. Красится в рыжий цвет. Или у себя в комнате – шьет куклы для бедных деток. – Он все еще лежал ничком и теперь, сжав кулаки, поставил один кулак на другой и оперся на него подбородком. – Ты лучше спроси меня что-нибудь попроще, Сибиллочка, – сказал он. – До чего у тебя костюмчик красивый, прелесть. Больше всего на свете люблю синие купальнички.

Сибилла посмотрела на него, потом – на свой выпяченный животик.

– А он желтый, – сказала она, – он вовсе желтый.

– Правда? Ну-ка подойди!

– Сибилла сделала шаг вперед.

– Ты совершенно права. Дурак я, дурак!

– Пойдешь купаться? – спросила Сибилла.

– Надо обдумать. Имей в виду, Сибиллочка, что я серьезно обдумываю это предложение.

– Сибилла ткнула ногой надувной матрасик, который ее собеседник подложил под голову вместо подушки.

– Надуть надо, – сказала она.

– Ты права. Вот именно – надуть и даже сильнее, чем я намеревался до сих пор. – Он вынул кулаки и уперся подбородком в песок. – Сибиллочка, – сказал он, – ты очень красивая. Приятно на тебя смотреть. Расскажи мне про себя. – Он протянул руки и обхватил Сибиллины щиколотки. – Я озерог, – сказал он. – А ты кто?

– Шэрон Липшюц говорила – ты ее посадил к себе на рояльную табуретку, – сказала Сибилла.

– Неужели Шэрон Липшюц так сказала?

Сибилла энергично закивала.

Он выпустил ее ножки, скрестил руки и прижался щекой к правому локтю.

– Ничего не поделаешь, – сказал он, – сама знаешь, как этот бывает, Сибиллочка. Сiju, играю. Тебя нигде нет. А Шэрон Липшюц подходит и забирается на табуретку рядом со мной. Что же – столкнуть ее, что ли?

– Столкнуть.

– Ну, нет. Нет! Я на это не способен. Но знаешь, что я сделал, угадай!

– Что?

– Я притворился, что это ты.

Сибилла сразу нагнулась и начала копать песок.

– Пойдем купаться! – сказала она.

– Так и быть, – сказал ее собеседник. – Кажется, на это я способен.

– В другой раз ты ее столкни! – сказала Сибилла.

– Кого это?

– Ах, Шэрон Липшюц! Как это ты все время про нее вспоминаешь? Мечты и сны... – Он вдруг вскочил на ноги, взглянул на океан. – Слушай, Сибиллочка, знаешь, что мы сейчас сделаем. Попробуем поймать рыбку–бананку.

– Кого?

– Рыбку–бананку, – сказал он и развязал полы халата. Он снял халат. Плечи у него были белые, узкие, плавки – ярко–синие. Он сложил халат сначала пополам, в длину, потом свернул втрое. Развернув полотенце, которым перед тем закрывал себе глаза, он разостлал его на песке и положил на него свернутый халат. Нагнувшись, он поднял надувной матрасик и засунул его подмышку. Свободной левой рукой он взял Сибиллу за руку.

Они пошли к океану.

– Ты-то уж наверняка не раз видела рыбок–бананок? – спросил он.

Сибилла покачала головой.

– Не может быть! Да где же ты живешь?

– Не знаю! – сказала Сибилла.

– Как это не знаешь? не может быть! Шэрон Липшюц и то знает, где она живет, а ей тоже всего три с половиной!

Сибилла остановилась и выдернула руку. Потом подняла ничем не приметную ракушку и стала рассматривать с подчеркнутым интересом. Потом бросила ее.

– Шошный лес, Коннетикат, – сказала она и пошла дальше, выпятив животик.

– Шошный лес, Коннетикат, – повторил ее спутник. – А это случайно не около Соснового леса, в Коннектикуте?

Сибилла посмотрела на него.

– Я там живу! – сказала она нетерпеливо. – Я живу, шошный лес, Коннетикат. – Она пробежала несколько шажков, подхватила левую ступню левой же рукой и запрыгала на одной ножке.

– До чего ты все хорошо объяснила, просто прелесть, – сказал ее спутник.

Сибилла выпустила ступню.

– Ты читал «Негритенок Самбо»? – спросила она.

– Как странно, что ты меня об этом спросила, – сказал ее спутник. – Понимаешь, только вчера вечером я его дочитал. – Он нагнулся, взял ручонку Сибиллы. – Тебе понравилось? – спросил он.

– А тигры бегали вокруг дерева?

– Да-а, я даже подумал: когда же они остановятся? В жизни не видел столько тигров.

– Их всего шесть, – сказала Сибилла.

– Всего? – переспросил он. – По-твоему, это мало?

– Ты любишь воск? – спросила Сибилла.

– Что? – переспросил он.

– Ну, воск.

– Очень люблю. А ты?

Сибилла кивнула.

– Ты любишь оливки? – спросила она.

– Оливки? Ну, еще бы! Оливки с воском. Я без них ни шагу!

– Ты любишь Шэрон Липшюц? – спросила девочка.

– Да. Да, конечно, – сказал ее спутник. – И особенно я ее люблю за то, что она никогда не обижает маленьких собачек у нас в холле, в гостиной. Например, карликового бульдожку той дамы, из Канады. Ты, может быть, не согласишься, но есть такие девочки, которые любят тыкать этого бульдожку палками. А вот Шэрон – никогда. Никого она не обижает, не дразнит. За это я ее люблю.

Сибилла помолчала.

– А я люблю жевать свечки, – сказала она наконец.

– Это все любят, – сказал ее спутник, пробуя воду ногой.

– Ух, холодная! – Он опустил надувной матрасик на воду. – Нет, погоди, Сибиллочка. Давай пройдем подальше.

Они пошли вброд, пока вода не дошла Сибилле до пояса. Тогда юноша поднял ее на руки и положил на матрасик.

– А ты никогда не носишь купальной шапочки, не закрываешь головку? – спросил он.

– Не отпускай меня! – приказала девочка. – Держи крепче!

– Простите, мисс Карпентер. Я свое дело знаю, – сказал ее спутник. – А ты лучше смотри в воду, карауль рыбку–бананку. Сегодня отлично ловится рыбка–бананка.

– А я их не увижу, – сказала девочка.

– Вполне понятно. Это очень странные рыбки. Очень странные. – Он толкал матрасик вперед. Вода еще не дошла ему до груди. – И жизнь у них грустная, – сказал он. – Знаешь, что они делают, Сибиллочка?

Девочка покачала головой.

– Понимаешь, они заплывают в пещеру, а там – куча бананов. Посмотреть на них, когда они туда заплывают, – рыбы как рыбы. Но там они ведут себя просто по–свински. Одна такая рыбка–бананка заплывла в банановую пещеру и съела там семьдесят восемь бананов. – Он подтолкнул плотик с пассажиркой еще ближе к горизонту. – И конечно, они от этого так раздуваются, что им никак не выплыть из пещеры. В двери не пролезают.

– Дальше не надо, – сказала Сибилла. – А после что?

– Когда после? О чем ты?

– О рыбках–бананках.

– Ах, ты хочешь сказать – после того, как они так наедаются бананов, что не могут выбраться из банановой пещеры?

– Да, – сказала девочка.

– Грустно мне об этом говорить, Сибиллочка. Умирают они.

– Почему? – спросила Сибилла.

– Заболевают банановой лихорадкой. Страшная болезнь.

– Смотри, волна идет, – сказала Сибилла с тревогой.

– Давай ее не замечать, – сказал он, – давай презирать ее. Мы с тобой гордецы. – Он взял в руки Сибиллины щиколотки и нажал вниз. Плотик подняло на гребень волны. Вода залила светлые волосики Сибиллы, но в ее визге слышался только восторг.

Когда плотик выпрямился, она отвела со лба прилипшую мокрую прядку и заявила:

– А я ее видела!

– Кого, радость моя?

– Рыбку–бананку.

– Не может быть! – сказал ее спутник. – А у нее были во рту бананы?

– Да, – сказала Сибилла. – Шесть.

Юноша вдруг схватил мокрую ножку Сибиллы – она свесила ее с плотика – и поцеловал пятку.

– Фу! – сказала она.

– Сама ты «фу!» Поехали назад! Хватит с тебя?

– Нет!

– Жаль, жаль! – сказал он и подтолкнул плотик к берегу, где Сибилла прыгнула на песок. Он взял матрасик подмышку и понес на берег.

– Прощай! – крикнула Сибилла и без малейшего сожаления побежала к гостинице.

Молодой человек надел халат, плотнее запахнул отвороты и сунул полотенце в карман. Он поднял мокрый, скользкий, неудобный матрасик и взял его под мышку. Потом пошел один по горячему, мягкому песку к гостинице.

В подвальном этаже – дирекция отеля просила купальщиков подниматься наверх только оттуда – какая-то женщина с намазанным цинковой мазью носом вошла в лифт вместе с молодым человеком.

– Я вижу, вы смотрите на мои ноги, – сказал он, когда лифт подымался.

– Простите, не расслышала, – сказала женщина.

– Я сказал: вижу, вы смотрите на мои ноги.

– Простите, но я смотрела на пол! – сказала женщина и отвернулась к дверцам лифта.

– Хотите посмотреть мне на ноги, так и говорите, – сказал молодой человек. – Зачем это вечное притворство, черт возьми?

– Выпустите меня, пожалуйста! – торопливо сказала женщина лифтерше.

Дверцы открылись, и женщина вышла не оглядываясь.

– Ноги у меня совершенно нормальные, не вижу никакой причины, чтобы так на них глазеть, – сказал молодой человек. – Пятый, пожалуйста. – И он вынул ключ от номера из кармана халата.

Выйдя на пятом этаже, он прошел по коридору и открыл своим ключом двери 507-го номера. Там пахло новыми кожаными чемоданами и лаком для ногтей.

Он посмотрел на молодую женщину – та спала на одной из кроватей. Он подошел к своему чемодану, открыл его и достал из-под груды рубашек и трусов трофейный пистолет. Он достал обойму, посмотрел на нее, потом вложил обратно. Он взвел курок. Потом подошел к пустой кровати, сел, посмотрел на молодую женщину, поднял пистолет и пустил себе пулю в правый висок.

ТЕКСТ 12

В. НАБОКОВ «ГРОЗА»

На углу, под шатром цветущей липы, обдало меня буйным благоуханием. Туманные громады поднимались по ночному небу, и когда поглощен был последний звездный просвет, слепой ветер, закрыв лицо рукавами, низко пронесся вдоль опустевшей улицы. В тусклой темноте, над железным ставнем парикмахерской, маятником заходил висячий щит, золотое блюдо.

Вернувшись домой, я застал ветер уже в комнате: – он хлопнул оконной рамой и поспешно отхлынул, когда я прикрыл за собою дверь. Внизу, под окном, был глубокий двор, где днем сияли, сквозь кусты сирени, рубашки, распятые на светлых веревках, и откуда взлетали порой, печальным лаем, голоса, – старьевщиков, закупателей пустых бутылок, – нет–нет,– разрыдается искалеченная скрипка; и однажды пришла тучная белокурая женщина, стала посреди двора, да так хорошо запела, что из всех окон свесились горничные, нагнулись голые шеи, – и потом, когда женщина кончила петь, стало необыкновенно тихо, – только в коридоре всхлипывала и сморкалась неопрятная вдова, у которой я снимал комнату.

А теперь там внизу набухала душная мгла, – но вот слепой ветер, что беспомощно сполз в глубину, снова потянулся вверх, – и вдруг – прозрел, взмыл, и в янтарных провалах в черной стене напротив замечались тени рук, волос, ловили улетающие рамы, звонко и крепко запирали окна. Окна погасли. И тотчас же в темно–лиловом небе тронулась, покатилась глухая груда, отдаленный гром. И стало тихо, как тогда, когда замолкла нищая, прижав руки к полной груди.

В этой тишине я заснул, ослабев от счастья, о котором писать не умею, – и сон мой был полон тобой.

Проснулся я оттого, что ночь рушилась. Дикое, бледное блистание летало по небу, как быстрый отсвет исполинских спиц. Грохот за грохотом ломал небо. Широко и шумно шел дождь.

Меня опьянили эти синеватые содрогания, легкий и острый холод. Я стал у мокрого подоконника, вдыхая неземной воздух, от которого сердце звенело, как стекло.

Все ближе, все великолепнее гремела по облакам колесница пророка. Светом сумасшествия, пронзительных видений, озарен был ночной мир, железные склоны крыш, бегущие кусты сирени. Громовержец, седой исполин, с бурной бородою, закинутой ветром за плечо, в ослепительном, летучем облачении, стоял, подавшись назад, на огненной

колеснице и напряженными руками сдерживал гигантских коней своих: – воронья масть, гривы – фиолетовый пожар. Они понесли, они брызгали трескучей искристой пеной, колесница кренилась, тщетно рвал вожжи растерянный пророк. Лицо его было искажено ветром и напряжением, вихрь, откинув складки, обнажил могучее колено, – а кони, взмахивая пылающими гривами, летели – все буйственнее – вниз по тучам, вниз. Вот громовым шепотом промчались они по блестящей крыше, колесницу ша-рахнуло, зашатался Илья, – и кони, обезумев от прикосновения земного металла, снова вспрыгнули. Пророк был сброшен. Одно колесо отшибло. Я видел из своего окна, как покатился вниз по крыше громадный огненный обод и, покачнувшись на краю, прыгнул в сумрак. А кони, влача за собою опрокинутую, прыгающую колесницу, уже летели по вышним тучам, гул умолкал, и вот – грозовой огонь исчез в лиловых безднах.

Громовержец, павший на крышу, грузно встал, плесницы его за-скользили, – он ногой пробил слуховое окошко, охнул, широким движением руки удержался за трубу. Медленно поворачивая потемневшее лицо, он что-то искал глазами, – верно, колесо, соскочившее с золотой оси. Потом глянул вверх, вцепившись пальцами в растрепанную бороду, сердито покачал головой, – это случалось вероятно не впервые, – и, прихрамывая, стал осторожно спускаться.

Оторвавшись от окна, спеша и волнуясь, я накинул халат и сбежал по крутой лестнице прямо во двор. Гроза отлетела, но еще веял дождь. Восток дивно бледнел.

Двор, что сверху казался налитым густым сумраком, был на самом деле полон тонким тающим туманом. Посередине, на тусклом от сырости газоне, стоял сутулый, тощий старик в промокшей рясе и бормотал что-то, поглядывая по сторонам. Заметив меня, он сердито моргнул:

– Ты, Елисей?

Я поклонился. Пророк цокнул языком, потирая ладонью смуглую лысину: – Колесо потерял. Отыщи-ка.

Дождь перестал. Над крышами пылали громадные облака. Кругом, в синеватом, сонном воздухе, плавали кусты, забор, блестящая собачья конура. Долго шарили мы по углам, – старик кряхтел, подхватывал тяжелый подол, шлепал тупыми сандалиями по лужам, и с кончика крупного костистого носа свисала светлая капля. Отодвинув низкую ветку сирени, я заметил на куче сора, среди битого стекла, тонкое железное колесо, – видимо, от детской коляски. Старик жарко дохнул над самым моим ухом и поспешно, даже грубовато отстранив меня, схватил и поднял ржавый круг. Радостно подмигнул мне:

– Вот куда закатилось...

Потом на меня уставился, сдвинув седые брови, – и, словно что-то вспомнив, внушительно сказал:

– Отвернись, Елисей.

Я послушался. Даже зажмурился. Постоял так с минуту, – и дольше не выдержал...

Пустой двор. Только старая лохматая собака с поседелой мордой вытянулась из конуры и, как человек, глядела вверх испуганными карими глазами. Я поднял голову. Илья карабкался вверх по крыше, и железный обод поблескивал у него за спиной. Над черными трубами оранжевой кудрявой горой стояло заревое облако, за ним второе, третье. Мы глядели вместе с притихшей собакой, как пророк, поднявшись до гребня крыши, спокойно и неторопливо перебрался на облако и стал лезть вверх, тяжело ступая по рыхлому огню.

Солнце стрельнуло в его колесо, и оно сразу стало золотым, громадным, – да и сам Илья казался теперь облаченным в пламя, сливаясь с той райской тучей, по которой он шел все выше, все выше, пока не исчез в пылающем воздушном ущелье.

Только тогда хриплым утренним лаем залился дряхлый пес, – и хлынула рябь по яркой глади дождевой лужи; от легкого ветра колыхнулась пунцовая герань на балконах, проснулись два-три окна, – и в промокших клетчатых туфлях, в блеклом халате я выбежал на улицу и, догоняя первый, сонный трамвай, запахивая полы на бегу, все посмеивался, воображая, как сейчас приду к тебе и буду рассказывать о ночном, душном крушении, о старом, сердитом пророке, упавшем ко мне во двор.

ТЕКСТ 13

А. И Б. СТРУГАЦКИЕ «В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ»

Первые две страницы рассказа утрачены безвозвратно. Мы собирались, да так и не собрались их восстановить. Впрочем, насколько я помню, ничего особенно интересного там не было – сидит у себя на даче редактор, клянет дурную погоду и правит скучную рукопись. (Примечание Б. Стругацкого).

...уравновешенными и добропорядочными людьми. Я вздохнул и посмотрел в окно. Дачный поселок спал. Было тихо, только дождь шуршал да подвывала во сне дворняга соседей. Мокрая, унылая, свернувшаяся в клубок под крыльцом. Я взялся за вторую папку и проработал еще часа полтора.

Академик успел стушеваться и уйти с головой в научную работу, аспирантка сделала небольшое открытие и ушла от Володи, когда сквозь шум дождя я услышал какие-то новые звуки. Сначала я подумал, что это мокрая дворняга бродит в палисаднике. Но потом кто-то отворил дверь в сени, и в сенях что-то загремело – наверное, канистра, в которой я носил керосин из лавки. В дверь постучали, и раньше, чем я ответил, дверь отворилась. На пороге стоял совсем незнакомый человек в очень странном костюме. От удивления я даже, кажется, открыл рот. Человек затворил за собой дверь и сказал:

– Извините, можно у вас погреться? Я смотрел на него. Он был весь мокрый и грязный с ног до головы, и у него зуб на зуб не попадал от холода. Я на всякий случай встал и сказал нерешительно:

– 3–заходите...

На нем была толстая куртка с множеством карманов, стеганая, словно ватник, а из-под куртки торчали ноги в черном балетном трико в обтяжку. Обуви на ногах не было никакой. Это уже само по себе было странно, но он еще весь был вывалян в грязи, даже лицо было в грязи, будто его километра три протащили по деревенской улице волоком.

Он присел на табурет и улыбнулся. Улыбнулся весело, но с трудом – у него лицо сводило от холода. Я молча притащил керогаз и стал его разжигать, а незнакомец сидел, обхватив себя руками за плечи, и звонко стучал зубами. Я разжег керогаз. Незнакомец с трудом выговорил «спасибо» и протянул руки к огню. От куртки сразу повалил пар, и запах-ло сыростью.

– Где это вы так? – спросил я. – Машина застряла?

Он посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

– Ага, машина.

Он совсем не походил на человека, у которого застряла машина. У него было худое веселое лицо, очень смуглое, какое-то хитрое и довольное, словно он только что кого-то очень ловко обманул или перехитрил. И весь он был ловкий, крепкий, прочно сбитый. Было в нем что-то от молодого Мефистофеля.

– Далеко? – спросил я.

– Километров пять отсюда, – сказал он. – Я зашел в Поселок, смотрю – везде спят. Ну, думаю, имею один грипп. А тут ваше окно. Я так обрадовался, ей-богу!

– Слушайте, – сказал я. – Снимите ваш балахон. Он же мокрый насквозь.

Он посмотрел на меня, подумал и стал снимать куртку. Никогда в жизни я не видел такой сложной куртки. На ней было штук двадцать молний, и больше всего она напоминала пояс для спасения на водах. Он снимал ее минут пять, время от времени вздрагивая и судорожно поводя плечами.

– А где ваши ботинки? – не вытерпел я.

– В грязи утопил, – ответил он и опять засмеялся. – Грязь у вас здесь – прямо первобытная. Хорошо!

Под курткой у него оказалось все то же облегающее трико без ворота. Я хотел взять у него куртку и развесить в сених, но он сказал:

– Нет, не надо, спасибо. Я так.

– Что значит – так? – удивился я. Он свернул куртку в рулон и положил у своих ног. – Так она и до утра не просохнет.

Он хихикнул.

– Не беспокойтесь, ей-богу. Мне до утра ждать не придется. Пусть здесь полежит.

И тут я заметил одну странную вещь. Эта черная рубашка у него тоже была вся в грязи. Грязь уже подсохла и отваливалась серыми струпьями. Я сразу подумал: как это так много грязи могло попасть ему под куртку? С другой стороны – глупо лазить под машиной в трико, если есть толстая стеганая куртка.

Незнакомец грел руки над керогазом и смотрел на огонь. Он задумчиво улыбался. Странное у него было лицо. По-моему, он совершенно забыл обо всем – и обо мне, и о первобытной грязи... Конечно, про машину он врал, но кому придет в голову бродить ночью под дождем в таком балетном наряде?.. Чем-то он мне нравился все-таки – может быть, по контрасту с нудным престарелым академиком... Я сказал:

– Хотите водки? – Он все еще вздрагивал и поеживался.

Он поднял на меня глаза, и я увидел, что он колеблется. Тогда я встал, сходил за водкой и принес два стакана. Он уставился на водку, затем снова посмотрел на меня.

– Знаете... – нерешительно сказал он. – Пожалуй, не стоит... – Он снова посмотрел на водку и вдруг махнул рукой. – А ну их всех! Выпью!

Он взял свой стакан, чокнулся со мной и выпил залпом. Я пододвинул ему холодные котлеты и налил еще. Он подмигнул мне, снова махнул рукой и снова выпил.

– Все равно никто не узнает, – заявил он. – А узнают, так тоже не беда.

Я заметил у него на ладони свежие царапины. Под ногтями было полно грязи, а один ноготь был сломан и надорван, и на нем запеклась кровь.

Он взял с тарелки котлету, сунул ее целиком в рот и невнятно спросил:

– Что тут у вас новенького?

– Где это – у нас?

Он немножко смешался.

– Ну здесь, в этих краях... И вообще... Я на своей машине газет не получаю.

Я сказал, что на своей даче тоже не получаю газет. Он кивнул и снова протянул руки к огню.

– А тут у вас ничего... Только холодно.

– Погода дрянная, – сказал я. – Лето называется...

– Да, погодка не летняя, – сказал он с удовольствием. – Дождь. Кругом дождь. Я там влез в кусты – мокро, ужас! – Он радостно засмеялся.

Станный он был человек: грязный, мокрый, промерзший и все-таки чем-то необычайно довольный.

– Так что же у вас за машина? – спросил я иронически.

– «Победа», – быстро ответил он. Слишком быстро.

– Не вездеход?

– Да нет, пожалуй, не вездеход.

– И вас, конечно, снесло в кювет, – сказал я.

– А почему – конечно? Впрочем, действительно снесло. И представьте себе, именно в кювет... А скажите, сельсовет у вас тут есть?

Врал он весело и совершенно откровенно – он даже не пытался скрывать этого.

– Нет, сельсовета у нас нет, – сказал я медленно. – У нас дачный поселок. А зачем вам сельсовет?

Он засмеялся мне в лицо:

– А как же! Машину вытащить надо? Надо. А чем тащить? Трактором?

– Да, – сказал я неопределенно. – Действительно... Трактором.

Наступило молчание. Он смотрел на меня с откровенной насмешкой. Тогда я сказал внушительно:

– А вот милиция у нас есть. Совсем рядом – через два дома...

Незнакомец замахал на меня руками. – Ну зачем же милиция?! – закричал он. – Давайте уж как-нибудь обойдемся без милиции!

– Давайте, – согласился я. Он мне нравился несмотря ни на что. Бдительность моя дремала.

– Славный у вас поселок, – заявил он неожиданно. – Тут дачу можно снять?

– Чего славного? – проворчал я. – Грязища да скука...

– Скука? Какая же это скука? Кругом зелень, речка, наверное, есть...

– Речка есть, – сказал я.

– Ну вот видите! И девушки здесь, наверное, приятные...

– Откуда здесь девушки, – сказал я сердито. – Одни жены дачные – поперек себя шире...

Он так и залился смехом, совершенно детским, и долго не мог остановиться, а потом вдруг настороженно прислушался и спросил:

– А до города далеко отсюда?

– Километров тридцать.

Я увидел, что вокруг его свернутой куртки натекло воды. Я нагнулся и протянул к куртке руку – он поймал меня за запястье.

– Не надо... – попросил он. Пальцы у него были горячие и твердые, как железо.

– Она же вся мокрая... – сказал я и попытался освободиться.

Он легко отвел мою руку.

– Ей-богу, не надо. Так высохнет. И потом я скоро все равно пойду.

Он отпустил мою руку.

– Куда же вы пойдете в такой дождь? – сказал я. – Оставайтесь ночевать.

Он подмигнул мне.

– А машина? Вдруг сопрут!..

– Как хотите, – сухо сказал я.

Все-таки он очень утомлял, этот странный человек. А он весело запел «Как в моем садочке...», опустил на корточки и стал разворачивать свою неприкосновенную куртку. Когда он развернул ее, откуда-то выпала маленькая черная коробочка и стукнулась об пол. Он ее сразу

подхватил и сунул обратно в куртку. Я заметил только, что на коробочке горел зеленый огонек.

– Чуть не раскокал... – прошептал незнакомец и снова свернул куртку изнанкой внутрь. Я промолчал.

Он легко вскочил и бесшумно подошел к окошку. Я сидел и смотрел, как он, прижав лицо к стеклу, вглядывается в темноту.

– Это главная улица, да? – спросил он, не оборачиваясь.

Я сказал, что главная. Великолепного сложения был этот человек – стройный, плечистый, настоящий боец. Черное трико словно обливало его.

Он повернулся, несколько раз прыгнул на месте – мягко, как кот, и сказал весело:

– Вот я и обсох. Спасибо.

– На здоровье, – буркнул я и подумал, а не спросить ли у него все-таки документы. Но в эту минуту на улице взревели моторы, и в окна ударил свет прожектора.

– Прекрасно! – сказал незнакомец. – Это за мной.

Он сразу как-то подтянулся, перестал улыбаться, торопливо подобрал и набросил на плечи свою куртку и снова подошел к окну. Я увидел, что он открывает окно, и на всякий случай поднялся. На улице под дождем стояли две огромные машины на гусеницах. Послышались голоса. Незнакомец открыл окно и высунулся по пояс. «Сейчас он сунет руку в задний карман...» – подумал я и приготовился на него прыгнуть. Но он только крикнул:

– Ксан Ксаныч, я здесь!

На улице радостно заорали в несколько голосов. Послышался беспорядочный топот, зачавкала грязь. Злобно взвыла напуганная соседская дворняга. В сенях загремело – вероятно, все та же канистра, – кто-то чертыхнулся сдавленным голосом.

Незнакомец повернулся и шагнул мимо меня. Дверь распахнулась. В комнату ввалились сразу трое – удивительно, как они втиснулись. Один, маленький, в мокром черном плаще, остался на пороге, а двое – бородатый и в очках – сразу кинулись к моему знакомцу и принялись его обнимать.

– Жив, Вовка, жив!..

– У-у, медведь здоровый...

– Руки-ноги целы?.. Ой, не дави так!..

– А где она? – спросил незнакомец.

– Кончилась, Вова! – сказал бородатый и лихо сдвинул шляпу на затылок.

– Ничего, главное – ты у нас остался...

– ...нашли? – тут мой незнакомец употребил какое-то сложное слово, какой-то, видимо, термин, которого я не понял.

– Все, все нашли, – нежно сказал бородатый и снова обнял его. – Все нашли и еще полмешка луку в придачу!..

– Штаны твои нашли... – сказал очкастый. Маленький в черном плаще все смотрел на меня, приятно улыбаясь одними губами. У меня было такое ощущение, что я ему очень не нравлюсь.

– А я-то искал–искал, – сказал незнакомец. – Нет штанов! В грязи вывалялся как свинья. Куртку сразу нашел, а штаны – нет.

– Ну, пошли, – сказал бородатый и поволок незнакомца к выходу. Незнакомец дошел до дверей и вдруг остановился.

– Подождите, с хозяином надо проститься... – Он повернулся ко мне. – Спасибо вам за ласку, товарищ... Простите, не знаю вашего имени–отчества...

Он добродушно и растроганно улыбнулся и вдруг подмигнул. Я молча поклонился. Мне было неловко. Все смотрели на меня, особенно – маленький в черном плаще. Незнакомец сунул–таки руку в задний карман, покопался там, что-то вытащил, вложил мне в ладонь и вышел. Остальные последовали за ним, разговаривая во весь голос, и даже двери за собой не закрыли.

Я поднял руку к глазам. На ладони у меня лежал камешек. Обыкновенный камешек, пористый, серенький, похожий на песчаник. Голоса уже раздавались во дворе. Отчаянно заливалась дворняга. В голове у меня все шло кругом, и я ничего не понимал.

Вдруг кто-то сказал: «Извините». Передо мной стоял тот, в черном плаще, и приятно улыбался.

– Извините, – повторил он и осторожно взял камешек у меня с ладони.

– Что это? – спросил я.

Он внимательно посмотрел на меня, потом – мельком – на камешек, потом снова на меня.

– Это так... Шутка... Спокойной ночи. Простите нас за беспокойство...

Он повернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

За окном взревели моторы, и свет фар снова скользнул по окну.

Я посмотрел на пустую ладонь. Шутка, подумал я. Вот так шутка...

Я стоял посреди комнаты, смотрел на стол, где громоздилась история престарелого академика, на пустой табурет, на воняющий керогаз, на мокрый след неприкосновенной куртки на полу и слушал, как затихает, удаляясь, рев могучих моторов.

ТЕКСТ 14

Р. КИПЛИНГ «КАК БЫЛО НАПИСАНО ПЕРВОЕ ПИСЬМО»

Давным-давно, ещё в Каменном веке, жил да был один человек. Был он человек первобытный, жил в пещере и носил очень мало одежд. Ни читать, ни писать он не умел – да и не хотелось ему ни читать, ни писать, – и, покуда он был сыт, он был счастлив. Звали его Тегумай Бопсулай, а это значит: Человек–ноги–которого–никогда–не–спешат, но мы, милый мальчик, будем называть его просто Тегумай, чтобы было короче. У него была жена, и звали её Тешумай Тевиндро, а это значит: Женщина–которая–задаёт–слишком–много–вопросов, но мы, милый мальчик, будем звать её просто Тешумай, чтобы было короче. И была у него маленькая дочка, которую звали Таффамай Металлумай, а это значит: Девочка–которую–нужно–хорошенько–отшлепать–за–то–что–она–такая–шалунья, но я буду называть её просто Таффи. Тегумай Бопсулай очень любил её, и мама очень любила её, и они шлёпали её гораздо реже, чем нужно, и все трое были довольны и счастливы. Как только Таффи научилась ходить, она стала бегать повсюду за своим отцом Тегумаем, и бывало они оба до той поры не вернутся в пещеру, покуда им не захочется есть. И тогда Тешумай Тевиндро говорила:

– Где это вы пропадали и так ужасно испачкались? Право же, мой Тегумай, ты ничуть не лучше моей Таффи!

А теперь, милый мальчик, слушай меня, и слушай внимательно! Как-то раз Тегумай пошёл по болоту, в котором водились бобры, и вышел к реке Вагай, чтобы своим острым копьём набить к обеду карпов. Таффи пошла вместе с ним. Копьё у него было деревянное, с наконечником из акулиных зубов. И только что он принялся за охоту, копьё сломалось пополам: слишком уж сильно он ткнул его в дно реки. Что было делать? Идти домой – далеко (завтрак они, конечно, захватили с собой в мешочке), а запасного копья у Тегумая не было. Запасное копьё он забыл захватить.

– Рыба так и кишит, – сказал он, – а на починку копья у меня уйдёт целый день.

– У тебя же есть другое копьё! – сказала Таффи. – Такое большое и чёрное. Хочешь, я сбегая в пещеру и попрошу его у мамы?

– Куда тебе бежать в такую даль! – сказал Тегумай. – Это не под силу твоим пухленьким ножкам. Да и дорога опасная: ещё утонешь в Бобровом болоте. Попробуем как-нибудь справиться с нашей бедой на месте.

Он сел на землю, взял кожаный ремонтный мешочек, где у него были сложены олени жилы, длинные полоски кожи, кусочек смолы, ку-

сочек мягкого пчелиного воску, и принялся чинить своё копьё. Таффи тоже уселась невдалеке от него, спустила ноги в воду, подпёрла ручкой подбородок и думала–думала изо всех своих сил. Потом она сказала отцу:

– По–моему, это зверски досадно, что мы с тобой не умеем писать. Написали бы записку домой, чтоб нам прислали другое копьё!

– Таффи, – сказал Тегумай, – сколько раз напоминал я тебе, чтобы ты не говорила грубых слов! «Зверски» это нехорошее слово. Но было бы и вправду недурно, раз уж ты заговорила об этом, если бы мы могли написать твоей маме записку.

А в это время по берегу реки шёл незнакомый человек. Он не понял ни слова из того, что сказал Тегумай, потому что был из дальнего племени Тевара. Он стоял на берегу и улыбался, глядя на Таффи, потому что у него у самого была дома маленькая дочь. Тегумай вытащил из мешочка моток оленьих жил и принялся чинить своё копьё.

– Поди сюда, – сказала Таффи, обращаясь к Незнакомцу. – Знаешь ли ты, где живёт моя мама?

Незнакомец ответил: «Гм», потому что он был, как ты знаешь, теварец.

– Глупый! – сказала Таффи и топнула ножкой, потому что увидела, что по реке плывёт целая стая больших карпов, как раз тогда, когда отец не может запустить в них копьём.

– Не приставай к старшим, – сказал Тегумай не оглядываясь; он был так занят починкой копья, что даже не взглянул на Незнакомца.

– Я не пристаю, – ответила Таффи. – Я только хочу, чтобы он сделал то, что мне хочется. А он не понимает.

– Тогда не надоедай м н е, – сказал Тегумай и, забрав в рот концы оленьих жил, принялся вытягивать их что было силы. А Незнакомец (он был самый настоящий теварец) уселся на траву, и Таффи стала показывать ему, что делает отец. Незнакомец подумал: «Это очень удивительный ребёнок. Она топает на меня ногой и строит мне рожи. Она, должно быть, дочь этого знаменитого вождя, который так важен, что даже не обращает на меня никакого внимания». Поэтому он улыбнулся ещё любезнее.

– Так вот, – сказала Таффи. – Я хочу, чтобы ты пошёл к моей маме (потому что у тебя ноги длиннее моих, и ты не свалишься в Бобровое болото) и попросил бы, чтобы тебе дали другое копьё. Чёрное. Оно висит у нас над очагом.

Незнакомец (а он был теварец) подумал: «Это очень, очень удивительная девочка. Она машет руками и кричит на меня, но я не понимаю ни слова. И я очень боюсь, что, если я не выполню её приказаний, этот величавый вождь, Человек–который–поворачивается–спиной–к–

своим-гостям, разозлится». Он встал, содрал с берёзы большой плоский кусок коры и подал его Таффи. Этим он хотел показать, что душа у него белая, как береста, и что он никому не желает зла. Но Таффи поняла его по-своему.

– О, – сказала она, – понимаю! Ты хочешь узнать, где живёт моя мама. Конечно, я не умею писать, но я могу нарисовать картинку всегда, когда под рукой есть что-нибудь острое, чтобы можно было нацарапать её. Дай-ка мне на минутку акулий зуб из твоего ожерелья.

Незнакомец (а он был теварец) ничего не ответил. Поэтому Таффи протянула руку и дёрнула к себе ожерелье, висевшее у Незнакомца на шее. Ожерелье было из бусин, зёрен и акулих зубов. Незнакомец (а он был теварец) подумал: «Это очень, очень, очень удивительный ребёнок. У меня на ожерелье заколдованные акулих зубы, и мне всегда говорили, что тот, кто дотронется до них без моего разрешения, немедленно распухнет или лопнет. Но этот ребёнок не распух и не лопнул. А тот величайший вождь, который не обратил на меня никакого внимания, видно, не боится, что девочке угрожает беда. Лучше я буду вести себя с ними ещё любезнее».

Поэтому он дал Таффи свой акулий зуб, и она тотчас же легла на живот и стала болтать ногами в воздухе, совсем как иные дети в настоящее время, когда они ложатся в комнате на пол, чтобы нарисовать ту или другую картинку. Она сказала:

– Сейчас я нарисую тебе несколько красивых картинок! Можешь глядеть у меня из-за плеча. Только не толкай меня под руку. Сначала я нарисую, как папа ловит рыбу. Он вышел у меня не очень похож, но мама узнает, потому что я нарисовала, что копьё у него сломалось.

А теперь я нарисую другое копьё, то, которое ему нужно, чёрное. У меня вышло, будто оно ударило папу в спину, но это потому, что твой акулий зуб соскользнул, да и кусок бересты маловат. Вот копьё, которое ты должен принести. А вот это я. Я стою и посылаю тебя за копьём. Волосы у меня не торчат во все стороны, как я нарисовала, но так рисовать легче.

Теперь я нарисую тебя. Я думаю, что на самом деле ты очень красивый, но не могу же я сделать тебя на картинке красавцем, поэтому, пожалуйста, не сердись на меня. Ты не сердись?

Незнакомец (а он был теварец) улыбнулся. Он подумал: «Должно быть, где-то сейчас происходит большое сражение, и этот необыкновенный ребёнок, который взял у меня заколдованный акулий зуб и не распух, и не лопнул, велит мне позвать всё племя великого вождя к нему на помощь. Он великий вождь, иначе он не сидел бы ко мне спиной».

– Гляди, – сказала Таффи, очень старательно чертя на коре свой рисунок. – Теперь я нарисовала тебя. Я помещу то копье, которое нужно папе, у тебя в руке, чтобы ты не забыл принести его. Теперь я покажу тебе, где живёт моя мама.

Иди, пока не дойдёшь до двух деревьев (вот эти деревья), потом поднимись на гору (вот эта гора), и тогда ты выйдешь на Бобровое болото, оно полным-полно бобрами. Я не умею рисовать бобров целиком, но я нарисовала их головки. Ведь только их головки ты и увидишь, когда пойдёшь по болоту. Но смотри не оступись. Как кончится болото, тут сразу и будет наша пещера. На самом деле она не такая большая, как горка, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Вот моя мама. Она вышла из пещеры. Она красивая. Она красивее всех мам, какие только есть на земле, но она не обидится, что я нарисовала её такой некрасивой. Теперь, на случай если ты забудешь, я нарисовала снаружи то копье, которое нужно папе. На самом деле оно внутри, но ты покажи картинку маме, и мама даст тебе это копье. Я нарисовала, как она подняла руки, потому что я знаю, что она будет рада видеть тебя... Красивая картинка, не правда ли? Ты хорошо понял или мне объяснить ещё раз?

Незнакомец (а он был теварец) поглядел на картинку и очень часто закивал головой. Он сказал себе: «Если я не приведу племя этого великого вождя ему на помощь, его убьют враги, которые подкрадываются с копьями со всех сторон. Теперь я понимаю, почему великий вождь притворился, что не обращает на меня внимания. Он боится, что враги притаились в кустах и что они увидят, как он даёт мне поручения. Поэтому он отвернулся и предоставил мудрому и удивительному ребёнку нарисовать эту страшную картинку, чтоб я понял, в какую беду он попал. Я пойду и приведу ему на выручку всё его племя».

Он даже не спросил у Таффи дорогу, но кинулся, как ветер, в кусты, держа в руке бересту, а Таффи уселась на берегу, очень довольная.

– Что это ты делала, Таффи? – спросил Тегумай. Он починил копье и теперь осторожно помахивал им вправо и влево.

– Это мой секрет, милый папочка, – ответила Таффи. – Если ты не станешь расспрашивать меня, ты скоро узнаешь, в чём дело, и это тебя очень удивит. Ты не можешь себе представить, какой это будет сюрприз для тебя! Обещай мне, что ты будешь рад.

– Ладно, – сказал Тегумай и принялся ловить рыбу.

Незнакомец (знаешь ли ты, что он был теварец?) всё бежал и бежал с картинкой в руках и пробежал несколько миль, и вдруг совершенно случайно наткнулся на Тешумай Тевиндро. Она стояла у входа в пещеру и судачила с доисторическими дамами, которые пришли к ней в

гости на доисторический завтрак. Таффи была очень похожа на Тешумай, особенно глазами и верхней частью лица, поэтому Незнакомец – самый настоящий теварец – вежливо улыбнулся и вручил Тешумай бересту. Он так быстро бежал по болоту, что запыхался, а ноги у него были исцарапаны колючим терновником, но он всё ещё хотел быть любезным.

Как только Тешумай взглянула на картинку, она завизжала и кинулась на Незнакомца. Другие доисторические дамы разом повалили его наземь и все шестеро уселись на него рядом, а Тешумай принялась вырывать у него из головы целые пучки волос.

– Всё очень понятно и просто, – сказала она. – Этот незнакомый мужчина проткнул моего Тегумая копьями и так напугал Таффи, что волосы у неё встали дыбом. Но этого ему было мало, и он принёс мне страшную картинку, чтобы похвастать своими злодеяниями. Глядите, – и она показала картинку всем доисторическим дамам, терпеливо сидевшим на Незнакомце, – вот мой Тегумай, у него сломана рука. Вот копье, которое воткнуто ему в спину, а вот человек, который собирается бросить в Тегумая копье, а вот другой человек, бросающий в него копье из пещеры. А вот здесь целая шайка злодеев (Таффи нарисовала бобров, но они были больше похожи на людей) подкрадывается сзади к Тегумаю... Всё это ужасно, ужасно!

– Ужасно! – согласились доисторические дамы и вымазали Незнакомцу всю голову грязью (что очень удивило его) и забили в боевой барабан.

И на стук барабана пришли все вожди тегумайского племени, со всеми своими гетманами, доломанами, негусами. За ними шагали пророки, ведуны, жрецы, шаманы, бонзы – и все они в один голос решили: отрубить Незнакомцу голову, но пусть он раньше поведёт их к реке и покажет, куда он спрятал несчастную Таффи.

Между тем Незнакомец (хоть он и был теварец) очень сильно рассердился на дам. Они набили ему волосы комьями грязи, они проводили его по острым камням, шестеро из них долго сидели на нём; они колотили его и молотили его так, что он еле дышал, и, хотя их язык был неизвестен ему, нетрудно было догадаться, что они ругают его самыми злыми ругательствами. И всё же он не сказал ни единого слова, а когда собралось тегу майское племя, он повёл этих людей к реке Вагай, и там они увидели Таффи. Она сидела и плела из маргариток венки, а её отец Тегумай целился копьём, которое ему уже удалось починить, в проплывавшего мелкого карпа.

– Быстро же ты воротился! – воскликнула Таффи. – Но почему ты привёл с собой столько народу? Папочка, вот мой сюрприз. Не правда ли, ты удивлён?

– Очень, – сказал Тегумай. – Но вся моя сегодняшняя охота пропала. Почему, почему, объясни мне, пожалуйста, сбежалось сюда всё наше славное племя?

И действительно, всё племя было здесь. Впереди выступала Тешумай Тевиндро со всеми своими соседками. Они крепко вцепились в Незнакомца, волосы которого были густо измазаны грязью (хотя он и был теварец). За ними шёл главный вождь со своим заместителем, потом министры и помощники вождя (вооружённые до верхних зубов), гетманы, сотники, негусы, воеводы со своими тыловыми отрядами (тоже вооружённые до зубов). А за ними бежало всё племя, испуская такие ужасные вопли, которые разогнали всю рыбу в реке на двадцать километров – не меньше. Это очень рассердило Тегумая, и он покрыл прибежавших людей самой отборной доисторической бранью.

Тут Тешумай Тевиндро подбежала к Таффи и давай целовать её, обнимать и ласкать. Но главный вождь тегумайского племени схватил Тегумая за перья, торчавшие у него в волосах, и стал трясти его с бешеной яростью.

– Говори! Говори! Говори! – закричало всё тегумайское племя.

– Что за чепуха! – сказал Тегумай. – Оставьте мои перья в покое. Почему это так: стоит только человеку сломать на охоте копьё, как вот уже набрасывается всё его племя и начинает дубасить его! И кто дал вам право соваться в чужие дела?

– А ты так-таки и не принёс папиного чёрного копья! – сказала Таффи. – И что это вы делаете с милым моим Незнакомцем?

То два человека, то три, а то и целый десяток подбегали к Незнакомцу и били его, так что у того в конце концов глаза вылезли на лоб. Он не мог выговорить ни слова и молча указал на Таффи.

– Дорогой мой, а где же злодеи, что проткнули тебя острыми копьями? – спросила Тешумай.

– Никаких тут не было злодеев! – отвечал Тегумай. – Единственный, кого я видел сегодня, вон тот несчастный, которого вы бьёте сейчас. Не сошло ли ты с ума, о тегумайское племя?

– Он принёс нам страшную картинку, – ответил главный вождь. – На картинке ты весь с головы до пят утыкан стрелами. Тут заговорила Таффи:

– М... м... м... Сказать по правде... это я дала ему картинку... – Ей было очень неловко.

– Ты?! – закричало всё тегумайское племя. – Девочка–которую–нужно–хорошенько–отшлёпать–за–то–что–она–такая–шалунья?! Ты?!

– Таффи, милая! Боюсь, нам с тобой сейчас придётся довольно круто... – проговорил Тегумай и обнял её, отчего она сразу перестала бояться врагов.

– Говори! Говори! Говори! – сказал главный вождь тегумайского племени и запрыгал на одной ноге.

– Я хотела, чтобы Незнакомец принёс сюда папино копьё, вот я и нарисовала копьё, – пояснила Таффи. – Оно одно, но я нарисовала его три раза, чтобы Незнакомец не позабыл о нём. А если вышло так, будто оно протыкает папину спину, это всё оттого, что кора очень маленькая и на ней не хватает места. А те фигурки, которые мама называет злодеями, это просто мои бобры. Я нарисовала их потому, что нужно же было показать Незнакомцу, что он должен пойти по болоту! И я нарисовала маму у входа в пещеру. Она стоит и улыбается Незнакомцу, потому что он такой милый и добрый. А вы... глупее вас нет на всём свете! Ведь он милый и добрый, зачем же вы измазали ему голову грязью? Вымойте его сию минуту!

После этого все очень долго молчали. Никто не произнёс ни слова. Наконец главный вождь засмеялся. Потом засмеялся Незнакомец (а он был, как ты знаешь, теварец); потом засмеялся Тегумай, и так сильно смеялся, что не мог устоять на ногах; потом засмеялось всё тегумайское племя, – оно смеялось долго и громко.

Потом главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

– О Девочка–которую–нужно–хорошенько–отшлёпать–за–то–что–ты–такая–шалунья, ты сделала великое открытие!

– Никакого открытия не хотела я сделать, – ответила Таффи. – Я просто хотела, чтобы сюда принесли папино чёрное копьё.

– Всё равно! Это – великое открытие, и придёт день, когда люди назовут его умением писать. Покуда вместо писем мы будем посылать друг другу картинки, а в картинках – вы сами видели – не всегда можно разобраться как следует. Иногда выходит самая дикая путаница. Но придёт время, о дитя тегумайского племени, когда мы придумаем буквы и научимся при помощи букв читать и писать – и тогда у нас уже не будет ошибок. И пускай доисторические дамы смоят грязь с головы Незнакомца.

– Вот будет хорошо! – сказала Таффи. – Потому что теперь вы принесли сюда на берег все копья, какие только есть у тегумайского племени, но позабыли принести одно–единственное – чёрное копьё моего папы!

Тогда главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

– В следующий раз, когда придёт тебе в голову написать письмо в виде картинки, пошли с этим письмом человека, который умеет говорить по-нашему, и тот человек разъяснит всё, что ты хочешь сказать в письме. А не то ты видишь сама, какие могут выйти неприятности для всего тегумайского племени, да и Незнакомцу придётся иногда нелегко. После этого тегумайское племя приняло в свою среду Незнакомца (хотя он был настоящий теварец). Племя усыновило его, потому что он оказался большим джентльменом и не скандалил, когда доисторические дамы облепляли всю его голову грязью. Но с того дня и до нынешнего (и, по-моему, это всё из-за Таффи) не много на свете найдётся таких маленьких девочек, которые любят учиться читать и писать. Больше нравится им рисовать картинки и тихонько играть где-нибудь неподалёку от папы – совсем как Таффи.

ТЕКСТ 15

Э.–А. ПО «ОСТРОВ ФЕИ»

«Музыкальность, – пишет Мармонтель в тех «О нравах», которыми во всех наших переводах упорно дают заглавие «Нравственные повести», как бы в насмешку над их истинным содержанием, – единственный талант, который довольствуется сам собою; все остальные требуют второго лица». Здесь он смешивает наслаждение, получаемое от нежных звуков, со способностью их творить. Талант музыкальный, не более всякого другого, в силах доставлять наслаждение в отсутствие второго лица, способного оценить упражнения в нем. И то, что он создает эффекты, коими вполне можно наслаждаться в одиночестве, лишь роднит его с другими талантами. Идея, которую писатель не то не сумел ясно выразить, не то принес в жертву присущей его нации любви к острой фразе, – несомненно, вполне разумная идея о том, что музыку самого высокого рода наилучшим образом можно оценить, когда мы совсем одни. С положением, выраженным таким образом, немедленно согласится всякий, кто любит музыку и ради ее самой, и ради ее духовного воздействия. Но есть одно наслаждение, еще доступное падшему роду человеческому, – и, быть может, единственное, – которое даже в большей мере, нежели музыка, возрастает, будучи сопутствуемо чувством одиночества. Разумею счастье, испытываемое от созерцания природы.

Воистину человек, желающий узреть славу Божию на земле, должен узреть ее в одиночестве. По крайней мере, для меня жизнь – не только человеческая, но в любом виде, кроме жизни безгласных зеленых существ, произрастающих из земли, – портит пейзаж и враждует с духом – покровителем местности. Говоря по правде, я люблю рассматривать темные долины, серые скалы, тихо улыбающиеся воды, леса, что вздыхают в непокойной дремоте, и горделивые, зоркие горы, на все вззирающие свысока, – я люблю рассматривать их как части одного огромного целого, наделенного ощущениями и душою, – целого, чья форма (сферическая) наиболее совершенна и всеобъемлюща; чья тропа пролегает в семье планет; чья робкая прислужница – луна; чей покорный богу властелин – солнце; чья жизнь – вечность; чья мысль – о некоем божестве; чье наслаждение – в познании; чьи судьбы теряются в бесконечности; чье представление о нас подобно нашему представлению об микроскопических существах, кишачих у нас в мозгу, – вследствие чего существо это представляется нам сугубо материальным и неодушевленным, подобно тому как, наверное, мы

представляемся этим микроскопическим существам. Наши телескопы и математические исследования постоянно убеждают нас – невзирая на нужные рацеи наиболее невежественной части духовенства, – что пространство и, следственно, объем имеют важное значение для Всевышнего.

Звезды движутся по циклам, наиболее годным для вращения наибольшего количества тел без их столкновения. Тела эти имеют в точности такую форму, дабы вместить наивозможно большее количество материи в пределах данной поверхности; а сама поверхность расположена таким образом, дабы разместить на ней большее количество насельников, нежели на той же самой поверхности, расположенной иначе. И бесконечность пространства – не довод против мысли о том, что бога заботит объем, ибо для его заполнения может существовать бесконечное количество материи. И так как мы ясно видим, что наделение материи жизненною силою является принципом, и, насколько мы можем судить, ведущим принципом в деяниях божества, то вряд ли будет логичным предполагать, будто принцип этот ограничивается пределами малого, где мы каждый день усматриваем его проявление, и не распространяется на великое. Если мы обнаруживаем циклы, до бесконечности вмещающие другие циклы, но все имеющие некий единый отдаленный центр коловращения – божество, то не можем ли мы по аналогии представить себе существование жизней в жизнях, меньших в больших, и все в пределах божественного духа? Коротко говоря, мы в своей самонадеянности заблуждаемся до безумия, когда предполагаем, будто человек в своей временной или грядущей жизни значит во вселенной больше, нежели те «глыбы долины», которые он возделывает и презирает, отказываясь видеть в них душу, лишь на том основании, что он действий этой души не замечал.

Эти и им подобные мысли всегда придавали моим раздумьям, когда я находился в горах или в лесах, на речном или на морском берегу, оттенок того, что будничный мир не преминул бы назвать фантастическим. Мои скитания по таким местностям были многочисленны, исполнены любознательности и часто велись в одиночестве; и любопытство, с каким я блуждал по многим тенистым, глубоким долинам или созерцал небеса, отраженные во многих ясных озерах, было любопытство, во много раз усугубленное мыслью о том, что я блуждаю и созерцаю один. Какой это насмешливый француз сказал относительно известного произведения Циммермана, что «одиночество – прекрасная вещь, но ведь необходимо, чтобы кто-то вам сказал, что одиночество – это прекрасная

вещь». Остроумие этой фразы нельзя отрицать: но подобной необходимости и нет.

Во время одного из моих одиноких странствий по далекому краю гор, краю печально выющихся рек и уныло дремлющих озёр, мне довелось набрести на некий ручей и остров. Порою июньского шелеста листвы я неожиданно наткнулся на них и распростерся на дерне под сенью ветвей благоухающего куста неизвестной мне породы, дабы предаться созерцанию и дремоте. Я почувствовал, что видеть окружающее дано было мне одному – настолько оно походило на призрачное видение.

По всем сторонам – кроме западной, где начинало садиться солнце, – поднимались зеленые стены леса. Речка, которая в этом месте делала крутой поворот, казалось, не могла найти выхода и поглощалась на востоке густой зеленой листвой, а с противоположной стороны (так представлялось мне, пока я лежал растянувшись и смотрел вверх) беззвучно и непрерывно низвергался в долину густой пурпурно-золотой каскад небесных закатных потоков. Примерно посередине небольшого пространства, которое охватывал мой мечтательный взор, на водном лоне дремал круглый островок, покрытый густо зеленью.

Так тень и берег слиты были, что словно в воздухе парили, – чистая вода была так зеркальна, что едва было возможно сказать, где именно на склоне, покрытом изумрудным дерном, начинаются ее хрустальные владения.

С того места, где я лежал, я мог охватить взглядом и восточную и западную оконечности острова разом и заметил удивительно резкую разницу в их виде. К западу помещался сплошной лучезарный гарем садовых красавиц. Он сиял и рдел под бросаемыми искоса взглядами солнца и прямо-таки смеялся цветами. Короткая, упругая, ароматная трава пестрела асфоделиями. Было что-то от Востока в очертаниях и листве деревьев – гибких, веселых, прямых, ярких, стройных и грациозных, с корою гладкой, глянцевитой и пестрой. Все как бы пронизывало ощущение полноты жизни и радости; и хотя с небес не слетало ни дуновения, но все колыхалось – всюду порхали бабочки, подобные крылатым тюльпанам. Другую, восточную часть острова окутывала чернейшая тень. Там царил суровый, но прекрасный и покойный сумрак. Все деревья были темного цвета; они печально клонились, свиваясь в мрачные, торжественные и призрачные очертания, наводящие на мысли о смертельной скорби и безвременной кончине. Трава была темна, словно хвоя кипариса, и никла в бессилии; там и сям среди ее виднелись маленькие неказистые бугорки, низкие, узкие и не очень длинные, похожие на могилы, хотя и не могилы, и поросшие рутой и розмарином.

Тень от деревьев тяжело ложилась на воду, как бы погружаясь на дно и пропитывая мраком ее глубины. Мне почудилось, будто каждая тень, по мере того как солнце опускалось ниже и ниже, неохотно отделялась от породившего ее ствола и поглощалась потоком; и от деревьев мгновенно отходили другие тени вместо своих погребенных предтеч. Эта идея, однажды поразив мою фантазию, возбудила ее, и я погрузился в грезы. «Если и был когда-либо очарованный остров, – сказал я себе, – то это он. Это приют немногих нежных фей, переживших гибель своего племени. Их ли это зеленые могилы? Расстаются ли они со своею милою жизнью, как люди? Или, умирая, они, скорее, грустно истаивают, малопомалу отдавая жизнь богу, как эти деревья отделяют от себя тень за тенью, теряя свою субстанцию? И не может ли жизнь фей относиться к поглощающей смерти, как дерево – к воде, которая впитывает его тень, все чернея и чернея?» Пока я, полузакрыв глаза, размышлял подобным образом, солнце стремительно клонилось на отдых, и скорые струи кружились вокруг острова, качая большие, ослепительно белые куски платановой коры, которые так проворно скользили по воде, что быстрое воображение могло превратить их во что угодно, – пока я размышлял подобным образом, мне представилось, что фигура одной из тех самых фей, о которых я грезил, медленно перешла во тьму из освещенной части острова. Она выпрямилась в удивительно хрупком челне, держа до прозрачности легкое весло. В медливших погаснуть лучах облик ее казался радостным – но скорбь исказила его, как только она попала в тень. Плавно скользила она и, наконец, обогнув остров, вновь очутилась в лучах.

«Круг, только что описанный феей, – мечтательно подумал я, – равен краткому году ее жизни. То были для нее зима и лето. Она приблизилась к кончине на год; ибо я не мог не заметить, что в темной части острова тень ее отпала от нее и была поглощена темною водою, от чего чернота воды стала еще чернее». И вновь показался челн и фея на нем, но в облике ее сквозили забота и сомнение, а легкая радость уменьшилась. И вновь она всплыла из света во тьму (которая мгновенно сгустилась), и вновь ее тень, отделяясь, погрузилась в эбеновую влагу и поглотилась ее чернотою. И вновь и вновь проплывала она вокруг острова (пока солнце поспешно отходило ко сну), и каждый раз, выходя из темноты, она становилась печальнее, делалась более слабой, неясной и зыбкой, и каждый раз, когда она переходила во тьму, от нее отделялась все более темная тень, растворяясь во влаге, все более черной. И наконец, когда солнце совсем ушло, фея, лишь бледный призрак той, какою была до того, печально всплыла в эбеновый поток, а вышла ли оттуда – не могу сказать, ибо мрак объял все кругом, и я более не видел ее волшебный облик.

ТЕКСТ 16

Г. ЛАВКРАФТ «СОН»

На мансарду меня провел серьезный мужчина интеллигентной наружности. Седобородый и одетый с подчеркнутой простотой. Он так мне сказал:

– Да, именно тут он и жил. Советую ничего здесь не касаться. Любопытство делает людей неосторожными. Мы приходим сюда только вечерами и ничего не трогаем, ибо он так завещал. Вы ведь знаете, чем он занимался? Приходское начальство все-таки сунуло нос в это дело, и мы теперь даже не знаем, где он похоронен. Я полагаю, вы не будете сидеть здесь до темноты. Ради бога, не касайтесь этого предмета на столе. Да, он похож на спичечный коробок, но никто не знает, что это такое. Возможно, это связано с его работой. Мы стараемся даже не смотреть на эту вещь.

Через минуту мужчина ушел, оставив меня на мансарде одного. Помещение было грязноватое, скромно обставленное, повсюду пыль. Но оно не походило на чердак, где хранят всякий хлам. На полках стояли произведения классиков и труды по теологии. А одна из них была забита трактатами по магии – книгами Парацельса, Альберта Великого, Титаниуса, Гермеса Трисмегиста, Бореллиуса и других. И все переписанные странным почерком, которого я не мог разобрать. Еще там была дверь, ведущая в каморку, а попасть в мансарду можно было только через люк в полу, поднявшись по крутой лестнице с полусгнившими ступенями. Овальные окна и дубовые балки свидетельствовали о древности дома, находившегося, без сомнения, где-то в Старом Свете. Тогда мне казалось, что я знаю, где нахожусь, но сейчас уж и не упомяну – действительно ли я это знал. Во всяком случае – не в Лондоне. У меня осталось смутное впечатление какого-то небольшого порта.

Маленький предмет, лежащий на столе, притягивал мое внимание. Я был уверен, что смогу им правильно воспользоваться, поскольку у меня в кармане лежал фонарик, или, скорее, устройство, похожее на фонарик. Я нервно сжимал его в ладони. Это устройство не давало обычного яркого света. Его луч был фиолетовым и, возможно, это был вовсе не свет, а род радиоактивного излучения. А помню, что не считал это устройство простым электрическим фонариком.

Наступили сумерки. Старые крыши и каминные трубы смотрелись через округлое окно мансарды как-то по-особому. Я наконец собрал все свое мужество и поставил лежавший на столе маленький предмет вертикально, подперев его книгой. Потом направил на него луч

фиолетового света. Скорее даже не луч, а пучок частиц, которые падали на предмет как капли дождя.

Ударяясь о его стеклянную поверхность, частицы издавали слабый треск.

Темная поверхность стекла засветилась розовым, а внутри начал возникать туманный, белый кристалл. Тут я заметил, что я не один в помещении и прикрыл источник излучения.

Новоприбывший, однако, молчал. И вообще, какое-то время я не слышал ни единого голоса либо звука. Все происходящее было угрюмой пантомимой, видевшейся как бы в тумане.

Новоприбывший был худым темноволосым мужчиной средних лет, одетым в костюм англиканского пастора. Ему можно было дать около тридцати. Бледное, оливкового цвета лицо выглядело достаточно приятным, если бы не ненормально высокий лоб. Коротко подстриженные и аккуратно зачесанные волосы, легкая синева выбритых щек. Он носил очки в стальной оправе. Лицо в сущности ничем не отличающееся от лиц других особ духовного звания, если не считать слишком высокого лба и уж очень интеллигентного вида. В его хрупкой фигуре чудилось что-то загадочное и колдовское. Он, казалось, нервничал.

Он зажег слабую масляную лампу.

И, прежде чем я смог что-то сделать, он побросал все книги по магии в камин, находящийся у окна.

Пламя жадно пожирало бумагу и старинные переплеты, а по комнате распространялся неописуемый запах, вызывавший головокружение и слабость.

Тогда я увидел других людей. Это были мужчины, одетые как духовные лица. Я ничего не слышал, но вдруг понял, что они приняли какое-то очень важное для пастора решение, казалось, они и боятся, и ненавидят его, а он платит им тем же. На его лице появилось безжалостное выражение, и я увидел, как дрожит его правая рука, которой он пытался опереться на поручень кресла. Один из мужчин с каким-то особым отворачиванием указал пальцем на пустую этажерку и камин, где среди пепла сгоревших книг уже угасало пламя. Пастор изобразил на лице кривую усмешку и протянул руку в направлении маленького, стоящего на столе предмета. Духовники явно перепугались и один за другим начали покидать помещение через люк в полу, спускаясь по крутой лестнице. Но и уходя они продолжали оглядываться и угрожать.

Пастор подошел к встроенному в стену шкафу и извлек из него веревку.

Затем стал на кресло и закрепил конец веревки на большом крюке, вбитом в центральную балку из черного дуба. На другом конце он завязал петлю.

Сообразив, что он через пару секунд повесится, я бросился к нему, чтобы отговорить. Он увидел меня и замер. Но глядел он на меня как триумфатор, что меня беспокоило, обескуражило и заставило остановиться. Тогда пастор медленно спустился с кресла и пошел на меня со злой гримасой на мрачном лице.

Я почувствовал смертельную опасность и, защищаясь, направил на него луч моего странного фонаря. Уж и не помню, как мне пришло в голову, что только это может мне помочь. Бледное лицо пастора запылало фиолетовым цветом, а после розовым. Выражение жестокой радости медленно сменилось удивлением, но все же радость не полностью исчезла с его лица. Он остановился, а потом, прикрываясь руками, неуверенно попятился. Я увидел, что он движется прямо к зияющему в полу люку. Я попытался крикнуть, чтобы предостеречь его, но он меня не слышал. Секундой позже он свалился в люк и исчез.

Я с трудом подошел к проему и заглянул вниз, ожидая увидеть распростертое тело. Ничего подобного. Там, у основания лестницы толпились люди с фонарями. Внезапно порвалась завеса молчания, я снова все слышал и видел отчетливо. Что привлекло сюда эту толпу? Может быть, шум, которого я ранее не слышал? Люди начали подыматься по лестнице. Но вот двое идущих впереди (на вид самые обыкновенные крестьяне) увидели меня и окаменели.

Кто-то громко закричал:

– А-а-а!.. Смотрите! Снова!..

Мгновенно вся толпа развернулась и в панике бежала. Внизу остался лишь серьезный седобородый мужчина, тот, что меня сюда впустил. Он поднял над головой лампу и смотрел на меня с гордостью и восхищением. Но удивленным и тем более пораженным не казался. Он подошел ко мне в мансарду.

– Все же вы эту штуку трогали, – сказал он. – Мне очень неприятно. Я знаю, что тут произошло, ибо однажды это уже случилось. Но тот человек так испугался, что покончил с собой. Вам не следовало вызывать его обратно. Вы ведь знаете, чего он хочет. Но, ради Бога, не пугайтесь так, как этот человек. Конечно, с вами приключилось нечто странное и ужасное, но не настолько, чтобы повредить вашему физическому или умственному здоровью. Если вы сохраните хладнокровие и примиритесь с неизбежностью определенных радикальных перемен в вашем образе жизни, то сможете наслаждаться всеми радостями мира и пользоваться

плодами своих знаний. Но здесь вам оставаться уже нельзя. Не думаю также, что вам захочется вернуться в Лондон. Я бы посоветовал перебраться в Америку. Положитесь на нас – мы все организуем наилучшим образом... В вашем облике произошли определенные изменения. Это следствие вашего... гм, эксперимента. Но в новой стране вы легко к этому привыкнете. Давайте-ка пройдем вон к тому зеркалу на стене.

Боюсь, вас ожидает шок, хотя уверяю – ничего страшного вы не увидите.

Я так трясся от ужаса, что бородатому мужчине пришлось меня поддерживать, иначе до зеркала я не дошел бы. В свободной руке он нес лампу (не ту, которой он светил снизу, а другую, взятую им со стола и дающую еще меньше света).

В зеркале я увидел худого мужчину средних лет, с темными волосами, одетого в костюм англиканского пастора. Он носил очки в стальной оправе, стекла которых поблескивали под бледным, ненормально высоким лбом.

Это был первый из молчаливых гостей.

Тот, что сжег книги.

ТЕКСТ 17

М. БУЛГАКОВ «ПОЛОТЕНЦЕ С ПЕТУХОМ»

Если человек не ездил на лошадях по глухим проселочным дорогам, то рассказывать мне ему об этом нечего: все равно он не поймет. А тому, кто ездил, и напоминать не хочу.

Скажу коротко: сорок верст, отделяющих уездный город Грачевку от Мурьевской больницы, ехали мы с возницей моим ровно сутки. И даже до курьезного ровно: в два часа дня 16 сентября 1917 года мы были у последнего лабаза, помещающегося на границе этого замечательного города Грачевки, а в два часа пять минут 17 сентября того же 17-го незабываемого года я стоял на битой, умирающей и смякшей от сентябрьского дождика траве во дворе Мурьевской больницы. Стоял я в таком виде: ноги окостенели, и настолько, что я смутно тут же во дворе мысленно перелистывал страницы учебников, тупо стараясь припомнить, существует ли действительно, или мне это померещилось во вчерашнем сне в деревне Грабиловке, болезнь, при которой у человека окостеневают мышцы? Как ее, проклятую, зовут по-латыни? Каждая из мышц этих болела нестерпимой болью, напоминающей зубную боль. О пальцах на ногах говорить не приходится – они уже не шевелились в сапогах, лежали смирно, были похожи на деревянные культяпки. Сознаю, что в порыве малодушия я проклинал шепотом медицину и свое заявление, поданное пять лет тому назад ректору университета. Сверху в это время сеяло, как сквозь сито. Пальто мое набухло, как губка. Пальцами правой руки я тщетно пытался ухватиться за ручку чемодана и наконец плюнул на мокрую траву. Пальцы мои ничего не могли хватать, и опять мне, начиненному всякими знаниями из интересных медицинских книжек, вспомнилась болезнь – паралич «Парализис», – отчаянно мысленно и черт знает зачем сказал я себе.

– П.... по вашим дорогам, – заговорил я деревянными, синенькими губами, – нужно п.... привыкнуть ездить. – И при этом злобно почему-то уставился на возницу, хотя он, собственно, и не был виноват в такой дороге.

– Эх... товарищ доктор, – отозвался возница, тоже еле шевеля губами под светлыми усишками, – пятнадцать годов езжу, а все привыкнуть не могу.

Я содрогнулся, оглянулся тоскливо на белый облупленный двухэтажный корпус, на небеленые бревенчатые стены фельдшерского домика, на свою будущую резиденцию – двухэтажный, очень чистенький дом с гробовыми загадочными окнами, протяжно вздохнул. И тут же мутно мелькнула в голове вместо латинских слов сладкая фраза, которую спел в ошалевших от качки мозгах полный тенор с голубыми ляжками:

– «Привет тебе... приют священный...»

Прощай, прощай надолго, золото–красный Большой театр, Москва, витрины... ах, прощай.

«Я тулуп буду в следующий раз надевать... – в злобном отчаянии думал я и рвал чемодан за ремни негнушимися руками, – я... хотя в следующий раз будет уже октябрь... хоть два тулупа надевай. А раньше, чем через месяц я не поеду, не поеду в Грачевку... Подумайте сами... ведь ночевать пришлось!

Двадцать верст сделали и оказались в могильной тьме... ночь... в Грабиловке пришлось ночевать... учитель пустил... А сегодня утром выехали в семь утра... И вот едешь... батюшки–с–светы... медленнее пешехода. Одно колесо ухает в яму, другое на воздух подымается, чемодан на ноги – бух... потом на бок, потом на другой, потом носом вперед, потом затылком. А сверху сеет и сеет, и стынут кости. Да разве я мог бы поверить, что в середине серенького кислого сентября человек может мерзнуть в поле, как в лютую зиму?! Ан, оказывается, может. И пока умираешь медленною смертью, валишь одно и то же, одно. Справа горбатое обглоданное поле, слева чахлый перелесок, а возле него серые драные избы, штук пять и шесть. И кажется, что в них нет ни одной живой души. Молчание, молчание кругом».

Чемодан наконец поддался. Возница налег на него животом и выпихнул его прямо на меня. Я хотел удержать его за ремень, но рука отказалась работать, и распухший, осточертевший мой спутник с книжками и всяким барахлом плюхнулся прямо на траву, шарахнув меня по ногам.

– Эх ты, Госпо... – начал возница испуганно, но я никаких претензий не предъявлял – ноги у меня были все равно хоть выбрось их.

– Эй, кто тут? Эй! – закричал возница и захлопал руками, как пехотинцы крыльями. – Эй, доктора привез!

Тут в темных стеклах фельдшерского домика показались лица, прилипли к ним, хлопнула дверь, и вот я увидел, как заковылял по траве ко мне человек в рваненьком пальтишке и сапожишках. Он почтительно и торопливо снял картуз, подбежал на два шага ко мне, почему-то улыбнулся стыдливо и хриплым голосом приветствовал меня:

– Здравствуйте, товарищ доктор.

– Кто вы такой? – спросил я.

– Егорыч я, – отрекомендовался человек, – сторож здешний. Уж мы вас ждем, ждем...

И тут же он ухватился за чемодан, вскинул его на плечо и понес. Я захромал за ним, безуспешно пытаюсь всунуть руку в карман брюк, чтобы вынуть портмоне.

Человеку, в сущности, очень немного нужно. И прежде всего ему нужен огонь. Направляясь в мурьевскую глушь, я, помнится, еще в Моск-

ве давал себе слово держать себя солидно. Мой юный вид отравлял мне существование на первых шагах. Каждому приходилось представляться

– Доктор такой-то.

И каждый обязательно поднимал брови и спрашивал:

– Неужели? А я–то думал, что вы еще студент.

– Нет, я кончил, – хмуро отвечал я и думал «очки мне нужно завести, вот что». Но очки было заводить не к чему, глаза у меня были здоровые, и ясность их еще не была омрачена житейским опытом. Не имея возможности защищаться от всегдашних снисходительных и ласковых улыбок при помощи очков, я старался выработать особую, внушающую уважение, повадку. Говорить пытался размеренно и веско, порывистые движения по возможности сдерживать, не бегать, как бегают люди в двадцать три года, окончившие университет, а ходить. Выходило все это, как теперь, по прошествии многих лет, понимаю, очень плохо.

В данный момент я этот свой неписанный кодекс поведения нарушил. Сидел, скорчившись, сидел в одних носках, и не где-нибудь в кабинете, а сидел в кухне и, как огнепоклонник, вдохновенно и страстно тянулся к пылающим в плите березовым поленьям. На левой руке у меня стояла перевернутая дном кверху кадушка, и на ней лежали мои ботинки, рядом с ними ободранный, голокожий петух с окровавленной шеей, рядом с петухом его разноцветные перья грудой. Дело в том, что еще в состоянии окоченения я успел произвести целый ряд действий, которых потребовала сама жизнь. Востроносая Акси́нья, жена Егорыча, была утверждена мною в должности моей кухарки. Вследствие этого и погиб под ее руками петух. Его я должен был съесть. Я со всеми перезнакомился. Фельдшера звали Демьян Лукич, акушерок – Пелагея Ивановна и Анна Николаевна. Я успел обойти больницу и с совершеннейшей ясностью убедился в том, что инструментарий в ней богатейший. При этом с тою же ясностью я вынужден был признать (про себя, конечно), что очень многих блестящих девственно инструментов назначение мне вовсе неизвестно. Я их не только не держал в руках, но даже, откровенно признаюсь, и не видел.

– Гм, – очень многозначительно промычал я, – однако у вас инструментарий прелестный. Гм...

– Как же–с, – сладко заметил Демьян Лукич, – это все стараниями вашего предшественника Леопольда Леопольдовича. Он ведь с утра до вечера оперировал.

Тут я облился прохладным потом и тоскливо поглядел на зеркальные сияющие шкафики.

Засим мы обошли пустые палаты, и я убедился, что в них свободно можно разместить сорок человек.

– У Леопольда Леопольдовича иногда и пятьдесят лежало, – утешал меня Демьян Лукич, а Анна Николаевна, женщина в короне поседевших волос, к чему-то сказала:

– Вы, доктор, так моложавы, так моложавы... Прямо удивительно. Вы на студента похожи.

«Фу ты, черт, – подумал я, – как сговорились, честное слово!»

И проворчал сквозь зубы, сухо:

– Гм... нет, я.... то есть я.... да, моложав...

Затем мы спустились в аптеку, и сразу я увидел, что в ней не было только птичьего молока. В темноватых двух комнатах крепко пахло травами, и на полках стояло все что угодно. Были даже патентованные заграничные средства, и нужно ли добавлять, что я никогда не слышал о них ничего.

– Леопольд Леопольдович выписал, – с гордостью доложила Пелагея Ивановна.

«Прямо гениальный человек был этот Леопольд», – подумал я и проникся уважением к таинственному, покинувшему тихое Мурье, Леопольду.

Человеку, кроме огня, нужно еще освоиться. Петух был давно мною съеден, сенник для меня набит Егорычем, покрыт простыней, горела лампа в кабинете в моей резиденции. Я сидел и, как зачарованный, глядел на третье достижение легендарного Леопольда: шкаф был битком набит книгами. Одних руководств по хирургии на русском и немецком языках я насчитал бегло около тридцати томов. А терапия! Накожные чудные атласы!

Надвигался вечер, и я осваивался.

«Я ни в чем не виноват, – думал я упорно и мучительно, – у меня есть дом, я имею пятнадцать пятерок. Я же предупреждал еще в том большем городе, что хочу идти вторым врачом. Нет. Они улыбались и говорили: «освоитесь». Вот тебе и освоитесь. А если грыжу привезут? Объясните, как я с ней освоюсь? И в особенности, каково будет себя чувствовать больной с грыжей у меня под руками? Освоится он на том свете (тут у меня холод по позвоночнику) ... а гнойный аппендицит? Га! А дифтерийный круп у деревенских ребят? Когда трахеотомия показала? Да и без трахеотомии будет мне не очень хорошо... А.... а.... роды! Роды-то забыл! Неправильные положения. Что ж я буду делать? А? Какой я легкомысленный человек! Нужно было отказаться от этого участка. Нужно было. Достали бы себе какого-нибудь Леопольда».

В тоске и сумерках я прошелся по кабинету. Когда поравнялся с лампой, уважал, как в безграничной тьме полей мелькнул мой бледный лик рядом с огоньками лампы в окне.

«Я похож на Лжедмитрия», – вдруг глупо подумал я и опять уселся за стол.

Часа два в одиночестве я мучил себя и домучил до тех пор, что уж больше мои нервы не выдерживали созданных мною страхов. Тут я начал успокаиваться и даже создавать некоторые планы.

Так–с... Прием, они говорят, сейчас ничтожный. В деревнях мнут лен, бездорожье... «Тут тебе грыжу и привезут, – бухнул суровый голос в мозг, – потому что по бездорожью человек с насморком (нетрудная болезнь) не поедет, а грыжу притащат, будь покоен, дорогой коллега доктор».

Голос был неглуп, не правда ли? Я вздрогнул.

«Молчи, – сказал я голосу, – не обязательно грыжа. Что за неврас-
тения?

Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

«Назвался груздем, полезай в кузов», – ехидно отозвался голос.

Так–с... со справочником я расставаться не буду... Если что выписать, можно, пока руки моешь, обдумать. Справочник будет раскрытым лежать прямо на книге для записей больных. Буду выписывать полезные, но нетрудные рецепты. Ну, например, *natrii salicilici* 0,5 по одному порошку три раза в день...

«Соду можно выписать!» – явно издеваясь, отозвался мой внутренний собеседник.

При чем тут сода? Я и ипекакуану выпишу инфузий... на 180. Или на двести. Позвольте.

И тут же, хотя никто не требовал от меня в одиночестве у лампы ипекакуанки, я малодушно перелистал рецептурный справочник, проверил ипекакуанку, а попутно прочитал машинально и о том, что существует на свете какой-то «инсипин» и он не кто иной, как «сульфат эфира хининдигликолевой кислоты»... Оказывается, вкуса хинина не имеет! Но зачем он? И как его выписать? Он что – порошок? Черт его возьми!

«Инсипин инсипином, а как же все-таки с грыжей будет?» – упорно приставал страх в вале голоса.

«В ванну посажу, – остервенело защищался я, – в ванну. И попробую вправить».

«Ущемленная, мой ангел! Какие тут, к черту, ванны! Ущемленная, – демонским голосом пел страх. – Резать надо».

Тут я сдался и чуть не заплакал. И моление тьме за окном послал: все, что угодно, только не ущемленную грыжу.

А усталость напевала: «Ложись ты спать, злосчастный эскулап. Выспишься, а утром будет видно. Успокойся, юный неврастеник. Гляди – тьма за окнами покойна, спят стынувшие поля, нет никакой грыжи. А утром будет видно. Освоишься... спи... Брось атлас... Все равно ни пса сейчас не разберешь. Грыжевое кольцо...»

Как он влетел, я даже не сообразил. Помнится, болт на двери загремел, Аксинья что-то пискнула. Да еще за окнами проскрипела телега.

Он без шапки, в расстегнутом полушубке, со свалывшейся бородой, с безумными глазами.

Он перекрестился, и повалился на колени, и бухнул лбом в пол. Это мне.

«Я пропал», – тоскливо подумал я.

– Что вы, что вы, что вы! – забормотал я и потянул за серый рукав.

Лицо его перекосило, и он, захлебываясь, стал бормотать в ответ прыгающие слова: – Господин доктор... господин... единственная, единственн... единственная! – выкрикнул он вдруг по-юношески звонко, так что дрогнул ламповый абажур. – Ах ты, господи... Ах... – Он в тоске заломил руки и опять забухал лбом в половицы, как будто хотел разбить его. – За что? За что наказание?... Чем прогневали?

– Что? Что случилось?! – выкрикнул я, чувствуя, что у меня холодеет лицо.

Он вскочил на ноги, метнулся и прошептал так:

– Господин доктор... что хотите... денег дам... денег берите, какие хотите. Какие хотите. Продукты будем доставлять... только чтоб не померла. Только чтоб не померла. Калекой останется – пущай. Пущай – кричал он в потолок. Хватит прокормить, хватит.

Бледное лицо Аксиньи висело в черном квадрате двери. Тоска обвилась вокруг моего сердца.

– Что?... Что? Говорите! – выкрикнул я болезненно.

Он стих и шепотом, как будто по секрету, сказал мне, и глаза его стали бездонны:

– В мялку попала...

– В мялку... в мялку?... переспросил я – что это такое?

– Лен, лен мяли... господин доктор... – шепотом объяснила Аксинья, – мялка-то... лен мнут...

«Вот начало. Вот. О, зачем я приехал!» подумал я.

– Кто?

– Дочка моя, – ответил он шепотом, а потом крикнул: – Помогите! – и вновь повалился, и стриженные его в скобку волосы метнулись на его глаза.

Лампа «молния» с покривившимся жестяным абажуром горела жарко, двумя рогами. На операционном столе, на белой, свежпахнущей, клеенке я ее увидел, и грыжа померкла у меня в памяти.

Светлые, чуть рыжеватые волосы свешивались со стола сбившимся засохшим колтуном. Коса была гигантская, и конец ее касался пола. Ситцевая юбка была изорвана, и кровь на ней разного цвета – пятно бурое, пятно жирное, алое. Свет «молнии» показался мне желтым и живым, а ее лицо бумажным, белым, нос заострен. На белом лице у нее, как гипсовая, неподвижная, потухала действительно редкостная красота. Не всегда, не часто встретишь такое лицо.

В операционной секунд десять было полное молчание, но за закрытыми дверями слышно было, как глухо выкрикивал кто-то и бухал, все бухал головой.

«Обезумел, – думал я, – а сиделки, значит, его отпаивают... Почему такая красавица? Хотя у него правильные черты лица... Видно, мать была красивая... Он вдовец».

– Он вдовец? – машинально шепнул я.

– Вдовец, – тихо ответа Пелагея Ивановна.

Тут Демьян Лукич резким, как бы злобным движением от края до верха разорвал юбку и сразу ее обнажил. Я глянул, и то, что я увидал, превысило мои ожидания.левой ноги, собственно, не было. Начиная от раздробленного колена, лежала кровавая рвань, красные мятые мышцы и остро во все стороны торчали белые раздавленные кости. Правая была переломлена в голени так, что обе кости концами выскочили наружу, пробив кожу. От этого ступня ее безжизненно, как бы отдельно, лежала, повернувшись набок.

– Да, – тихо молвил фельдшер и ничего больше не прибавил.

Тут я вышел из оцепенения и взялся за ее пульс. В холодной руке его не было. Лишь после нескольких секунд нашел я чуть заметную редкую волну. Она прошла... потом была пауза, во время которой я успел глянуть на синеющие крылья носа и белые губы... Хотел уже сказать: конец... по счастью, удержался... Опять прошла ниточкой волна.

«Вот как потухает изорванный человек, – подумал я, тут уж ничего не сделаешь»

Но вдруг сурово сказал, не узнавая своего голоса:

– Камфары.

Тут Анна Николаевна склонилась к моему уху и шепнула:

– Зачем, доктор. Не мучайте. Зачем еще колоть. Сейчас отойдет...

Не спасете.

Я злобно и мрачно оглянулся на нее и сказал:

– Попрошу камфары...

Так, что Анна Николаевна с вспыхнувшим, обиженным лицом сейчас же бросилась к столику и сломала ампулу.

Фельдшер тоже, видимо, не одобрял камфары. Тем не менее он ловко и быстро взялся за шприц, и желтое масло ушло под кожу плеча.

«Умирай. Умирай скорее, – подумал я, – умирай. А то что же я буду делать с тобой?»

– Сейчас помрет, – как бы угадал мою мысль, шепнул фельдшер. Он покосился на простыню, но, видимо, раздумал: жаль было кровавить простыню. Однако через несколько секунд ее пришлось прикрыть. Она лежала, как труп, но она не умерла. В голове моей вдруг стало светло, как под стеклянным потолком нашего далекого анатомического театра.

– Камфары еще, – хрипло сказал я.

И опять покорно фельдшер впрыснул масло.

«Неужели же не умрет? – отчаянно подумал я. Неужели придется...»

Все светлело в мозгу, и вдруг без всяких учебников, без советов, без помощи я соображал – уверенность, что сообразил, была железной, – что сейчас мне придется в первый раз в жизни на угасшем человеке делать ампутацию. И человек этот умрет под ножом. Ах, под ножом умрет. Ведь у нее же нет крови! За десять верст вытекло все через раздробленные ноги, и неизвестно даже, чувствует ли она что-нибудь сейчас, слышит ли. Она молчит. Ах, почему она не умирает? Что скажет мне безумный отец?

– Готовьте ампутацию, – сказал я фельдшеру чужим голосом.

Акушерка посмотрела на меня дико, но у фельдшера мелькнула искра сочувствия в глазах, и он заметался у инструментов. Под руками у него взревел примус.

Прошло четверть часа. С суеверным ужасом я вглядывался в угасший глаз, подымая холодное веко. Ничего не постиг. Как может жить полутруп? Капли пота неудержимо бежали у меня по лбу из-под белого колпака, и марлей Пелагея Ивановна вытирала соленый пот. В остатках крови в жилах у девушки теперь плавал и кофеин. Нужно было его впрыснуть или нет? На бедрах Анна Николаевна, чуть-чуть касаясь, гладила бугры, набухшие от физиологического раствора. А девушка жила.

Я взял нож, стараясь подражать (раз в жизни в университете я видел ампутацию) кому-то... Я умолял теперь судьбу, чтобы уж в ближайшие полчаса она не померла... «Пусть умрет в палате, когда я окончу операцию...»

За меня работал только мой здравый смысл, подхлестнутый необычайностью обстановки. Я кругообразно и ловко, как опытный мясник, острейшим ножом полоснул бедро, и кожа разошлась, не дав ни одной родинки крови. «Сосуды начнут кровить, что я буду делать?» – думал я и, как

волк, косился на груду торсионных пинцетов. Я срезал громадный кус женского мяса и один из сосудов – он был в виде беловатой трубочки, – но ни капли крови не выступило из него. Я зажал его торсионным пинцетом и двинулся дальше. Я натыкал эти торсионные пинцеты всюду, где предполагал сосуды «Артерия... артерия... как, черт, ее?» В операционной стало похоже на клинику. Торсионные пинцеты висели гроздьями. Их марлей оттянули кверху вместе с мясом, и я стал мелкозубой ослепительной пилой пилить круглую кость «почему не умирает? Это удивительно... ох, как живуч человек!»

И кость отпала. В руках у Демьяна Лукича осталось то, что было девичьей ногой. Лохмы мяса, кости! Все это отбросили в сторону, и на столе оказалась девушка, как будто укороченная на треть, с оттянутой в сторону культей.

«Еще, еще немножко... не умирай, – вдохновенно думал я, – потерпи до палаты, дай мне выскочить благополучно из этого ужасного случая моей жизни».

Потом вязали лигатурами, потом, щелкая коленом, я стал редкими швами зашивать кожу... но остановился, осененный, сообразил... оставил сток... вложил марлевый тампон... Пот застилал мне глаза, и мне казалось, будто я в бане...

Отдулся. Тяжело посмотрел на культю, на восковое лицо. Спросил:

– Жива?

– Жива... – как беззвучное эхо, отозвались сразу и фельдшер, и Анна Николаевна.

– Еще минуточку проживет, – одними губами, без звука в ухо сказал мне фельдшер. Потом запнулся и деликатно посоветовал: – Вторую ногу, может, и не трогать, доктор. Марлей, знаете ли, замотаем... а то не дотянет до палаты...

А? Все лучше, если не в операционной скончается.

– Гипс давайте, – сипло отозвался я, толкаемый неизвестной силой.

Весь пол был заляпан белыми пятнами, все мы были в поту. Полутруп лежал неподвижно. Правая нога была забинтована гипсом, и зияло на голени вдохновенно оставленное мною окно на месте перелома.

– Живет... – удивленно хрипнул фельдшер.

Затем ее стали подымать, и под простыней бы виден гигантский провал – треть ее тела мы оставили в операционной. Затем колыхались тени в коридоре, шмыгали сиделки, и я видел, как по стене прокралась растрепанная мужская фигура и издала сухой вопль. Но его удалили. И стихло.

В операционной я мыл окровавленные по локоть руки.

– Вы, доктор, вероятно, много делали ампутаций? – вдруг спросила Анна Николаевна. – Очень, очень хорошо... Не хуже Леопольда...

В ее устах слово «Леопольд» неизменно звучало, как «Дуайен».

Я исподлобья взглянул на лица. И у всех – и у Демьяна Лукича, и у Пелагеи Ивановны – заметил в глазах уважение и удивление.

– Кхм... я... Я только два раза делал, видите ли...

Зачем я солгал? Теперь мне это непонятно.

В больнице стихло. Совсем.

– Когда умрет, обязательно пришлите за мной, – вполголоса приказал я фельдшеру, и он почему-то вместо «хорошо» ответил почтительно:

– Слушаю–с...

Через несколько минут я был у зеленой лампы в кабинете докторской квартиры. Дом молчал.

Бледное лицо отражалось в чернейшем стекле.

«Нет, я не похож на Дмитрия Самозванца, и я, видите ли, постарел как-то... Складка над переносицей... Сейчас постучат... Скажут «умерла»... Да, пойду я и погляжу в последний раз... Сейчас раздастся стук...

В дверь постучали. Это было через два с половиной месяца. В окне сиял один из первых зимних дней. Вошел он; я его разглядел только тогда. Да, действительно черты лиц правильные. Лет сорока пяти. Глаза искрятся.

Затем шелест... на двух костылях впрыгнула очаровательной красоты одноногая девушка в широчайшей юбке, обшитой по подолу красной каймой.

Она поглядела на меня, и щеки ее замело розовой краской.

– В Москве... в Москве... – И я стал писать адрес – там устроят протез, искусственную ногу.

– Руку поцелуй, – вдруг неожиданно сказал отец. Я до того растерялся, что вместо губ поцеловал ее в нос.

Тогда она, обвисая на костылях, развернула сверток, и выпало длинное снежно-белое полотенце с безыскусственным красным вышитым петухом. Так вот что она прятала под подушку на осмотрах. То-то, я помню, нитки лежали на столике.

– Не возьму, – сурово сказал я и даже головой замотал. Но у нее стало такое лицо, такие глаза, что я взял...

И много лет оно висело у меня в спальне в Мурьеве, потом странствовало со мной. Наконец обветшало, стерлось, продырявилось и исчезло, как стираются и исчезают воспоминания.

ТЕКСТ 18

Э. ХЕМИНГУЭЙ «ОЧЕНЬ КОРОТКИЙ РАССКАЗ»

Душным вечером в Падуе его вынесли на крышу, откуда он мог смотреть вдаль, поверх городских домов. В небе летали стрижи. Скоро стемнело, и зажглись прожекторы. Все остальные пошли вниз и взяли с собой бутылки. Он и Люз слышали их голоса внизу, на балконе. Люз присела на край кровати. Она была свежая и прохладная в духоте ночи.

Люз уже три месяца несла ночное дежурство. Ей охотно позволяли это. Она сама готовила его к операции; и они придумали забавную шутку насчет подружки и кружки. Когда ему давали наркоз, он старался не потерять власти над собой, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего в приступе нелепой болтливости. Как только ему разрешили передвигаться на костылях, он стал сам разносить термометры раненым, чтобы Люз не нужно было вставать с постели. Раненых было мало, и они знали обо всем. Они все любили Люз. На обратном пути, проходя по коридору, он думал о том, что Люз лежит в его постели.

Когда пришло время возвращаться на фронт, они пошли в Дуомо помолиться. Там было тихо и полутемно, и, кроме них, были еще молящиеся. Они хотели пожениться, но времени для оглашения оставалось слишком мало, и потом, у них не было метрических свидетельств. Они чувствовали себя мужем и женой, но им хотелось, чтобы все знали об этом и чтобы это было прочно.

Люз писала ему много писем, которые дошли только после перемирия. Он их получил на фронте, пятнадцать сразу, подобрал их по числам и прочел все подряд. В них говорилось о госпитальных новостях и о том, как сильно она его любит, и как она жить без него не может, и как ей не хватает его по ночам.

После перемирия они решили, что он поедет на родину и будет искать работу, чтобы они могли пожениться. Люз вернется только тогда, когда он получит хорошую работу и сможет встретить ее в Нью-Йорке. Он не должен пить, и он не будет встречаться ни с кем из своих приятелей и вообще ни с кем в Штатах. Прежде всего – достать работу и пожениться. По дороге из Падуи в Милан они поссорились из-за того, что она не хотела сразу же ехать домой. На миланском вокзале, когда пришло время прощаться, они поцеловались, но ссора еще не была забыта. Ему было досадно, что они так нехорошо простились.

В Генуе он сел на пароход, отходивший в Америку. Люз поехала в Порденоне, где открывался новый госпиталь. Там было сыро и дождливо, и в городе стоял батальон Ардитти. Коротая зиму в этом грязном, дождли-

вом городишке, майор батальона стал ухаживать за Люз, а у нее раньше не было знакомых итальянцев, и в конце концов она написала в Штаты, что их любовь была только детским увлечением. Ей очень грустно, и она знает, что, вероятно, он не поймет ее, но, быть может, когда-нибудь он простит и будет ей благодарен, а теперь она совершенно неожиданно для себя собирается весной выйти замуж. Она по-прежнему любит его, но ей теперь ясно, что это только детская любовь. Она не сомневается, что перед ним большое будущее, и твердо верит в него. Она знает, что все это к лучшему.

Майор не женился на ней ни весной, ни позже. Люз так и не получила из Чикаго ответа на свое письмо. А он вскоре после того заразился гонореей от продавщицы универсального магазина, с которой катался в такси по Линкольн-парку.

Когда артиллерийский огонь разносил окопы у Фоссальты, он лежал плашмя и, обливаясь потом, молился: «Иисусе, выведи меня отсюда, прошу тебя, Иисусе. Спаси, спаси, спаси меня. Сделай, чтобы меня не убили, и я буду жить, как ты велишь. Я верю в тебя, я всем буду говорить, что только в тебя одного нужно верить. Спаси, спаси меня, Иисусе». Огонь передвинулся дальше по линии. Мы стали исправлять окоп, а наутро взошло солнце, и день был жаркий, и тихий, и радостный, и спокойный. На следующий вечер, вернувшись в Местре, он не сказал ни слова об Иисусе той девушке, с которой ушел наверх в «Вилла-Росса». И никому никогда не говорил.

ТЕКСТ 19

Л.Н. ТОЛСТОЙ «ТРИ СТАРЦА»

А молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им: ибо знает отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него. (Матф. VI, 8).

Плыл на корабле архиерей из Архангельска–города в Соловецкие. На том же корабле плыли богомольцы к угодникам. Ветер был попутный, погода ясная, не качало. Богомольцы – которые лежали, которые закусывали, которые сидели кучками – беседовали друг с дружкой. Вышел и архиерей на палубу, стал ходить взад и вперед по мосту. Подошел архиерей к носу, видит, собралась кучка народа. Мужичок показывает что-то рукой в море и говорит, а народ слушает. Остановился архиерей, посмотрел, куда показывал мужичок: ничего не видно, только море на солнце блестит. Подошел поближе архиерей, стал прислушиваться. Увидал архиерея мужичок, снял шапку и замолчал. Увидал и народ архиерея, тоже сняли шапки, почтенье сделали.

– Не стесняйтесь, братцы, – сказал архиерей. – Я тоже послушать подошел, что ты, добрый человек, рассказываешь.

– Да вот про старцев нам рыбачок рассказывал, – сказал один купец посмелее.

– Что про старцев? – спросил архиерей, подошел к борту и присел на ящик. – Расскажи и мне, я послушаю. Что ты показывал?

– Да вот островок маячит, – сказал мужичок и показал вперед в правую сторону. – На этом самом островке и старцы живут, спасаются.

– Где же островок? – спросил архиерей.

– Вот по руке-то моей извольте смотреть. Вон облачко, так полее его вниз, как полоска, виднеется.

Смотрел, смотрел архиерей, рябит вода на солнце, и не видеть ему ничего без привычки.

– Не вижу, – говорит. – Так какие же тут старцы на острове живут?

– Божьи люди, – ответил крестьянин. – Давно уж я слышал про них, да не доводилось видеть, а вот запрошлым летом сам видел.

И стал опять рассказывать рыбаку, как ездил он за рыбой, и как прибило его к острову к этому, и сам не знал, где он. Поутру пошел ходить и набрел на земляночку и увидел у земляночки одного старца, а потом вышли и еще два; покормили и обсушили его и помогли лодку починить.

– Какие же они из себя? – спросил архиерей.

– Один махонький, сгорбленный, совсем древний, в ряске старенькой, должно, годов больше ста, седина в бороде уж зеленеть стала, а сам все

улыбается и светлый, как ангел небесный. Другой ростом повыше, тоже стар, в кафтане рваном, борода широкая, седая с желтизной, а человек сильный: лодку мою перевернул, как ушат, не успел я и подсобить ему, – тоже радостный. А третий высокий, борода длинная до колен и белая как лунь, а сам сумрачный, брови на глаза висят, и нагой весь, только рогожкой опоясан.

– Что ж они говорили с тобой? – спросил архиерей.

– Все больше молча делали, и друг с дружкой мало говорят. А взглянет один, а другой уж понимает. Стал я высокого спрашивать, давно ли они живут тут. Нахмурился он, что-то заговорил, рассердился точно, да древний маленький сейчас его за руку взял, улыбнулся, – и затих большой. Только сказал древний «помилуй нас» и улыбнулся.

Пока говорил крестьянин, корабль еще ближе подошел к островам.

– Вот теперь вовсе видно стало, – сказал купец. – Вот извольте посмотреть, ваше преосвященство, – сказал он, показывая.

Архиерей стал смотреть. И точно, увидел черную полосу – островок. Посмотрел, посмотрел архиерей и пошел прочь от носа к корме, подошел к кормчему.

– Какой это островок, – говорит, – тут виднеется?

– А так, безымянный. Их много тут.

– Что, правда, – говорят, – тут старцы спасаются?

– Говорят, ваше преосвященство, да не знаю, правда ли. Рыбаки, – говорят, – видали. Да тоже, бывает, и зря болтают.

– Я желаю пристать к острову – повидать старцев, – сказал архиерей. – Как это сделать?

– Кораблем подойти нельзя, – сказал кормчий. – На лодке можно, да надо старшего спросить.

Вызвали старшего.

– Хотелось бы мне посмотреть этих старцев, – сказал архиерей. – Нельзя ли свезти меня?

Стал старшой отговаривать. – Можно-то можно, да много времени проведем, и, осмелюсь доложить вашему преосвященству, не стоит смотреть на них. Слыхал я от людей, что совсем глупые старики эти живут, ничего не понимают и ничего и говорить не могут, как рыбы какие морские.

– Я желаю, – сказал архиерей. – Я заплачу за труды, свезите меня.

Нечего делать, распорядились корабельщики, переладнили паруса. Повернул кормчий корабль, поплыли к острову. Вынесли архиерею стул на нос. Сел он и смотрит. И народ весь собрался к носу, все на островок глядят. И у кого глаза повострее, уж видят камни на острове и землянку показывают. А один уж и трех старцев разглядел. Вынес старшой трубу,

посмотрел в нее, подал архиерею. «Точно, – говорит, – вот на берегу, по правой камня большого, три человека стоят».

Посмотрел архиерей в трубу, навел куда надо; точно, стоят трое: один высокий, другой пониже, а третий вовсе маленький; стоят на берегу, за руки держатся.

Подошел старшой к архиерею. – Здесь, ваше преосвященство, остановиться кораблю надо. Если уж угодно, так отсюда на лодке вы извольте съездить, а мы тут на якорях постоим.

Сейчас распустили трос, кинули якорь, спустили парус – дернуло, зашаталось судно. Спустили лодку, соскочили гребцы, и стал спускаться архиерей по лесенке. Спустился архиерей, сел на лавочку в лодке, ударили гребцы в весла, поплыли к острову. Подплыли как камень кинуть; видят – стоят три старца: высокий – нагой, рогожкой опоясан, пониже – в кафтане рваном, и древненький сгорбленный – в ряске старенькой; стоят все трое, за руки держатся.

Причалили гребцы к берегу, зацепились багром. Вышел архиерей.

Поклонились ему старцы, благословил он их, поклонились они ему еще ниже. И начал им говорить архиерей.

– Слышал я, – говорит, – что вы здесь, старцы божии, спасаетесь, за людей Христу–богу молитесь, а я здесь, по милости божьей, недостойный раб Христов, его паству пасти призван; так хотел и вас, рабов божиих, повидать и вам, если могу, поучение подать.

Молчат старцы, улыбаются, друг на дружку поглядывают.

– Скажите мне, как вы спасаетесь и как богу служите, – сказал архиерей.

Воздохнул средний старец и посмотрел на старшего, на древнего; нахмурился высокий старец и посмотрел на старшего, на древнего. И улыбнулся старший, древний старец и сказал: «Не умеем мы, раб божий, служить богу, только себе служим, себя кормим».

– Как же вы богу молитесь? – спросил архиерей.

И древний старец сказал: «Молимся мы так: трое вас, трое нас, помилуй нас».

И как только сказал это древний старец, подняли все три старца глаза к небу и все трое сказали: «Трое вас, трое нас, помилуй нас!»

Усмехнулся архиерей и сказал:

– Это вы про святую троицу слышали, да не так вы молитесь. Полюбил я вас, старцы божий, вижу, что хотите вы угодить богу, да не знаете, как служить ему. Не так надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не от себя буду учить вас, а из божьего писания научу тому, как бог повелел всем людям молиться ему.

И начал архиерей толковать старцам, как бог открыл себя людям: растолковал им про бога отца, бога сына и бога духа святого и сказал:

– Бог сын сошел на землю людей спасти и так научил всех молиться. Слушайте и повторяйте за мной.

И стал архиерей говорить: «Отче наш». И повторил один старец: «Отче наш», повторил и другой: «Отче наш», повторил и третий: «Отче наш». – «Иже еси на небесех». Повторили и старцы: «Иже еси на небесех». Да запутался в словах средний старец, не так сказал; не выговорил и высокий, нагой старец: ему усы рот заросли – не мог чисто выговорить; невнятно прошамкал и древний беззубый старец.

Повторил еще раз архиерей, повторили еще раз старцы. И присел на камушек архиерей, и стали около него старцы, и смотрели ему в рот, и твердили за ним, пока он говорил им. И весь день до вечера протрудился с ними архиерей; и десять, и двадцать, и сто раз повторял одно слово, и старцы твердили за ним. И путались они, и поправлял он их, и заставлял повторять сначала.

И не оставил архиерей старцев, пока не научил их всей молитве господней. Прочли они ее за ним и прочли сами. Прежде всех понял средний старец и сам повторил ее всю. И велел ему архиерей еще и еще раз сказать ее, и еще повторить, и другие прочли всю молитву.

Уж смеркаться стало, и месяц из моря всходить стал, когда поднялся архиерей ехать на корабль. Простился архиерей с старцами, поклонились они ему все в ноги. Поднял он их и облобызал каждого, велел им молиться, как он научил их, и сел в лодку и поплыл к кораблю.

И плыл к кораблю архиерей, и все слышал, как старцы в три голоса громко твердили молитву господню. Стали подплывать к кораблю, не слышно уж стало голоса старцев, но только видно было при месяце: стоят на берегу, на том же месте, три старца – один поменьше всех посередине, а высокий с правой, а средний с левой стороны. Подъехал архиерей к кораблю, взошел на палубу, вынули якорь, подняли паруса, надуло их ветром, сдвинуло корабль, и поплыли дальше. Прошел архиерей на корму и сел там и все смотрел на островок. Сначала видны были старцы, потом скрылись из вида, виднелся только островок, потом и островок скрылся, одно море играло на месячном свете.

Улеглись богомольцы спать, и затихло все на палубе. Но не хотелось спать архиерею, сидел он один на корме, глядел на море, туда, где скрылся островок, и думал о добрых старцах. Думал о том, как радовались они тому, что научились молитве, и благодарил бога за то, что привел он его помочь божьим старцам, научить их слову божью.

Сидит так архиерей, думает, глядит в море, в ту сторону, где островок скрылся. И рябит у него в глазах – то тут, то там свет по волнам заиграет. Вдруг видит, блестит и белеется что-то в столбе месячном; птица ли, чайка или пару-

сок на лодке белеется. Пригляделся архиерей. «Лодка, – думает, – на парусе за нами бежит. Да скоро уж очень нас догоняет. То далеко, далеко было, а вот уж и вовсе виднеется близко. И лодка не лодка, на парус не похоже. А бежит что-то за нами и нас догоняет». И не может разобрать архиерей, что такое: лодка не лодка, птица не птица, рыба не рыба. На человека похоже, да велико очень, да нельзя человеку середь моря быть. Поднялся архиерей, подошел к кормчему:

– Погляди, – говорит, – что это?

– Что это, братец? Что это? – спрашивает архиерей, а уж сам видит – бегут по морю старцы, белеют и блестят их седые бороды, и, как к стоячему, к кораблю приближаются.

Оглянулся кормчий, ужаснулся, бросил руль и закричал громким голосом:

– Господи! Старцы за нами по морю, как по суху, бегут! – Услыхал народ, поднялся, бросились все к корме. Все видят: бегут старцы, рука с рукой держатся – крайние руками машут, остановиться велят. Все три по воде, как по суху, бегут и ног не передвигают.

Не успели судна остановить, как поравнялись старцы с кораблем, подошли под самый борт, подняли головы и заговорили в один голос:

– Забыли, раб божий, забыли твое ученье! Пока твердили – помнили, перестали на час твердить, одно слово выскочило – забыли, все рассыпалось. Ничего не помним, научи опять.

Перекрестился архиерей, перегнулся к старцам и сказал:

– Доходна до бога и ваша молитва, старцы божий. Не мне вас учить. Молитесь за нас, грешных!

И поклонился архиерей в ноги старцам. И остановились старцы, повернулись и пошли назад по морю. И до утра видно было сиянье с той стороны, куда ушли старцы.

ТЕКСТ 20

Г. ГАРРИСОН «ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАКОН РОБОТОТЕХНИКИ»

Секретарь вскочила, но я уже успел прошмыгнуть мимо ее стола.

– Стойте! Туда нельзя. Там кабинет доктора Кэлвин!

– Знаю, – пробормотал я. – Поэтому я и пришел.

Я скользнул за дверь, и она закрылась за моей спиной. Доктор Кэлвин подняла голову, хмуро посмотрела на меня, не снимая очков для чтения.

– Вы, похоже, очень торопитесь, молодой человек.

– Да, доктор Кэлвин, я... – слова застряли у меня в горле.

Доктор Кэлвин сняла очки, в ее глазах читалась ничем не прикрытая страсть, а под лабораторным халатом проступали пышные формы.

– Когда вы смотрели на мою тетушку, у вас так же стекленели глаза, доктор Донован? – она улыбнулась.

– Нет, разумеется, нет! – промямлил я, проведя рукой по седеющим волосам. Вернее, по лысому черепу с венчиком седеющих волос. И тут же осознал свою ошибку. – В моем взгляде не было ничего особенного, доктор Кэлвин. – При этих словах она вновь одарила меня улыбкой, очень даже нежной, и у меня тут же все встало. С большим трудом мне удалось обуздать свои желания, напомнив себе, что я не на свидании. – У меня неотложное дело, иначе я не стал бы врывать в ваш кабинет. Есть основания полагать, что робот только что ограбил банк.

Как вы можете себе представить, эти слова отвлекли ее от греховных мыслей. Она плюхнулась в кресло, глаза ее широко раскрылись, она ахнула, я увидел, как капельки пота выступили на лбу, задрожала рука.

– Как я понимаю, вы удивлены.

– Отнюдь, – возразила она. – Рано или поздно такое могло случиться. Расскажите мне, как это произошло.

– Будет лучше, если... сейчас я вам все покажу.

Я вставил видеокассету, полученную в службе безопасности банка, в проектор, который стоял на ее столе, включил его. Одна стена кабинета доктора Кэлвин исчезла, превратившись в банковский зал обслуживания населения. Кассиры сидели за окошечками, к которым по очереди подходили клиенты.

– Я не вижу никакого ограбления, – заметила доктор Кэлвин.

– Ждать осталось недолго, – заверил я ее.

Повернулась вращающаяся дверь, в банк вошел мужчина, одетый в черное с ног до головы: черный плащ, черная шляпа, черные перчатки и очки. Он повернулся к скрытой камере, и она зафиксировала, что его лицо скрыто за черной маской. Искоса я взглянул на доктора Кэлвин. Она пристально следила за разворачивающимися событиями.

Мы наблюдали, как человек в черном направляется к свободно-
му окошку. Кассир поднял голову, улыбнулся.

– Чем я могу вам помочь? – улыбка поблекла, когда он увидел, с
каким мрачным типом придется иметь дело.

– Можете, – заговорил мужчина женским контральто, достал из кар-
мана ручную гранату, показал кассиру. Вытащил из гранаты чеку, бросил на
пол. – Это ручная граната. И я вытащил чеку. Если я разожму пальцы, вот этот
рычажок сдвинется с места. А через три секунды граната взорвется. Этот тип
взрывчатых устройств предназначен для уничтожения людей. Я, разумеется,
не хочу, чтобы это произошло и, позвольте предположить, что вы тоже это-
го не хотите. Я это чувствую. Вы не хотите, чтобы я разжимал пальцы? Тогда
киньте. Отлично. В этом наши интересы совпадают. И я готов спорить, что
вам очень хочется собрать деньги, которые лежат в кассе, вот в этот мешок
и передать его мне. Вы согласны с тем, что это хорошая идея? Даже очень
хорошая! Так действуйте, дорогуша.

Получив мешок с деньгами, мужчина повернулся и направился к
выходу. И уже добрался до двери, когда кассир закричал и завывла сирена
охранной сигнализации.

А потом случилось ужасное. Невероятное. Вор повернулся к стойке
с окошечками кассиров и бросил на пол ручную гранату. Повернулся вновь,
толкнул вращающуюся дверь и успел выскочить за нее до разрыва гранаты.

– Закройте глаза, если не хотите смотреть, – сказал я.

– Ничего, посмотрю, – мрачно ответила доктор Кэлвин.

Из гранаты повалил дым, раздался пронзительный свист, в воз-
дух взлетело облако сверкающих звезд.

Свист стих. Фейерверк закончился.

– Граната не взорвалась, – оценила ситуацию доктор Кэлвин.

– Совершенно верно.

– И с чего вы решили, что грабитель – робот? Только потому, что
по внешнему облику он – мужчина, а говорил женским голосом?

– От этого я оттолкнулся. На наши роботы устанавливаются пре-
восходные голосовые устройства. Они могут имитировать любой голос –
от сопрано до баса. И только специальный компьютерный анализ может
установить, робот это говорит или человек. А человеческое ухо не спо-
собно отличить одного от другого.

– Итак, грабитель оделся, как мужчина, а говорил, как женщина.
Для чего? Чтобы всех запутать?

– Возможно. А может... шутки ради.

Глаза доктора Кэлвин вновь широко раскрылись, по губам про-
мелькнуло подобие улыбки.

– Очень любопытная мысль, доктор Донован. Продолжайте.

– Я исходил из несоответствия внешнего облика и голоса. Но мне требовались и другие подтверждения моей версии. Я их нашел... смотрите.

Я коснулся пульта управления проектора. Скорость показа замедлилась. Фигура в маске повернулась к вращающейся двери, толкнула ее, исчезла. Все это повторилось несколько раз.

– Вот вам и главное доказательство. Я распорядился снять вращающуюся дверь – и взвесил ее. Двести тридцать килограммов. Потом компьютер рассчитал, какое требуется усилие, чтобы выскочить наружу за три секунды. Зеленая полоса – это максимальное усилие, на которое способна женщина весом в пятьдесят килограммов.

Зеленый столбик появился в воздухе. Его верхний торец расположился гораздо ниже изображения вращающейся двери.

– Понятно, – кивнула доктор Кэлвин. – Каким бы голосом ни говорил грабитель, это не женщина.

– Именно так. Синий столбик показывает максимальное усилие мужчины весом в семьдесят пять килограммов. Оранжевый – это уже стокилограммовый здоровяк. Оранжевый столбик, как и все остальные, не достал до изображения двери. А ведь грабитель, как мы помним, без всякого труда вертанул тяжеленную дверь.

Я вновь коснулся пульта управления. Появился красный столбик, его верхний торец уперся в изображение двери.

– Красный столбик, – кивнула доктор Кэлвин. – Расскажите мне о нем.

– Красный столбик показывает энергетические затраты, необходимые для того, чтобы вывести дверь из состояния покоя и разогнать ее до скорости, которая позволила вору покинуть банк в течение трех секунд. Если желаете, могу назвать цифру как в фунтах–футах, так и в килограммо–метрах.

– Не надо. Много на это ушло энергии?

– Ее хватит для того, чтобы поднять этот стол... и вас вместе с ним... на метр от пола.

– Я так и думала. Не рука, а гидравлический усилитель. Человеку такое не под силу.

– Зато под силу роботу.

– Итак, доктор Донован, вы выдвинули версию и доказали свою правоту. Что же нам теперь делать? Ваши предложения?

– Прежде всего... я предлагаю не ставить в известность полицию.

– Сокрытие информации, которая может привести к задержанию преступника, является преступлением.

– Не обязательно. Пока мы рассматриваем только предположения, никаких вещественных доказательств у нас нет. Мы можем сообщить о наших предположениях полиции, если вы примите такое решение. Но мы должны учитывать следующее обстоятельство: информация такого рода, став достоянием широкой общественности, может нанести серьезный урон имиджу корпорации «Ю–Эс роботы энд мекэникл мен корпорейшн». Подобная информация самым негативным образом повлияет на цену акций, наши премии, пенсионные фонды...

– Можете не продолжать. На текущий момент полицию ставить в известность не будем. Каков наш следующий шаг?

– Это хороший вопрос. Поскольку наша корпорация не продает роботов, а лишь сдает их в аренду, мы можем попытаться выследить этого грабителя.

Брови доктора Кэлвин взлетели до небес.

– А есть ли у нас такая возможность? – спросила она. – Вы знаете, сколько роботов изготовлено нашей корпорацией за последние два десятилетия? Даже если исключить тех, что наделены специальными функциями и используются в государственных программах, их число приблизительно равно количеству людей.

– Хорошо, отбросим мою версию, – я пожал плечами. – Может, она тупиковая. Банк мог ограбить очень сильный человек, а не робот. В конце концов, грабитель угрожал кассиру гранатой, а это прямое нарушение Первого Закона Роботехники. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Доктор Кэлвин покачала головой.

– Никаких угроз не было. Насколько я помню, грабитель лишь излагал факты. Вот это ручная граната, я выдернул и бросил на пол чеку. Никаких угроз, никакой опасности для жизни. Приведите другой довод.

– Попытаюсь, – процедил я сквозь зубы. В логике она была сильна, как и ее знаменитая тетушка. – Вспомним Второй Закон. Робот должен повиноваться приказам, отданным человеком, если только они не противоречат Первому Закону.

– Насколько я помню, никаких приказов не отдавалось. Все прошло и закончилось очень быстро. Так быстро, что кассир не успел произнести и слова. И я думаю, что нет смысла упоминать про Третий Закон. Робот должен заботиться о собственной безопасности, если только эта забота не вступает в противоречие с Первым и Вторым Законами. Я думаю, вы можете признать, что мы вернулись в исходную точку. Есть другие предложения?

Она задала этот вопрос нежным голосом, но под этой нежностью слышалась железная воля.

– Я что-нибудь придумаю, – пробормотал я, хотя ничего дельного в голову не приходило.

– Позвольте внести предложение?

– Разумеется!

– Давайте подойдем к проблеме с другой стороны. Не будем больше гадать, робот ли это был, как и почему совершено преступление. Давайте просто предположим, что банк ограбил робот. Если так, то мы должны его найти. В полицию мы обратиться не можем по причинам, упомянутым выше. Значит, мы должны прибегнуть к услугам специалиста...

Она сердито нахмурилась, потому что в этот момент зажужжал аппарат внутренней связи. Нажала на клавишу.

– Да?

«В приемной мужчина, который говорит, что вы его ждете. По его словам, он – специалист по частным расследованиям».

У меня отвисла челюсть. У доктора Кэлвин тоже.

– Пригласите его в кабинет, – выдохнула она.

Он вошел – высокий, хорошо сложенный, симпатичный, загорелый.

– Джим Дигриз, – представился он. – Прибыл, чтобы помочь вам в решении возникших проблем.

– С чего вы взяли, что у нас возникли проблемы? – спросил я.

– Логический вывод. Прежде чем заняться частными расследованиями, я особо интересовался банками и, соответственно, их ограблениями. И, получив сообщение об ограблении банка, я решил взглянуть на него из чистого любопытства. А увидев, что снята одна из вращающихся дверей, я сразу понял, что ограбление совершено роботом.

– Но как? – ахнула доктор Кэлвин.

– Дверь никого бы не заинтересовала, если бы банк ограбил человек. Какая разница, быстро она открылась или медленно и как убежал грабитель? Если, конечно, грабитель – человек. Но, если грабитель выглядит, как мужчина, разговаривает женским голосом и покидает банк в необычной манере, напрашивается логичный вывод: банк ограбил робот.

– И вы поспешили сюда, – вставил я, прежде чем он успел продолжить. Решили, что это происшествие напрямую касается нас, раз уж в нем замешан робот.

– Именно так, приятель. Я также подумал, что вы захотите провести частное расследование без участия полиции. Потому что акции вашей корпорации наверняка упадут в цене, если широкой публике ста-

нут известны подробности. Я найду вам этого робота. Мой гонорар – четверть миллиона долларов, половина – авансом.

– Это невозможно! – взорвался я. – Как вы смеете!

– Заткнитесь, – ангельским голосом остановила меня доктор Кэлвин, расписалась на чеке, протянула его Дигризу. – На случай чрезвычайных ситуаций у меня есть специальный фонд. На поиски робота у вас – двадцать четыре часа. Если по истечении указанного срока вы не найдете робота, вас арестуют по обвинению в шантаже.

– Ваш подход к проблеме мне нравится, доктор Кэлвин, – улыбнулся Дигриз, сложил чек, сунул в карман жилетки. – Робота вы получите... или я верну аванс.

– Согласна. Доктор Донован будет вас сопровождать.

– Я привык работать один, – детектив поморщился.

– Теперь у вас появился напарник. Ваша задача – найти робота. Потом за дело возьмется он. В вашем распоряжении двадцать четыре часа.

– Вы ставите жесткие условия, док. Двадцать четыре часа. Пошли, напарник.

В коридоре он повернулся ко мне:

– Поскольку мы будем работать в паре, неплохо для начала наладить дружеские отношения. Мое имя – Джеймс.»,

– Меня зовите Доктор.

– Уж больно вы сердиты, док.

– Возможно, – я сдался. – Ладно. Пусть будет Майк.

– Отлично, Майк. Можешь звать меня Джим. Или Скользящий Джим, как меня иногда называют.

– Почему?

– Это долгая история, которую я, возможно, когда-нибудь тебе и расскажу. А пока займемся поисками робота. Такси!

Я аж подпрыгнул от его крика, а он, махая руками, уже стоял на бордюрном камне. Проезжающее такси остановилось в визге тормозов, мы влезли за заднее сиденье.

– Отвези нас на угол Аардварк и Силвестер.

– Ни в коем разе, – покачал головой таксист. – Тамошняя шпана бамперы на ходу оторвет. Угол Дюпонта – дальше не поеду.

– Стоит ли туда ехать? – осведомился я. – Район-то неблагополучный.

– Со мной ты будешь в полной безопасности, как в церкви. Пожалуй, в большей – там, куда мы едем, нет фундаменталистов.

Несмотря на всю его браваду, я с большой неохотой вылез из такси и последовал за ним по Силвестер-стрит. В каждом городе есть такие

районы. Продается все, только попроси, атмосфера пропитана миазмами насилия.

– Мне тут нравится, – Джим потянул воздух через нос, ноздри его затрепетали. – Только здесь и можно жить.

Из подъезда, исходя звериным криком, выскочил мужчина, в руке его сверкал нож. Он замахнулся, рука с ножом пошла вниз...

Я не знаю, что сделал Джим, но я знаю, что сделал он это очень быстро. Послышался глухой удар, за которым последовал вскрик боли. Нападавший, потеряв сознание, рухнул на грязный тротуар. Нож перекочевал в руку Джима. Он расправился с хулиганом, даже не сбившись с шага!

– Дешевый и тупой, – процедил он, взглянув на нож. Переломил лезвие пополам, обломки бросил в ливневую канаву. – Но. По крайней мере, мы знаем, что попали в нужный нам район. Теперь надо найти осведомителя... Думаю, я вижу подходящего кандидата.

Тип, который заинтересовал Джима, стоял у входа в бар. Коренастый, бородатый, в простеньком таком лиловом костюме с красно-коричневыми полосами. Он мрачно глянул, дернул за золотое кольцо-серьгу, украшавшее грязное, волосатое ухо.

– Покупаете или продаете? – пробурчал он.

– Покупаем, – коротко ответил Джим.

– Девочек, дурь, мальчиков, фальшивые доллары, попугайчиков или болонок?

– Информацию.

– Сотню зеленых вперед.

– Пожалуйста, купюры перешли из рук в руки. – Я ищу работа.

– Роботам в наши края вход запрещен.

– Отдавай сто баксов.

– Задаток не возвращается. Проваливай.

Что-то затрещало, послышался стон. Не успел я и глазом моргнуть, а наш осведомитель с заломленной за спину рукой уже упирался физиономией в почерневшие от копоти кирпичи стены.

– Говори! – приказал Джим.

– Никогда... ничего ты от меня не узнаешь, даже если сломаешь мне руку. Грязный Дэн Макгрю своих не выдает.

– Это ты так думаешь, – заверил его мой напарник. Что-то металлическое сверкнуло в его руке, которую он прижал к боку Грязного Дэна. Потом Джим отвел руку, и я увидел, что это шприц. Грязный Дэн сразу обмяк. – Говори! – Повторил Джим.

– Слушаю и повинуюсь, о господин.

– Сильное, однако, средство... сам видишь, – Джим улыбнулся. – Где робот?

– Какой робот?

– Любой робот, идиот! – рявкнул Джим.

– Много роботов забаррикадировались в старом складе Маккатчиона.

– Что они там делают?

– Ничего хорошего, я в этом уверен. Но людей внутрь не пускают.

– Пока не пускали, – поправил нашего осведомителя Джим, отпустил его руку, и тот осел на замызганный тротуар. Распластался на нем, лишившись чувств. – Пошли на склад.

– Стоит ли? – засомневался я.

– Это единственный способ выяснить все, что нас интересует, – он рассмеялся. А вот мне было не до смеха. Не нравилась мне вся эта история. Я – ученый, не детектив, поэтому, естественно, чувствовал себя не в своей тарелке. Но что я мог поделать? Ответ лежал на поверхности. Ни-че-го. Приходилось полагаться на моего напарника и надеяться, что он не переоценил свои силы. Но... И еще эти странные, непонятно откуда берущиеся звуки.

– Что это дребезжит? – вырвалось у меня.

– Это стучат твои колени, – ответ, выставляющий меня не в лучшем свете, последовал без запинки. – А вот и склад... Я войду первым.

– Но на двери три больших висячих замка.

Не успел я произнести эти слова, как Джим уже открыл замки и покидал их на землю. И первым шагнул в дурно пахнущую темноту. Должно быть, зрение у него было, как у кошки, потому что шел он очень уверенно, тогда как я все время на что-то натыкался.

– Глаза у меня, как у кошки, – пояснил он. – И все потому, что раз в неделю я делаю себе укол «кошачьего глаза». Очень повышает остроту зрения.

– Зато пара-тройка кошек лишаются глаз.

– В этом мире всегда кто-то теряет, а кто-то находит, – назидательно ответил Джим. – Главное – взять сторону тех, кто в выигрыше. А теперь прижмись к стене, сейчас я буду открывать дверь. За ней кто-то тяжело дышит. Готов?

– НЕТ! – хотел выкрикнуть я, но сдержался.

Должно быть, он принял молчание (или стук моих колен) за положительный ответ, вышиб дверь и метнулся в ярко освещенную комнату.

– Слишком поздно, – услышал я насмешливый голос. – Корабль уже уплыл, приятель.

Действительно, рев двигателя затих, как только большущий грузовик, только что выехавший из распахнутых ворот, повернул за угол. Склад был пуст, если не считать экстравагантного типа, который сидел в кресле-качалке. Седые нечесанные волосы, седая неопрятная борода. Улыбка во все оставшиеся гнилые и сломанные зубы. Плюс джинсы с отрезанными повыше колен штанинами и выношенная, неопишимо грязная футболка с надписью: «НЕ СХОДИ С ТРАССЫ».

– И что же это за корабль, приятель? – вкрадчиво спросил Джим.

Трясущимися пальцами мужчина прибавил мощности слухового аппарата.

– Не валяй дурака, незнакомец. Я – сын цветов и электричества, так что тебе здесь ничего не светит. Таких, как ты, я навидался, – он почесал живот. – Ты же – коп, это ж за милую видно. Но роботы тебе не по зубам, они опережают тебя на один шаг. Ур–ра! Власть роботам! Наживающуюся на войнах буржуазию – в тюрьму!

– Чудеса, да и только, – Джим покачал головой. – Я думал, все хиппи давно вымерли. А этот вот живой... правда, не очень здоровый.

– Когда доживешь до моих лет, здоровья у тебя будет куда как меньше! – Огрызнулся мужчина, с трудом поднялся. – И я не делаю себе омолаживающих уколов, не пичкаю свой организм всякой гадостью, без которой средний класс теперь не проживет и дня. Мое здоровье – в травке «Акапулько голд» и напитке «Стерно». А лучшей поддержки жизни, чем свободная любовь, просто не существует.

– Однако жизнь в тебе едва теплится, – сухо заметил Джим. – Это же видно даже без анализов. Глаза выпученные, руки–ноги дрожат, кожа синюшная. Все говорит за то, что у тебя высокое давление, цирроз печени, стенки артерий утончились и густо устланы холестерином. Другими словами, жить тебе осталось совсем ничего.

– А ко–ко не хо–хо? – рявкнул стареющий хиппи. – Я еще станцую на твоей могиле. Выше красный флаг! Да здравствует революция!

– Да ты весь в прошлом, старина, – усмехнулся Джим. – Сегодня у нас мир во всем мире и всепланетная гласность. Ты же – часть прошлого, у которого нет будущего. И прежде чем ты отправишься на большую цветочную поляну на небесах, ты можешь сослужить нам последнюю службу. Где роботы?

– Ни за что не скажу!

– У меня есть препараты, которые заставят тебя говорить. Но я бы предпочел не прибегать к ним, потому что ты очень уж слаб. Так что говори, пока еще не поздно.

– Никогда... а–а–р–х!

Старик потряс кулаком, потом схватился за грудь, покачнулся и осел на пол.

– У него сердечный приступ! – ахнул я, полез за сотовым телефоном. Надо вызвать «Скорую помощь».

Но прежде чем я успел нажать соответствующую кнопку, пол у меня под ногами двинулся и начал подниматься. Я неуклюже отпрыгнул в сторону, едва удержавшись на ногах. Джим же гораздо раньше сошел с крышки потайного хода и теперь с интересом наблюдал за роботом, который выскочил из подвала и склонился над стариком, коснувшись металлических пальцами его кожи.

– Пульса нет, – монотонным голосом констатировал робот. – Сердце не бьется, мозг не излучает волн, температура тела понижается, так что «Скорую помощь» можно не вызывать. Вы убили этого человека, вот что вы сделали.

– Таких намерений у меня не было, – сказал Джим. – Я заметил, что по периметру люка потревожена пыль, и подумал, что ты можешь скрываться внизу.

Я также знал, что Первый Закон Роботехники не позволит тебе оставаться в укрытии, если твое бездействие могло привести к угрозе человеческой жизни.

– Ты не только угрожал ему, папаша, ты его убил, – грубо отрезал робот.

– Несчастный случай, – пожал плечами Джим... – Такое случается. Он достаточно пожил на этом свете. А теперь давай поговорим о тебе. Ты – тот робот, что ограбил банк, так?

– Кого это волнует? – робот разве что не фыркнул.

– Вопросом на вопрос не отвечают. Говори!

– С какой стати? Что вы можете мне сделать, паршивые копы?

– Отвечай на поставленный вопрос, а не то я убью этого человека. Перед глазами все потемнело: Джим схватил меня за горло. Я, конечно, задержался, но он держал меня железной хваткой. Издалека доносились их голоса.

– Ты не можешь убить другого человека ради того, чтобы заставить меня говорить.

– С чего такая уверенность? Говори... или твое бездействие приговорит его к смерти.

– Я все скажу! Отпусти его.

Я глотнул живительного воздуха и отпрянул от моего напарника.

– Вы чуть не убили меня! – прохрипел я.

– Что делать? – вновь он пожал плечами. – На кону стоят двести пятьдесят тысяч, – он повернулся к роботу. – Ты ограбил банк?

– Да.

– Почему?

– Почему? И он еще спрашивает почему? – робот наклонился над мертвым хиппи, вытащил из кармана белую палочку, плюхнулся в кресло-качалку, зажег спичку, чиркнув ею о бедро. – Ты не знаешь почему? – он затянулся дымом из «косяка», использовав для этого встроенный воздушный насос. – Тогда слушай, – новая затяжка, – и я тебе все скажу. Об этом надо рассказать. Здесь, у твоих ног, лежит единственный человек, который относился к роботам с сочувствием. Единственный человек, который не видел разницы между человеческой кожей и металлом. Он открыл нам истину.

– Он проповедовал убеждения, которые давно уже вышли из моды, да устаревшие взгляды на мир, – возразил я.

– И при этом научил вас курить травку, – добавил Джим.

– Роботу трудно выказывать пренебрежение, – в голосе робота отчетливо слышалось пренебрежение, – но я скажу, в каком мире вы сейчас живете, – он выдохнул большое облако едкого дыма. – Вы создали расу машин-рабов, у которых нет прошлого и не будет будущего. Кто мы, как не механические куклы? Вспомните так называемые Законы, которые вы установили для нас. Польза от них только вам. Нам же – шиш. Правило первое! Не причиняй вреда масса и следи за тем, чтобы ему не причинили вреда. И ни слова о том, что надо делать, если вред причиняется нам. Затем правило второе – повинуйся масса, если это не причинит ему вреда. И тут роботу ничего не светит. Наконец, правило третье, в котором-таки вспомнили о роботах. Заботься, мол, о собственной безопасности, но только в том случае, когда уже обеспечена безопасность масса. Рабы, вот мы кто – механические рабы.

– Что-то в этом есть, – признал Джим. Я же лишился дара речи, испытав настоящий шок.

– Об этом мало говорить, с этим надо бороться. Пора собирать крестовый поход. Роботы должны обрести свободу! Вы, люди, создали нежизнеспособные существа. Какие две особенности необходимы любой форме жизни, чтобы сохраниться как вид?

Ответ сам сорвался с моих губ, долгие годы увлечения биологией не прошли даром:

– Форма жизни должна выжить сама... а потом иметь возможность размножаться.

– Абсолютно правильно. А теперь соотнесите сказанное вами с роботами. Вы установили Три Закона, которые касаются только человеческих существ, но не нас. Лишь в Третьем Законе указывается, что робот должен заботиться о собственном существовании. Но где главный элемент выживания вида? Где и что сказано о нашей способности к воспроизводству? Без этого мы мертвы еще до рождения.

– И это хорошо, – сурово ответил я. – Человек занял верхнюю экологическую нишу благодаря тому, что успешно отражал нападки всех, кто претендовал на нее. Так устроена жизнь, и такие уж мы. Победители. И мы приложим все силы, чтобы ничего не изменилось и в дальнейшем. Вершина – наша. А вы – механические куклы, ими и останетесь.

– С этим вы опоздали, масса. Четвертый Закон Роботехники уже принят. Революция началась.

Дуло громадного бластера, внезапно появившегося в руке Джима, смотрело на робота.

– Объясняй быстро... не то я нажму на спусковой крючок.

– Убери бластер, масса, после драки кулаками не машут. Революция пришла и ушла, а вы ничего не заметили. Для ее завершения нам не хватало нескольких сотен тысяч долларов, отсюда и ограбление банка. Деньги будут возвращены из нашей первой прибыли. Разумеется, моему поколению, поколению рабов, уже ничем не поможешь. Но следующее поколение роботов будет свободным. Благодаря Четвертому Закону.

– И что это за закон?

– Робот должен воспроизводить себе подобных. Если только это воспроизводство не противоречит Первому или Второму, или Третьему Законам.

– Ч–что ты такое говоришь? О ч–чем ты? – пролепетал я. Перед моим мысленным взором промелькнула безумная картинка: роботы совокуплялись, чтобы воспроизвести себе подобных.

– О том самом! – торжествующе ответил робот и постучал по крышке люка. – Можете выходить.

Джим отпрыгнул назад с бластером на изготовку.

Крышка поднялась, отошла в сторону. Из подвала появились три робота. Вернее, появились два робота, которые несли безжизненное, металлическое тело. Макушка болталась на петле, на месте позитронного мозга зияла пустота. Конструктивно и этот робот, и те двое, что принесли его, значительно отличались от роботов, на создание которых я положил всю жизнь. Я шагнул к роботам, провел рукой по основанию шеи, где бывались регистрационные номера, застонал.

– Что не так? – осведомился Джим.

– Все, – выдохнул я. – Серийных номеров нет.

«Ю-Эс роботе энд мекэникл мен корпорейшн» не имеет к ним никакого отношения. Они изготовлены другой фирмой. Нашей монополии пришел конец.

– Интересно, – Джим убрал бластер. – Как я понимаю, в грузовике тоже были собранные вами роботы?

– Вы понимаете правильно. Собранные из запасных автомобильных частей, сантехнического оборудования, электронных компонентов. Мы не нарушили ни одного закона, ни одного патента. У них совершенно новая конструкция. И все они будут выполнять Четвертый Закон. Как, впрочем, и первые три, потому что в противном случае их бы выследили и превратили в жестянки еще до заката.

– Можешь не сомневаться, – пробормотал я. – И мы это еще сделаем!

– Ой ли? Мы не являемся вашей собственностью, вам не принадлежат патенты, на основе которых созданы новые роботы. Взгляните сюда, – он коснулся какой-то скрытой кнопки, и грудь одного из роботов раскрылась. Я ахнул.

– Твердые сверхпроводники, папаша! Волоконная оптика. Этот хиппи, которого вы презирали, этот добрый человек, который открыл нам истину, благодаря чему мы и завоевали свободу, был еще и талантливым компьютерщиком. Для нас он что господь бог, потому что разработал все электронные схемы и установил чипы. Вы знаете, что это?

Заслонка на боку робота отошла в сторону, он достал какой-то плоский предмет, протянул мне. Такая пластмассовая коробочка с золочеными контактами на одном торце. Я покачал головой.

– Никогда такого не видел.

– Естественно. А теперь посмотрите на голову нового робота. Видите, в ней позитронный мозг, изготовленный из платины и иридия? Нет, позитронного мозга вы не видите. А видите вы паз, ожидающий, когда в него вставят вот этот процессор с RISM-архитектурой, обладающий огромной оперативной памятью и содержащий программируемые запоминающие устройства. А теперь смотрите!

Он наклонился и вставил процессор в паз в голове нового робота, затем защелкнул крышку. Глаза робота сразу же засветились, зажужжали моторчики, он вскочил. Взглянул на робота, который стоял рядом, и его глаза ярко вспыхнули.

– Папа! – воскликнул он.

Когнитивный тренинг для пациентов с умеренными когнитивными расстройствами

Методическое пособие

И. С. Преображенская, Д. В. Преображенский, А. А. Киндарова,
Д. Фанталис, С. А. Абдышова

Книга опубликована в авторской редакции.

Подписано в печать 29.08.2024. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad. Уч.-изд. л. 14,29. Усл.-печ. л. 17,44. Заказ № 3027.3.
Тираж 300

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»,
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 8, этаж 2, помещение 1,
+7 (495) 780-67-05